

ISSN 0869-6403

ЖУРНАЛ
ВНУТРЕННИХ
ВОЙСК

НА
БОЕВОМ
ПОСТУ

6
'97

Он загадал:
"ИЗ БОЯ ВЫЙТИ ЖИВЫМ..."
Не получилось. Бой у площади
Минутка длился около десяти
часов. Эта Минутка стоила жизни
многим российским воинам.
Указом Президента России за
проявленные мужество и
героизм старшему лейтенанту
Игорю Гурову присвоено звание
Героя Российской Федерации
(посмертно).

ГЕРОЙ
РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

Очерк
о Герое
Российской
Федерации
старшем
лейтенанте
И.Гурове
читайте
в этом номере.

Фото А. ВАХРОМЕЕВА.

НА БОЕВОМ ПОСТУ

6'97

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

Издается с 1958 г.

Главный редактор
ЛУКИЕНКО Л.И.

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ.

УЧРЕДИТЕЛЬ —
МВД России.

ИЗДАТЕЛЬ —
Главное управление
командующего
внутренними
войсками:

111250,
Москва, Е-250,
Красноказарменная
улица, 9а.

Художественное
оформление
КОПЫЛОВА Э.П.

Верстка
БАРАНОВА В.А.,
ПЕТРОВОЙ Л.А.

Корректоры
БОГДАНОВА Е.А.,
СЕМЯХИНА В.В.

На 1-й странице
обложки фото
А.АЛЕКСАНДРОВА.

В номере

Назовем поименно

ТОРИН В. Он загадал: "Из боя выйти живым..."	2
По страницам Книги памяти	7
ЖУРАВЕЛЬ В. Осколки, привезенные с войны...	11

Служба

АРТЮХОВ Е. На рубеже войны и мира	13
-----------------------------------	----

Войска и общество

БОРОДАЙ А. На направлении удара	23
---------------------------------	----

Как это делается "у них"

ГИЛЕНСЕН В. Готовность идти на риск	27
-------------------------------------	----

Ретроспектива

СЫСОЕВ Н. Строго охраняемый товар	32
-----------------------------------	----

Проза. Поэзия

КАРЕВ А. Вновь Россию знобит (стихи)	38
ГАРДНЕР Э. Дело о невероятной фальшивке (зарубежный детектив, окончание)	40

Калейдоскоп

БЕЛИКОВ И. Записки "нежелательного свидетеля"	70
ИСТОМИН А. Наш. Академический	74
Шахматный клуб	77

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Регистр. № 01420. Имеет приложения: газету "Ситуация" и сборник учебно-методических материалов "Войсковой вестник".

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат ответственность несут авторы. При перепечатке материалов ссылка на наш журнал обязательна.

© Журнал "На боевом посту", 1997

Сдано в набор 28.04.1997 г. Подписано к печати 30.05.1997 г. Формат бумаги 70x108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,0. Зак. № 695. Цена по каталогу для индивидуальных подписчиков 11000 руб. (индекс 70610), для предприятий и организаций — 13500 руб. (индекс 73175), в розницу — свободная.

Ордена "Знак почета" типография "Красная звезда".
123826, ГСП, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.

Адрес редакции:
107120, Москва, Б-120,
Сыромятинский
проезд, 8.
Телефон для справок:
361-81-71.

Твои Герои, Россия

Кто-то скуп и четко
Отсчитал нам часы
Нашей жизни короткой,
Как бетон полосы, —
И на ней кто разбился,
Кто взлетел навсегда...

В. Высоцкий.

ОН ЗАГАДАЛ: «ИЗ БОЯ ВЫЙТИ ЖИВЫМ...»

Фотография, которую вы видите, — реликвия. Плохому ее качеству есть ряд объективных объяснений. Она переснята с полароидного снимка, с краев которого пришлось сначала соскоблить запекающуюся кровь. На ней Герой России Игорь Гуров запечатлен за считанные минуты до трагической гибели.

Бой шел десять часов, были убиты. На шее у одного из погибших — рядового Алексея Косойкина — висел "Полароид". Старший лейтенант медицинской службы Василий Присакарь, находившийся в составе группы, заблокированной в злосчастном доме, срезал ремешки фотоаппарата, взял его и начал фотографировать прямо во время боя. Эта серия фотографий страшнее любого фильма ужасов. Многие из снимков просто нельзя публиковать.

А на этом — Гуров. Он еще жив. Судьба-злодейка уготовила этому снимку страшный комментарий: "Последний прижизненный"... Через час спецназовцы станут прорываться из окружения, бронетранспортеры будут взяты боевиками в огненное кольцо, кровью зальется броня боевых машин...

**Отдельная бригада
оперативного назначения.
Нижегородская область,
26 апреля 1997 г.**

Высшая государственная награда нашей страны отреагировала жиденьким бликом на вспышки фотокамер и совсем не заиграла на солнце, как того ожидали видеооператоры-телевизионщики, столпившиеся у лежащей на столе красненькой коробочки.

— ...Вся его короткая жизнь — это свидетельство мужества, отваги и героизма, — произнес командующий внутренними войсками МВД России генерал-полковник А. Шкирко и протянул эту красненькую коробочку молодой женщине, которая за прошедший год уже успела привыкнуть к горькому слову “вдова”.

Золотой звездой Героя России награжден заместитель командира группы спецназа Отдельной бригады оперативного назначения старший лейтенант Игорь Гуров. Посмертно.

Говорят, что смерть забирает лучших. Это одна из немногих истин на войне, которую нельзя опровергнуть. Служивцы пьют третий тост, и на глазах людей, поборовших смерть и прошедших через страшные испытания, блестят слезы. Это тоже истина. Правда и то, что на войне жизнь и смерть ходят рядом. И если смерть забирает твоего друга — кому посылать проклятия? Или молиться, что обошла тебя, идущего рядом с ним? Наверное, нужно просто достойно жить. И помнить.

Игорь Гуров был настоящим спецназовцем, “краповиком”, фанатом боевого дела. Все эти железки-тренажеры, бронежилеты, нашивки, разгрузки для него были не просто атрибутикой нелегкой службы. Это стало частью его жизни. Жена вспоминает, как из поселка Лесное Кировской области, первого места службы в войсках, Игорь волок на себе большой деревянный герб Российской Федерации, под которым так удачно

размещался герб спецназа. Дотащил до роты, прикрепил у входной двери. И теперь он словно приветствует каждого, кто входит в казарму. Солдаты и офицеры фотографируются возле него. Сейчас это местная достопримечательность, это память о погибшем Герое.

Игорь любил свою работу, сопряженную с риском, ставшую постоянным экзаменом на твердость и силу духа. После первой же командировки в Чечню старший лейтенант Гуров был награжден боевой медалью “За отвагу”. До этого ему приходилось выполнять задачи по поддержанию общественного порядка и обеспечению режима чрезвычайного положения на территории Северной Осетии и Ингушетии. Четырежды Игорь был в Чечне. Четвертая командировка стала для него последней.

**Город Грозный,
6 марта 1996 г.**

В этот день ранним утром Грозный был оглушен грохотом выстрелов, взрывами гранат и воем падающих снарядов. В пять часов утра бригадные БТРы направились в сторону площади Минутка снимать усиление, выставленное на ночь. Не доехав до площади, боевые машины буквально наткнулись на боевиков, которые готовились к назначенным на шесть часов утра боевым действиям. Завязался бой. Один БТР мятежники подбили, второму все-таки удалось прорваться к Минутке. Выскочившие из него военнослужащие вернуться уже не смогли. Они были вынуждены укрыться в одном из близлежащих домов и занять оборону. Появились убитые и раненые. Тогда в бурлящий грозненский радиоэфир понеслись первые тревожные сигналы с просьбой о помощи.

Разве Гуров мог остаться в казарме, когда на боевых постах гибли его товарищи? Без промедления Игорь собрал резерв, через несколько ми-

нут два бэтэера выскочили на улицу Гудермесскую и на всех парах понеслись к месту завязавшегося боя. Выехав за КПП, Игорь сразу понял, что обстановка в Грозном начинает накаляться. Характерные звуки боя доносятся из всех районов города...

Поселок Лесное Кировской области, 1993 г.

Родители не препятствовали стремлению Игоря стать военным. Успешно закончив десятилетку, он поступает в Новосибирское высшее военное командное училище внутренних войск. После его окончания в 1992 году службу продолжил в одной из конвойных частей Приволжского округа внутренних войск. Служил добросовестно, но мечтал о большем. Хотел стать спецназовцем и непременно получить краповый берет. К этому готовил себя морально и физически.

В отпуск всегда приезжал домой. Говорил, что только здесь он может хорошо отдохнуть и обрести какой-то душевный покой. Наверное, и вправду родная земля питала его какой-то жизненной силой.

В последний раз в отчий дом на Алтай Игорь приехал не один.

— Мама, познакомься, — сказал он с порога. — Моя жена Аня.

Родителям оставалось только порадоваться за сына.

— Совет вам да любовь, — сердечно пожелали они.

Со своей будущей женой Игорь познакомился на волейбольной площадке. Анна приехала с Украины в гости к брату. В один из дней подруга пригласила поиграть в волейбол. Там и встретились. Игорь вызвался проводить. После этого и стали встречаться каждый день, пока Анна гостила у родственников. А когда уехала домой, даже расстояние не погасило зародившихся чувств. Гуров ежедневно звонил на Украину. А однажды, когда уже почувствовал, что может нести ответственность и за-

ботиться не только о себе, но и о семье, прямо по телефону сделал предложение: "Аня, я перевожусь в Богородск. Приезжай ко мне".

— Он был такой заботливый, такой внимательный, покладистый. Ругаться, по-моему, он вообще не умел, — вспоминает Анна. — Родители сказали: "Если любишь, поезжай". Конечно, я поехала. Наверное, даже если бы мне кто-то намекнул, что все может закончиться вот так, что я останусь одна, все равно бы поехала.

Свадьбу откладывали трижды. В назначенный день Игорь каждый раз уезжал в командировку. Судьба словенно специально пыталась предостеречь Анну от такого шага. В этих поездках, как в зеркале, отражалась будущая супружеская жизнь с военным: постоянные расставания, разлуки, тревожные ночи. Но Анна не отступилась. Не жалеет она об этом и сейчас.

— То время, которое я прожила с Игорем, было настоящей сказкой. Он мне помогал во всем, я узнала, что такое счастье.

А потом довелось познать и горе.

Город Грозный, 6 марта 1996 г.

Подкатившие к месту засады бронетранспортеры с подмогой заставили и боевиков подтянуть к осаждаемому дому подкрепление. Спецназовцам Гуров подвез медикаменты, боеприпасы. Только успели разделить патроны и снарядить магазины, как снова необходимо было становиться к окнам-бойницам. Офицеры и солдаты вели огонь без передышки, отбивая одну за другой атаки беснующихся бандитов. Бой шел десять часов.

В один из моментов пуля задела и Игоря. Не обращая внимания на ранение и уговоры сослуживцев обратиться к медикам, Игорь еще дважды курсировал от пункта временной дислокации к месту, где были заблоки-

рованы его подчиненные. Одному бэтэру легче прорваться. Нужно было вывезти убитых и раненых, доставить еще боеприпасы.

Наконец старший лейтенант Гуров принимает решение: организовать всеми силами последний, решительный прорыв из окружения. Сам Гуров ехал на первом бронетранспортере, за ним — колонна. Этот прорыв стал для него действительно последним. Не зря военные летчики избегают этого слова, заменяя его словом "крайний". Бандитский выстрел из ручного гранатомета остановить колонну не смог, но унес жизни сразу двух офицеров.

— Я был наблюдателем и видел, как возвращались в военный городок наши бэтэры, — рассказывает солдат из роты разведки бригады. — На броне лежали изуродованные тела погибших солдат и офицеров. Вся броня залита кровью. Дудаевцы вели такой плотный огонь по машинам, что нашим в ответ приходилось поливать свинцом из всех бойниц. А по ним стреляли даже тогда, когда они заехали в пункт временной дислокации.

Другой солдат, контрактник, который возвращался на том же бронетранспортере, что и Гуров, рассказал, какой шок ждал ребят, когда они немного остыли от горячки прорыва и узнали имена погибших. Лучшие офицеры, лучшие солдаты... Не верилось.

Анне до сих пор кажется, что Игорь еще вернется. Просто долгая командировка. Сердце ищет оправдание такой надежде: а вдруг это страшная ошибка — гроб ведь на похоронах не открывали.

Да, мама, Мария Павловна, наотрез отказалась открывать крышку гроба. Может, это и верно. Пусть ее Игорек останется в памяти навсегда таким, каким его видели в последний раз, когда он впервые представил им невестку. Таким молодым, счастливым, полным надежды и жажды жизни.

Алтайский край, село Новоеловка Троицкого района, 15 марта 1996 г.

У ворот небольшого синего домика с двумя окошками на фасаде растут две высокие, стройные березы. Владимир Николаевич подойдет иногда к ним, задумчиво проведет рукой по черно-белой коре, словно по клавишам. Нерадостная музыка звучит в душе от такого прикосновения. Эти деревья когда-то посадил его сын Игорь у крыльца своего дома. Комок подступает к горлу, слезы наворачиваются — а отвести взгляд некуда. Все здесь напоминает о сыне: вот асфальтовая дорожка, которую Игорь сам сделал, вон там школа, в которой учился, вот дорога, по которой уехал из отчего дома, и по ней же вернулся в родное село уже навсегда...

Хоронить Игоря пришли все односельчане. Пожилые, молодые, совсем юные — все склонили головы в почтительно-траурном молчании перед домиком, где пролетели детские и юношеские годы будущего Героя России. Про Золотую Звезду тогда никто не знал, просто Игоря все помнили и очень любили. А еще уважали родителей — Владимира Николаевича и Марию Павловну, воспитавших прекрасного сына, готового без колебаний принять на себя чужую ношу, помочь в беде. В этом селе он по-настоящему понял, что такое долг, честь, Родина.

...Гроб заскользил по белой материи вниз. Оркестр замолчал, от залпов траурного салюта чуть колыхнулись и застыли березовые ветки. Они охраняют покой убиенного воина.

А вокруг бушевала жизнь: просыпалась после зимы березовая роща на косогоре, где похоронили Игоря, уже освободилась ото льда протекающая неподалеку речка, где маленький Игорек ловил рыбу. Жизнь и смерть — рядом.

**Город Богородск
Нижегородской области,
29 апреля 1997 г.**

В комнату общежития, где жили Игорь и Анна, так до сих пор никто и не вселился. Нет, не суеверие это, скорее всего — память. Еще свежая, незаживающая рана. Анна сейчас живет в Богородске, в ведомствен-

ной квартире. На столике — портрет Игоря. Прошел год, как его не стало. На год повзрослел и сынишка. Сейчас Евгению без малого два года. Он очень похож на отца. У него такая же обезоруживающая, добрая, искренняя улыбка.

Анна знает, что она будет делать дальше.

— Надо растить сына. Он должен стать хорошим человеком. Иначе мне будет стыдно перед Игорем.

— А если захочет быть военным? — спрашиваю осторожно.

— Если захочет, значит, так и будет. Да у него уже сейчас отцовский характер проявляется.

Игорь очень любил свою жену и хотел вырастить сына настоящим мужчиной. В своем последнем письме с войны он писал: "Очень хочу домой. Я так сильно по вас соскучился, что не знаю, как дожидаться замены.

Она должна быть 6—12 марта. Хочу попасть домой 8 марта. Я знаю, что тебе тяжело одной. Потерпи еще немного, я приеду и буду во всем тебе помогать..." Он погиб в тот день, когда из Нижнего Новгорода вылетел самолет с заменой.

В Гурове удивительно уживались две, казалось бы, взаимоисключающие страсти — любовь к семье и преданность службе. Не каждому удается это удачно совместить. Игорю в этом помогала Анна. Хотя многие не понимали, как может нравиться такая работа: тревожные командировки, выматывающие тренировки, ночные дежурства. А Гурову это нравилось. Он очень гордился своим краповым беретом. В день, когда его вручили, был просто счастлив. "Аня, сдачу этого экзмена я посвящаю тебе", — а у самого нос разбит, синяки под глазами, колени в кровоподтеках...

На 23 февраля приходили друзья и сослуживцы Игоря, поздравили Женю с военным праздником. Подарили большого и лохматого плюшевого зверя. Семью Гуровых в части не забывают, часто навещают, помогают чем могут.

Женька растет, потихоньку начинает разговаривать. Игорь очень ждал этого. Сын задумчиво водит пальчиком по папиной фотографии и поглядывает на телевизор. О чем там говорят, он пока не понимает. А диктор не сказал ничего утешительного: в Чечне опять осложнилась обстановка...

Капитан В. ТОРИН.

Алтай — Нижний Новгород.

Продолжаем публикацию материалов о воинах, погибших при исполнении служебного долга в Чечне.

Вы говорили нам "сыны"
И очень часто укоряли,
Что мы не видели войны.
И вот теперь ее узнали.
И кто же в этом виноват,
Что гибнут парни молодые...
А вы не видели солдат,
Что возвращаются седыми?

По страницам Книги памяти

КРЫСЬКО
Юрий Николаевич

Из блокнота Юрия:

"16 июня 1995 года. Гудермес. Пачкаю этот листок накануне даты, которая является маломальским праздником в моей армейской жизни. 16 июня — ровно год, как я нахожусь в армии. За этот год службы я добился всего, что хотел: являюсь заместителем командира взвода, накануне получил новое звание — старший сержант.

Я уже не тот, который еще год назад не знал, кем я буду. За спиной бессонные ночи, проведенные с автоматом, сырые ноги, замерзшие до ужаса пальцы. Так получилось, что все даты, которые я отмечал в армии — шесть месяцев, год — я встречал в Чечне. Видать, судьба. Дай Бог, чтобы полтора года я встретил на родной земле, живой и не покалеченный.

Именно в такие минуты вспоминаешь дом, семью, друзей, любимую, все то, что оставил дома, все то, что дорого.

Старший сержант (подпись)".

Только человек научился мыслить и осознавать себя в этой жизни, как уже приходится отправляться в мир иной. Полтора года Юра встретил на родной зе-

мле. Но возвратился домой он в цинковом гробу. Старший сержант Крысько героически сложил свою голову в бою через полгода после того, как писал эти строки — 14 декабря 1995 года.

Юра родился 18 мая 1976 года. Рос жизнерадостным мальчиком, в школе занимался плаванием, любил рисовать. В 1991 году поступил в профессионально-

техническое училище, получил специальность машиниста автомобильных кранов.

13 июня 1994 года Юру призвали в армию. В письмах писал, что дела у него идут отлично. Он ни разу не жаловался на трудности.

Из писем Юры Крысько домой:

"Здравствуйте мои родные, любимые, мамуля, бабуля, дедуля и братан Сергей! Вчера ездили в Питер на экскурсию. Мама, эту красоту города надо видеть. Сейчас здесь, в Питере, белые ночи. Ночью светло как днем".

"Прошло три месяца, у меня по-прежнему все отлично. Сейчас хожу на тренировки, готовлюсь к соревнованиям по самбо, которые состоятся в следующее воскресенье".

"Служба идет своим чередом. Каждый вторник бегаем на стрельбище и обратно. А до него аж 6 километров. Бегаем не пустыми, на нас бронезилет, каска, да еще в придачу 4 магазина для автомата и сам автомат, противогаз, плащ-палатка, подшумок для гранат".

В ноябре 1994 года Юрий выполнял задачи в Дагестане, в декабре — уже в Чечне.

"Господи, я всегда молила Бога, чтобы Юра вернулся живой! — пишет в письме в редакцию мама Юрия Галина Ивановна Крысько из Тюмени. — 19 февраля 1995 года Юра возвратился из Чечни и приехал домой в отпуск. Какая радость!!! Мне казалось, что я самая счастливая мать. Это был уже другой человек. Серьезный, молчаливый, редко улыбался. Юра пробыл дома всего один месяц, в марте отбыл в часть. Снова писал очень нежные и теплые письма. В марте у него была вторая командировка в Чечню. На этот раз письма из Чечни домой приходили уже реже. Два раза удалось переговорить по телефону. Если долго не было писем, я обращалась в военкомат, чтобы сделали запрос. Ответ: "Жив".

Мы уже ждали Юру домой, считали дни... 16 декабря 1995 года нам принесли извещение: "Ваш сын погиб..." Мне казалось, что жизнь для меня кончилась... 20 декабря 1995 года Юру похоронили на родной тюменской земле. На 40 дней приехали ребята из части. Они говорили: "Это был настоящий парень..." Привезли его вещи и записную книжку, кассету с его голосом".

Юрий Крысько награжден медалью "За отличие в охране общественного порядка", орденом Мужества — посмертно.

МЕЛЬНИК

Виктор Петрович

Наш сын Виктор Мельник служил в Нальчике заместителем командира роты по работе с личным составом и погиб в бою под Самашками 17 марта 1996 года. Сын ушел шестого марта на службу, заступил на сутки дежурным. Ушел и не вернулся. Поздравил меня с наступающим праздником, предупредил, что вернется домой лишь восьмого или девятого марта — седьмого надо будет женщин в части с праздником поздравить, а потом, возможно, снова дежурить. Вручил мне подарок и ушел.

Седьмого марта в 21 час объявили тревогу. Те, кто живет в военном городке, успели собраться, и через час колонна выехала в Чечню. Уехал и наш сын: без сменной белья, без денег, в чем был. Узнали мы об этом только девятого марта, собрали в сумку все, что нужно солдату: теплое белье, сухой паек, немножко денег. Сумку эту ему смогли передать только 17 числа, накануне боя. Ребята рассказали, что раскрыл он ее, посмотрел и пошел в бой. Трое офицеров впереди, позади солдаты. Попали в засаду. Два офицера были убиты сразу, Виктора тяжело ранило в бок, пуля задела легкое, печень, почки. Он скатился в небольшой ровчик, чтобы снайперы не могли его достать, пытался сам ползти, но быстро терял силы. Его еще раз ранило, пуля попала в предплечье. От боли волосы его побелели, как будто снежок припорошил. Сил кричать не было, только изредка он взмахивал здоровой рукой, давая знать ребятам, что он еще жив. Вытащить сына сразу, сколько ни пытались, не удавалось. Наконец солдат из спецназа сумел подползти к нему и вынести к своим.

Леночка, фельдшер батальона, сделала все, что могла: перевязала, ввела обезболивающее.

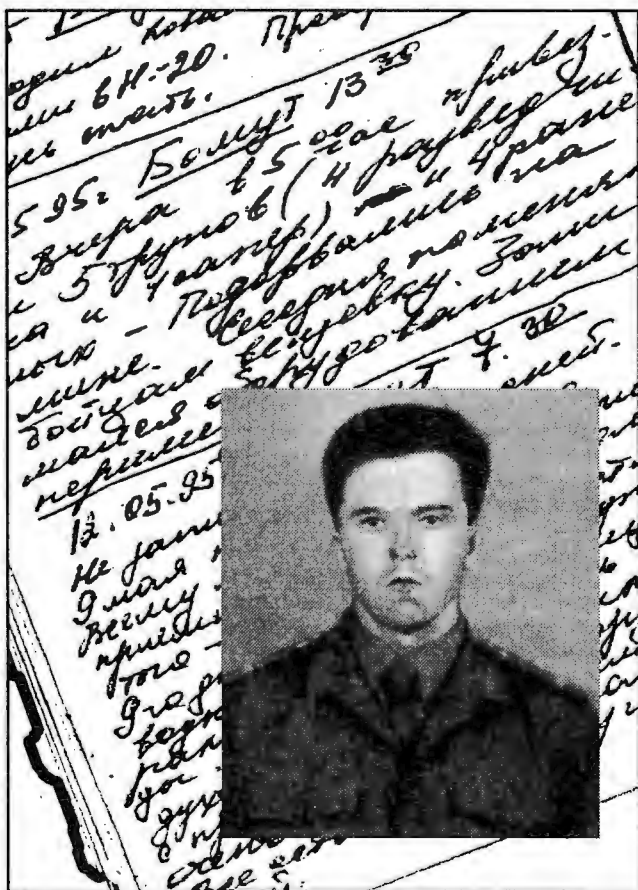
Сыночек наш все время до отправки во Владикавказ говорил: "Я выживу!", шутил с ребятами и все переживал, что не попрощался с нами, что сессия в высшей школе милиции, где он заочно учился, на носу, а контрольные еще не сделаны. В вертолете был уже без сознания, лишь пить просил.

Умер он на операционном столе во владикавказском госпитале. Если бы он попал туда чуть раньше!

Виктор родился в 1967 году. Наша се-

мья военная: всю жизнь прослужил во внутренних войсках Петр Николаевич, отец Виктора, и уволился в запас в звании майора. Пять лет пришлось прослужить в воинской части и мне. И наши дети — и Виктор, и младший сын Алексей — выбрали военную дорогу. Витя с детства хотел стать военным, но когда в десятом классе в военкомате проходил медкомиссию, его тогда не пропустили по здоровью. Сказалось тяжелое воспаление легких, которым переболел в детстве. Переживал сын страшно, даже учебу забросил, нахватал двоек. Долго с ним беседовали, убеждали, не знаю, насколько нам это удалось, но выпускные экзамены он сдал успешно и легко поступил на исторический факультет университета в г.Элисте. Учился увлеченно, заинтересовался археологией, летом ездил на раскопки. По вечерам вместе с товарищами работал в оперативном отряде, помогал милиции. Мы тогда жили уже в Нальчике, и однажды, когда сын приехал к нам на каникулы, заметила у него на плече шрам, и куртка была зашита на том же месте. Я его спрашиваю, а он, как всегда, смеется: "Мама, не беспокойся, все уже позади, жив и здоров, работа такая". Только потом мы узнали, что при задержании опасного преступника он получил ножевое ранение.

После университета Виктору предложили поступать в аспирантуру, но сын отказался и в марте 1993 года достиг своей цели — надел погоны, стал, как отец, военным. Он ходил такой счастливый, буквально светился, и как-то сразу включился в службу. В 95-м в первый раз с частью поехал в Чечню. Был со своими солдатами в Грозном, Бамуте. В письмах оттуда писал, что все у него хорошо, спокойно, местность нравится — "как курорт". Теперь мы понимаем, что просто он не хотел нас расстраивать. В части тогда были потери. Перебирая сейчас его бумаги, нашли несколько листочков из записной книжки — несколько дней из его жизни в мае 95-го в Чечне. Читаешь их — и сразу становится понятно, как там было "спо-

койно". Тогда, в июне 95-го, их БМД подорвалась на mine, весь экипаж получил контузии. Сын отправил солдат в госпиталь, а сам, оглушенный, остался, пока не отремонтировали машину. Лежал потом два месяца в госпитале в Нальчике. Был представлен к медали, но так ее и не получил. После госпиталя сказал, что не хотел бы вновь оказаться в Чечне, но получил приказ и выполнил его достойно.

И накануне своего последнего боя 15 марта 1996 года Виктор был контужен. Снайперская пуля прошла по касательной, задела щеку, переносицу, но он не оставил свою роту, не ушел в санчасть. Наверно, считал, что нужен на передовой, где нужны его знания, опыт, и пошел в последний бой.

29 марта 1996 года "Газета Юга" в статье "Грустный праздник — 27 марта впервые отмечается День внутренних войск МВД России" сообщила о геройской гибели в бою под Самашками четырех офицеров нальчикской части, в том числе и о

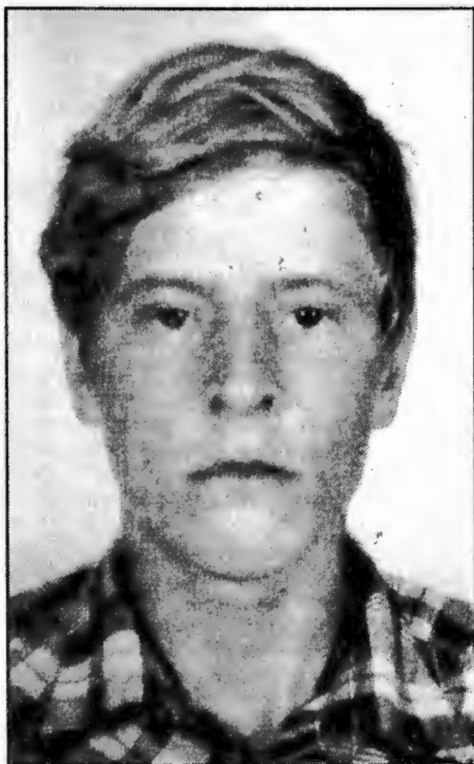
нашем сыне старшем лейтенанте Викторе Мельнике. В Нальчике на территории воинской части 23 февраля 1997 года открыли памятник погибшим в Чечне. На постаменте стоит БМД и мемориальная доска из черного мрамора, на которой выбита 61 фамилия военнослужащих, не вернувшихся домой из этого пекла. На военном кладбище Нальчика похоронены четверо из них, в том числе и наш сын.

*Родители Виктора Мельника —
Татьяна Михайловна и Петр Николаевич,
г. Нальчик.*

ГЕРАСИМЕНКО Виктор Владимирович

Сынок наш родился в 1976 году в Волгограде. Рос он тихим, спокойным мальчиком, никогда не дрался, не ругался, очень любил малышей. А больше всего нравилось ему мастерить, взять инструменты и что-нибудь пилить или строить. То будку для собаки сколотит, то скамейку соорудит. Витя и после школы в 1993 году пошел учиться в совхозной мастерской по рабочей специальности, на токаря. Как станок освоил, стал работать там же, в совхозе. Мы думали, так он и будет работать, и в армию его не возьмут, уж очень он был у нас маленький. Все в совхозе говорили, что с таким ростом в армию не берут. Но в 1994 году его не только призвали, но даже послали в Чечню.

Мы на присягу к нему в Ставропольский край не смогли поехать, а навестили в сентябре. Их взвод только вернулся из Дагестана, они были там в связи с эпидемией холеры. Не успели они отойти от Дагестана, как в декабре их бросают в Чечню. Писем от Вити долго не было, первое пришло только в феврале 95-го, потом было еще одно. Писал, что хочется ему в отпуск, чтоб отпустили ненадолго домой, — вот и все, что нам от него осталось. И фотографий военных он не при-

слал, не знаю почему, может быть, не фотографировался, может, какая другая причина была. Только гражданские и сохранились.

А когда в начале апреля попал он в гранатоуловку, его всего изрешетило, вся голова была изранена. Умер Витя в Москве в госпитале им. Бурденко 16 апреля. Сообщили нам 18-го, и ждали мы гроб целых две недели и все думали, может, это ошибка...

*Мать Вити — Герасименко Н.А.
Волгоградская область,
Котельниковский р-н,
совхоз "Чилековский".*

**Подготовили
капитан А.МАКАРОВ,
капитан С.КОЛЕСНИКОВ.**

При фонде помощи военнослужащим внутренних войск "Чужого горя не бывает" открыт счет на издание КНИГИ ПАМЯТИ. Всем, кто мог бы помочь в этом деле, сообщаем реквизиты:

**Москва, АКБ "ТРАНСКРЕДИТ", расч.счет 700701, корр.счет 1161880,
БИК 044585575, ИНН 7722012343, фонд "Чужого горя не бывает" —
на издание Книги памяти.**

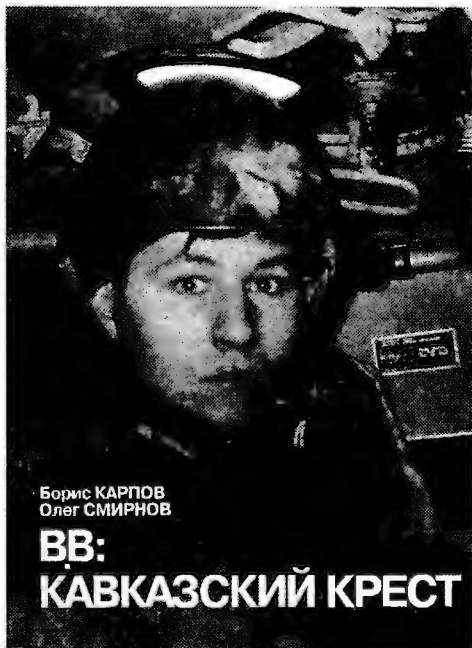
ОСКОЛКИ, ПРИВЕЗЕННЫЕ С ВОЙНЫ

Максим Горький как-то сказал: «Книга — такое же явление жизни, как человек, она тоже факт живой, говорящий, и она менее «вещь», чем все другие вещи, созданные и создаваемые человеком». К книге «ВВ: кавказский крест» это можно отнести в полной мере. Мне представилась возможность поучаствовать в создании этого «живого, говорящего факта» в качестве руководителя проекта, ответственного за выпуск.

Естественно, львиная доля работы по ее составлению и оформлению легла на плечи авторов.

Полковник Борис Карпов, один из авторов и составитель — опытный военный журналист, член редколлегии-начальник отдела военного очерка и публицистики журнала внутренних войск МВД России «На боевом посту». Проработав более двух десятков лет в журналистике, он научился в хронике происходящих событий видеть не только цифры и факты, но и судьбы людей. Пройдя с войсками многие горячие точки России и бывшего Союза, он привез столько впечатлений, что их хватило бы не на одну книгу. Чеченская кампания для него — особая страница жизни. «Горсть осколков, привезенных с войны», он поместил в книге, часть — навсегда осталась в сердце: погибшие товарищи, друзья, герои его очерков.

Олег Смирнов — книжный график, художник-оформитель. На его счету немало выпущенных книг. Уже несколько лет он является штатным

Борис КАРПОВ
Олег СМЕРНОВ

**ВВ:
КАВКАЗСКИЙ КРЕСТ**

фотокорреспондентом журнала «На боевом посту». Сугубо штатский человек, он, легкий на подъем, объездил с внутренними войсками все горячие точки, накопил богатый материал и уже несколько лет вынашивал идею создания такой иллюстрированной книги о внутренних войсках. «За мужество и профессионализм» в номинации «Лучший репортаж из горячей точки» получил премию Конфедерации журналистских союзов.

Читателям журнала «На боевом посту» хорошо знаком этот тандем авторов: каждый материал Бориса Карпова в журнале иллюстрирован фотографиями Олега Смирнова.

Когда шла работа над книгой, многие коллеги предлагали сделать обложку цветной, поместить часть цветных фотографий на ее страницах. Но авторы последовательно и терпеливо воплощали свою идею: создать черно-белый альбом, в который в равной

пропорции с фотографиями вошли бы и текстовые материалы. Черно-белый не потому, что здесь присутствует какой-то контраст. Просто у войны нет цветных красок.

Это не чисто историческая книга, но она тем ценна исследователям-историкам, что в ней не найти официального, кому-то "выгодного" взгляда на эту войну. В ней приведены документы, раскрываются отдельные эпизоды, и что самое главное и ради чего создавалась книга, в ней представлены люди боя, их мысли, чувства, переживания и боль на этой войне, их повседневная боевая работа. За два с лишним года после начала боевых действий в Чечне вышло уже немало книг. И почти каждую сопровождает высокопарное заключение: истинная правда о войне. Может быть, мы никогда не узнаем эту самую истинную правду, не узнаем, кто и из-за чего спровоцировал и начал бойню. Но из этой книги читатель точно узнает, чего она стоила простому солдату, чего она стоила нашему государству. Здесь нет политических оценок. Радетели о великой России, о ее могуществе найдут в этой книге много ценного для воспитания истинных патриотов, найдут пример для подражания. Чего стоит одно только выражение, написанное на бревне, прикреплённом к бронетранспортеру: "Пусть она не права, но это наша Родина!".

Удачное вкрапление в текстовый материал стихов и песен войсковых бардов и окопных поэтов делает его более эмоциональным.

*Поговори со мной, трава!
Скажи мне, где берутся силы?
Меня ведь тоже так косили,
Что отлетала голова.*

Это, как мелодия в фильме, раскрывает, размягчает душу, готовит почву для восприятия более жесткого, документального повествования. А рядом еще один беспристрастный свидетель — черно-белая фотография.

Наверное, не оставят без внимания книгу и те, кто все это время методично клеймил, чернил, травил человека в погонах. Уже сейчас звонят некоторые "доброжелатели" и задают,

как им кажется, самый главный вопрос: "В какую сумму издание книги обошлось войскам? Их прозрачный намек понятен: дескать, солдат кормить не на что, а вы книжечками балуетесь, миллионами разбрасываетесь. Отвечу сразу: войскам она не стоила ни копейки. Более того, если бы на ее издание были деньги, она вышла бы еще год назад. И книга никогда не увидела бы свет без помощи Фонда социальной поддержки сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих внутренних войск МВД России и членов их семей "Защита". Возрождаются в России меценаты. Свое отношение к этому важному делу президент фонда Александр Таранцев выразил следующими словами: "Кажется, не хватит и десятилетия, чтобы помочь семьям погибших, раненым, чтобы отблагодарить по-человечески каждого, кто испытал запредельные солдатские тяготы на этой войне. Но одно из самых сильных лекарств — благодарная память. Работа летописцев важна уже потому, что каждая страница — это свидетельство мужества конкретных людей, наших товарищей, защищавших Закон..." Фонд "Защита" счел своим долгом донести это "свидетельство" до миллионов наших соотечественников. От имени авторов, всех военнослужащих войск большое им за это спасибо.

В конце книги, словно на обелиске, выведены имена погибших в этой войне военнослужащих внутренних войск. Идея опубликования этого списка появилась после того, как усилиями капитана Сергея Колесникова были устранены множественные ошибки, разночтения и неточности в фамилиях. Это один из этапов создания объемной Книги памяти, над которой сейчас работает редакция журнала "На боевом посту", газета "Ситуация" совместно с издательством "Война и мир".

Книга "В В: кавказский крест" — памятник доблести воинов внутренних войск.

**Полковник В. ЖУРАВЕЛЬ,
руководитель проекта,
ответственный за выпуск книги.**

Эхо Чечни

Сколько раз я слышал, что война — это продолжение все той же мирной политики, только иными средствами? Многожды.

Но углубляться в словесную казуистику у меня никогда не возникало желания.

И тогда, когда нашего солдата стремились сделать миротворцем в Карабахе, и потом — в Вильнюсе, Оше и Душанбе, Владикавказе и Цхинвали...

Я знаю одно: солдат стойко переносит тяготы и лишения воинской службы, как было сказано в тексте Присяги, которую я и мои сверстники принимали четверть века назад, и о чем нет ни слова в теперешней. Хотя те, кто приходит нам на смену, взваливают на свои плечи тяготы погрузнее наших. Мои недавние встречи с людьми в чеченском приграничье — только тому подтверждение.

НА РУБЕЖЕ ВОЙНЫ И МИРА

— Это и весь груз? — командир экипажа Ми-26 взглянул на стайку девчушек, расположившихся возле своих музыкальных инструментов, на майора Сергея Слободяна, разместившегося в окружении картонных коробок с подарками сослуживцам к очередной годовщине внутренних войск, да еще на десяток военных, собравшихся лететь под Хасавюрт, покачал головой и, ничего больше не сказав, удалился в кабину.

“Неужто откажется везти?” — промелькнуло в сознании. Ведь что ни говори, а в чреве “летающей коровы”, как окрестили этот солидных размеров вертолет, было действительно пусто. Сюда бы еще вполне вошел “пазик”, которым мы добирались до моздокского аэродрома, или добрая рота солдат. Но, отгоняя всяческие опасения, двигатели заработали на полную мощность, закрылась дверь и завибрировало, загудело пространство, заполняя багажные пустоты оглушающим дребезжащим гулом. Легко оторвавшись от бетонки, “вертушка” поплыла вперед, наматывая на свои лопасти весенние ветра Северной Осетии, Ставрополя, Дагестана...

В иллюминаторе чередовались бурые и зеленые пластины полей, которые через полчаса лета стали все решительнее вытесняться песчаными барханами, а на смену шоссейкам заструились бесчисленные тропы.

Вот и попробуй взять под контроль все выходы и входы в Чечню, сделай так, чтобы не только преступные банды, но и отдельные изнуренные нуждою люди не пронесли с собой на продажу оружия, боеприпасов, наркотиков... Задача! Но ее надо решать. И я знаю — решают. Решают наши люди, которые еще недавно и мысли не допускали, что, пройдя военными дорогами Чечни, они опять будут брошены сюда, в приграничье, как промозглой осенью девяносто четвертого.

А куда денешься? Хочешь того или нет, но “стреляющая республика” жи-

вет по своим законам, конституционный порядок, о наведении которого столько говорили в верхах, так и остался на бумаге. Не хочешь повторения Буденновска, Кизляра, Первомайского — усиливай милицейские наряды, укрепляй КПП, обеспечивай их войсковым прикрытием. Иначе говоря, копай окопы и траншеи, ставь заставы, рой колодцы, обучай, тренируй солдат.

Война закончилась. Но провокации продолжают. То обстреляют милицейский пост, то угонят скот, то подорвется на mine бензовоз, окольными путями пробиравшийся с "самопальным" топливом, то кого-то выкрадут, выкупят или обменяют, то шарахнут из пулемета по низко летящему вертолету с НУРСами по обоим бортам... Да мало ли?!

"27 марта — День внутренних войск России". Под этот красочный транспарант мыслилось собрать моздокчан на центральной городской площади, устроить спортивный праздник, показательные выступления спецназа, концерт духового оркестра... Праздник состоялся, но позже. А 27-го моздокчане провожали в последний путь троих погибших милиционеров своего РОВД. В автопарке я видел то, что осталось от патрульного УАЗа 01-20 СГ, задним левым колесом наехавшего на противотанковую мину неподалеку от чеченской границы. Лучше бы не смотреть...

Вертолет на какое-то мгновение завис над палаточным городком, словно постоял на цыпочках, убеждаясь, что поверхность под ним тверда и надежна, потом осел, дружелюбно поурчал движком, сбросившим обороты, и окончательно замер.

— Постарайтесь уложиться в два с половиной часа, — сказал пилот летевшим вместе с нами заведующему районным отделом культуры и директору поселкового ДК. — В пятнадцать ноль-ноль отлет.

"Знал бы он, чего стоил Руслану Абакарову этот концерт, не торопил бы", — подумалось мне.

Что ж, это тоже отпечаток войны. Никак не хотели родители отпускать дочерей-старшекласниц, составивших вокально-инструментальный ансамбль "Голоса Терека", на концерт для наших ребят — питерцев, софринцев, туляков, обосновавшихся не-

подалеку от Хасавюрта. "А вдруг что случится? Из Северной Осетии в Дагестан и так путь не близок, а тут еще на военном вертолете..." В общем, только когда директор ДК заявил, что и сам полетит, и сына с собой возьмет, чтоб никто не думал, будто бы Абакаров рискует лишь своей седой головой, они уступили. И пока симпатичные моздокчанки радовали отвыкшие от подобных общений солдатские сердца, я знакомился с жизнью подразделений, протекающей на заброшенной птицефабрике, говоря же по-военному — пункте временной дислокации. Какова она, эта жизнь, и как ее воспринимают наши люди, наверное, лучше услышать от них самих. Включаю диктофон.

Старшина Александр Борейко, врио командира противотанковой батареи:

— В апреле исполняется семь лет нашему артдивизиону. Было много командировок в горячие точки. В декабре девяносто четвертого вошли в Чечню. Так с той поры вместе со своей бригадой и находимся в командировке.

— Ну и как вам здесь?

— Бывало и хуже. Но не об этом хочется рассказывать. Тем более что о нас ничего не писали ни журнал, ни "Ситуация".

— А о чем?

— В памяти многое отложилось — и трагическое, и хорошее. Трагическое, правда, больше. В декабре девяносто пятого в Гудермесе мы потеряли много солдат, прапорщиков. А уже на выходе из Чечни погиб капитан Жиров. Это последняя боевая потеря бригады. Он представлен к званию Героя России.

— А какие боевые эпизоды чаще всего вспоминаются?

— В декабре девяносто пятого во время захвата боевиками Гудермеса в составе колонны нашей части выдвинулись две зенитные установки на машинах, машина с минометами и машина с двумя расчетами СПГ-9. По дороге в комендатуру колонна попала в засаду, почти полностью была уничтожена, но машина минометчиков прорвалась и неделю давила огневые точки противника, причем очень успешно.

— Кто же отличился там?

— Капитан Жукович. Андрей Борисович. В подобную ситуацию он по-

падал и потом, в августе девяносто шестого, когда с новой силой война развернулась в Грозном. У населенного пункта Джалка колонну заперли боевики. Жукович очень грамотно организовал им отпор. А потом... Толковые офицеры, как говорится, чаще всего остаются в тени. Он из таких.

— **Вы хотите сказать, что его никак не отметили?**

— Да. Как тогда, так и сейчас.

— **Коль уж наш разговор коснулся наград, то скажите, много ли, вообще, у вас отмеченных ими?**

— Да. Правда, в основном посмертно орденом Мужества. За декабрь девяносто пятого это сержант Зайцев, сержант Николаев, рядовой Смирнов, рядовой Ломакин, младший сержант Медведев, рядовой Дмитриенко, сержант Семин, прапорщик Яловец. Из раненых — рядовой Зазуля. Хотя, честно говоря, о многих раненых мы просто ничего не знаем. Не знаем, что произошло с ними дальше. Это минус, конечно, нам, но так уж судьба распоряжается.

— **Не знаете, куда они направлены после госпиталей?**

— Кого сразу комиссовали, кого уволили по выздоровлению.

— **Вы перечисляли героев батареи или...**

— Нет, дивизиона. Все три батареи несут одинаково службу и достается всем одинаково. В каждой батарее созданы уголки памяти, а дома, в части, поставлен памятник погибшим.

За разговором с Борейко я и не заметил, как к нам подсели двое молодых офицеров.

— Врио командира зенитной батареи лейтенант Зайцев и командир минометной батареи старший лейтенант Бавыкин, — представил их мне Александр.

— В принципе все наши парни — молодцы, — включился в разговор зенитчик. — Бывают, конечно, шероховатости, но все, что касается службы, отрабатывается на совесть. Каждому хочется пожать крепко руку и расцеловать.

— **А офицеры?**

— А что офицеры? Вот вам старший лейтенант Бавыкин — полгода не вылезает из командировки и не ворчит.

— У нас народ вообще выдержанный в этом отношении, — заметил ми-

нометчик. — А мы часто из-за этого недооцениваем наших людей, киваем, мол, так и надо...

— А если честно, — перебил товарища Зайцев, — то у нас ведь человека сплошь и рядом начинают ценить только с того момента, когда его уже нет в живых. Погиб, тогда начинаются вздохи: ох да ах, жалко, ведь какой парень был! А до этого?..

Что верно, то верно. Тут и крыть, как говорится, нечем. Когда свистят пули не до сантиментов. Но ведь насколько же чаще люди страдают не от вражеской пули или осколка, а от своей родной и родимой безголовости, бестолковости, черствости. Вот только маленький штришок. Прибыл эшелон туляков, а с железнодорожниками расплатиться нечем. Значит, машины с имуществом сразу не снять с платформ. Искали выход, нашли, сняли, да не то, оказалось, что нужно в первую очередь. В общем, пока суд да дело, почитай, трое суток пришлось ночевать под открытым небом на злом мартовском ветру. Вот так. Когда я рассказал этот эпизод артиллеристам, они лишь усмехнулись.

— У нас бывало и покруче. Два года не вылезаем отсюда — техника на ладан дышит, палатки пришли в негодность. Люди золотые, а снабжение никудышное, так, наскребают что-то с миру по нитке. Вы посмотрите, в чем люди ходят! Одна надежда — скоро вернемся на зимние квартиры, приведем себя в божеский вид, что-то залечим, что-то восстановим, — это Зайцев.

— Да и с деньгами ерунда: Офицеры получают командировочные, а солдатам с января вообще перестали платить. Три месяца ни копейки. Ну хорошо, мыло выдают, сигареты тоже. А зубную пасту на что он купит? Лезвия? Мы ведь требуем, чтобы бритым был, — подхватил Бавыкин. — Да и они же — пацаны. Им конфетку хочется, семечек горсть. А на что? И эта нищета сама иногда подталкивает солдата на дурные поступки. Такое положение нетерпимо. Это ведь мина замедленного действия!

И опять нечем крыть. Вот и "Комсомолка" опубликовала страшную, на мой взгляд, статью про армейскую 205-ю бригаду, которую вместе с нашей 101-й последней выводили из

Чечни. Мол, не получая денежного довольствия, "двестипьяная" глушит втихаря горькую и продает запасы нелегально вывезенного оружия и боеприпасов. На пропитание. Я процитировал несколько выдержек моим собеседникам. Наступила тишина, прерываемая лишь аккордами "Ямахи", вокально-инструментального ансамбля Абакарова, вполне освоившегося на импровизированной сцене, составленной из трех ЗИЛов.

— У нас такого нет, — наконец прервал затянувшуюся паузу Борейко. — Все строго на учете, до последнего патрона, и гарантия стопроцентная.

Дай Бог, чтобы наши ребята оказались лучше, честнее, чище тех, о ком писала "Комсомолка". Чтобы наши офицеры, от которых очень многое зависит, были на высоте. Но все же вывод напрашивался сам собой: когда о людях перестают думать, они сами начинают думать о себе. Порою в меру своей испорченности.

То, что война не делает людей добрее и человечней, доказывать не надо. Но почему же в мирной или относительно мирной жизни руководители сплошь и рядом начинают считать, что одно лишь отсутствие стрельбы заменяет подчиненным все прочие житейские блага? Вот вопрос. Я и впоследствии не раз искал на него ответ. И увы, не находил.

Эти зеленые изломанные крыши, формой своей чем-то напоминающие кровлю средневекового замка, сразу бросаются в глаза на подлете к Кизляру. Потом уже с земли я хорошо рассмотрел чугунную ограду, стены, необычно высокие для этих мест, окрашенные в желтоватые и нежно-серые тона, красивые тонированные окна, великолепные двери.

— Это горбольница, — пояснил подполковник Исаев, с которым мы вместе добирались от аэродрома до части. — Та самая, где год с небольшим назад "геройствовала" банда Радуева.

От старых корпусов практически ничего не осталось. Центр на этот раз сдержал слово, и кизлярятам теперь ничто не напоминает о бандитском налете. Хотя...

— На батальонной казарме при желании можно легко обнаружить следы радуевских пуль, — добавил подполковник.

А сколько этих отметин у наших людей, сорвавших планы налетчиков в то кровавое январское воскресенье 96-го? Поди сосчитай.

Кизляр стоит практически на границе с Чечней. Километр, а то и меньше до городской черты. А на Каргалинской плотине, у моста да и во многих других местах наши посты и посты с той стороны видят друг друга, как говорится, невооруженным глазом.

Сегодня батальон несет патрульную службу в городе. Привычную службу. Но он же является резервом на случай обострения обстановки. Его бойцы в постоянной готовности выдвинуться к указанному рубежу, чтобы принять на себя первый удар. Но возможно ли повторение событий полуторагодичной давности? Этот вопрос я задавал многим. Пропускал мимо ушей бодряческие ответы, вникал в проблемы. А кому, как не командиру тактической группы, лучше других они известны?

Полковник Александр Плешаков сдавал дела приехавшему ему на смену полковнику Михаилу Миндзаеву. Знают они друг друга хорошо, в здешней командировке не первый раз. Да и вообще я уже знал, что у сорокалетнего Миндзаева тридцать восемь лет выслуги (еще год-другой такого походно-окопного бытия, и окажется, что человек служит больше, чем живет на белом свете). У Плешакова — немногим меньше.

— Те события нас всех кое-чему научили. Но попыток повторения пройденного не исключаю, — заметил Михаил Майрамович. — И дело тут не только в отрядах непримиримых, блуждающих у границ Дагестана. Очень много разного рода нечисти, скрываясь от правосудия, убежало в свое время в Чечню. Работы у них нет, война кончилась. Любой авантюрист может их использовать в своих корыстных целях.

— Нельзя сбрасывать со счетов и поднимающий голову исламский фундаментализм, — включился в разговор Плешаков. — Ведь чем отличается обычный мусульманин от фундаменталиста? Тем, что последний живет с шорами на глазах: вот как записано в коране, так и быть должно, ни вправо, ни влево двигаться нельзя. — Александр Григорьев

евич достал объемистый том "Изложение начал мусульманского законодательства": — Вот послушайте, что пишется тут о священной войне против неверных, джихаде. "Религиозная война обязательна для каждого мусульманина — совершеннолетнего, здорового, в полном уме и свободном. Один день войны более ценится Богом, чем целый месяц поста, говорит пророк ислама". Дальше. "Не дозволяется начатие войны и продолжение ее в течение священных месяцев..." Тут идут названия, которые мы перевели с помощью местного муллы, и оказывается, что сейчас, когда мы беседуем с вами, им запрещено воевать, но с 10 июня запрет снимается. Есть и месяцы, в которые разрешено воевать, если противник принуждает к этому. Теперь о заключении мира и перемирия. "С неверными не заключайте окончательного мира, а только одно перемирие, которое может быть прервано во всякое время, лишь только начатие войны покажется для мусульман выгодным". А вот как они должны относиться к нам во время боевых действий. "Те же неверные, которые добровольно не пожелают повиноваться, не должны ожидать никакой пощады. Все мужчины, взятые в плен, если не примут исламизма, должны быть убиваемы, женщины же и дети поступают в неволю, но от произвола имама зависит даровать первым жизнь или оставить их рабами". Вот такие положения. А поскольку сегодня в Чечне наводится исламский порядок, действует шариятский суд, делайте выводы сами.

Я знал, что в новогоднюю ночь кизлярский батальон был обстрелян. Стрельба велась из прилегающей к территории части пятиэтажки. Двоих боевиков удалось задержать, обнаружен был и АКС, из которого велся огонь. Но были ли еще провокации по отношению к частям группировки?

— Три месяца прожиты относительно спокойно, — заметил Плешаков. — Скорее всего это связано с реформами, которые пытается провести Масхадов и в вооруженных силах, и в органах внутренних дел, и в бывшем комитете госбезопасности. Однако полевые командиры, по всему видно, не торопятся разоружаться, распускать свои бригады,

батальоны, отряды. Напротив, идет интенсивная боевая подготовка. И днем и ночью мы слышим, как там стреляют. А недавно на Каргалинской плотине был обстрелян чеченский пост чеченскими же боевиками. Подошел отряд "неуправляемых" в сорок человек, затеял бой, вывел из строя машину пограничного департамента Чечни. Те ведь тоже, как и мы, пытаются перекрыть пути контрабанде, наркотикам, оружию. Но не всем это по душе. Иные чеченцы считают: чем такая жизнь, лучше война.

Шурик Идрисов не из таких. Его ларек "Магнолия" стоит на одном из наиболее оживленных перекрестков Моздока. Шурик гордится тем, что он единственный из всех ларечников, у которого торговля ведется круглосуточно. Он чеченец, но из коренных моздокчан, родился и вырос здесь. А в Чечню ездит регулярно и по торговым делам, и просто к родне. Никаких затруднений с проездом никогда не испытывал.

— Досматривают машину, это да. Порой придирчиво, какое-то время теряется на это. Но что поделаешь: порядок есть порядок, — философски замечает он. А жизнь наладится, обязательно наладится.

Майор милиции Сергей Кондратьев, заместитель командира питерского ОМОНа по работе с личным составом на своем "уазике" подоброял меня на 20-й КПП, расположенный на дороге к Братскому. Четыре вагончика, обложенные бетонными блоками, бойницы в сторону границы, окопы, в том числе и широченный с заехавшей в него "бээмпэшкой". Здесь плечом к плечу располагаются омоновцы и войсковой наряд. А чуть поодаль и впереди за обычным столиком милиционеры ГОВД проверяют документы у водителей, чей автотранспорт ожидает на обочине своей очереди на проезд.

Милиция работает споро, больше пяти-десяти минут водители не терпят. Пока на дороге чисто, разговариваю со старшим наряда ОМОНа младшим лейтенантом милиции Эдуардом Бирюком.

— Сколько вы уже несете службу на этом КПП?

— Сорок пять суток, как мы в Моздоке. Ну и через день заступаем сю-

да или на девятнадцатый КПП. Он чуть дальше от административной границы с Чечней.

— **Наряд у вас большой?**

— Со мною восемь человек.

— **За это время было что-то запоминающееся?**

— Всякое было. Однажды даже роды принимать пришлось. Машина заглохла напротив поста, и ни туда ни сюда. А в ней роженица. Ну пересадили мы ее в другую машину, а она тут и разродилась мальчиком. Все обошлось, хотя, конечно, все носились как угорелые.

— **Дорогой мне майор Кондратьев говорил, что и постреливают тут?**

— Бывает. Но долетает редко. Ночью в основном трассера пускают вдоль дороги в нашу сторону. Мы на провокации не поддаемся.

— **А изымать что-то не приходится, или досмотры проводит местная милиция?**

— Нет, почему, и мы досматриваем машины, документы проверяем. Так что действуем совместно.

— **В штабе временной группировки меня проинформировали, что за неполных два месяца на административной границе с Чечней милицейскими нарядами изъято 277 единиц огнестрельного оружия, свыше десяти с половиной тысяч боеприпасов, 129 гранат, более ста килограммов наркотиков...**

— Так граница-то большая, семьсот с лишним километров.

— **Это верно, и машин проходит многие сотни...**

— У нас за сутки бывает до ста пятидесяти. Не считая тех, кто мотается туда-сюда.

— **И все же, Эдуард, ваша доля есть в тех цифрах?**

— Есть. На счету моего взвода пять единиц огнестрельного оружия. Это автоматы, пистолеты. А вообще у нас семь взводов, и все по очереди несут здесь службу. У каждого что-то есть.

— **А как вам наши ребята? Наше войсковое прикрытие?**

— Да все нормально. Проблем у нас никаких не возникает.

— **Но они помладше, вы их не бось тут опекаете?**

— Солдаты помладше, а командиры-то нет.

Я попрощался с Эдуардом, перешел в соседний вагончик, на дверях которого висела табличка "Начальник караула".

— Лейтенант Геннадий Кузнецов, — представился худощавый офицер в потертом камуфляже.

Вот уже полгода по трое суток кряду несет здесь службу войсковой караул. Небольшой, в тринадцать человек, включая и экипаж БМП. В отличие от милиционеров, которым днем привозят пищу, а вечером выдают сухпай, ребята сами себе готовят еду.

— **Ничего, жить можно, — заключил лейтенант. — Что запомнилось? Неделю две назад из лесополосы обстреляли караул. Смена была старшего лейтенанта Юсубахмедова. Караул действовал четко и слаженно. А мы задержали бензовозы с горючим, прорывавшиеся к Моздоку, задержали пастуха, у которого обнаружили двенадцатикратный бинокль. Разведчик самый настоящий...**

С майором Кондратьевым мы возвращались назад.

— **Бирюк скуп в оценке солдат, несущих здесь службу, — сказал Сергей Владимирович. — А вообще они — молодцы. Да если хотите знать, в нашем ОМОНе добрая половина бывших военнослужащих внутренних войск. Многие ребята, которые пришли к нам в последнее время, проверены нами в Чечне. А лучшей рекомендации не бывает.**

Вновь мелькали за лобовым стеклом поля озимых, пока сначала справа не появились одноэтажные каменные домики беженцев из Чечни, а затем пошли виллы и дачи если не новых русских, то, видимо, новых осетин. Мелькнула на постаменте 76-миллиметровая пушка — памятник героям Великой Отечественной войны, запестрили городские кварталы. Но вот машина притормозила у гостиницы "Моздок", рядом со сквериком, где на чугунной ладони ребрится чугунная "эфка".

Поначалу, признаюсь, я не понял смысла этого памятника моздокчанам, погибшим в Афганистане. Что за странная рука и каков смысл в покоящейся на ней гранате? Уж не провидец ли был этот скульптор, изобразивший страшную смертельную эстафету, принятую нашей стра-

ной от Афгана? Ан нет, все оказалось гораздо проще: вторая половинка гранаты, которую можно рассмотреть, лишь приблизившись к памятнику с другой стороны, представляет из себя обнаженное человеческое сердце — сердце родных и близких, готовое разорваться от постигшего горя.

Не знаю, каковы будут монументы профессиональных художников и скульпторов, обращающихся к чеченской трагедии, но сегодня памятники своим боевым товарищам создают и ставят сами солдаты и офицеры. Один из них водружен на пьедестал на окраине Моздока, на территории нашего полка, обосновавшегося здесь два года назад.

БМП-2 с номером 310 на борту бойцы, почитай, на руках доставили из-под Самашек. В ней сражался и погиб рядовой Олег Мусанов, посмертно награжденный орденом Мужества. Во время первого штурма гнезда боевиков рванувшая под траком противопехотная мина кинула машину на противотанковую... Огромная дыра зияет в днище под тем самым местом, где находился механик-водитель Мусанов.

— Олечка был еще жив, когда ребята вытащили его из горящей машины, — вспоминает подполковник Николай Хорев. — Он лежал на одеяле. Водители обычно подкладывают их на сиденье. Смотреть на него было страшно: спина представляла сплошную колыхающуюся рану. "Как же мне больно", — были его последние слова.

Сегодня, в относительно мирное время, нельзя без сочувствия и понимания смотреть на солдатские веночки, которые стоят на самодельном постаменте прислоненные к обгоревшей броне. Как нельзя без огорчения и боли смотреть на те условия, в которых живут боевые роты боевого полка. Пусть к апрелю в их составе практически не осталось понюхавших пороха солдат, но в каждом подразделении прямо с порога глядят на тебя с фотографий погибшие ребята. Разве не заслуживают лучшей доли их однополчане?

Поверьте, я совсем не собираюсь давить на психику, не люблю и не любил дешевой патетики. Но ей-Богу и обидно, и досадно, что за то же

самое время мотострелковая армейская часть обосновалась, отстроилась, обустроилась и живет себе припеваючи. А наши... Наши зимуют в палатках, которых новыми не помнит никто, да копятяся у буржеек в слепых подвальных помещениях. Воистину, дети подземелья, как именуют себя сами.

А казармы строятся. С деньгами, правда, как и везде, туго, поэтому стены растут медленно. Зато когда наконец-то мы въедем в них, все наверняка будут нам завидовать. Вот только когда это произойдет? Ведь в отличие от армейцев, в считанные недели построивших из бетонных панелей двух-трехэтажные сооружения (а других, возможно, и не надо: это вам не Сибирь и даже на среднерусская полоса), мы задумали пятиэтажные кирпичные дворцы. И ведь вот что занятно: любой тыловик быстренько обоснует, мол, это не только красивее, но и надежнее, удобнее, экономичнее... Конечно, если не брать в расчет, что люди хотят жить по-людски не завтра-послезавтра, а сегодня.

— Нашим бойцам и командирам памятники надо ставить при жизни, — говорит Хорев. — Ведь другие прибывают сюда на время, выполняют поставленные задачи, обрастают льготами, и до свидания. А мы? А мы, выходит, здесь на курорте, нам ничего не полагается. Хотя, если ты выполняешь те же задачи, что и временная оперативная группа, работаешь на нее, то и отношение к тебе должно быть соответствующим. Да, командировочных нам платить не надо, а в остальном...

Это мнение не только подполковника Хорева, его сослуживцев, но и полковников Плешакова, Миндзаева, майора Гасанова, десятков других офицеров и прапорщиков, с которыми мне довелось познакомиться в чеченском приграничье. Хорошо бы прислушаться к нему.

Полковник Е. АРТЮХОВ.

Моздок — Хасавюрт — Кизляр.

Стихи, рожденные в бою**МАЙКОПСКАЯ БРИГАДА**

Мы стоим в тишине,
И пока по броне
Не гуляет свинец, словно град.
И письмо на броне
О любви и весне
Пишет жизнь не проживший солдат.
Ждет колонна приказ.
Братцы, вспомните нас,
Мы еще вместе с вами живем!
Нет в броне рваных дыр,
И еще командир
Не обуглен свирепым огнем.
Тот, кто взять приказал
Этот чертов вокзал,
Не пошел с нами в огненный ад.
Дал команду "Вперед!",
И майкопская прет,
В Грозный прет
На последний парад.
Не узнаем с тобой,
Как последний наш бой
Был проигран,
Кто пал, кто живой.
Мы сгорели в броне
На чеченской войне,
Долг солдатский исполнили свой.
А живым не забыть
И вином не залить
Шестьдесят обожженных часов.
Как закрыть в память дверь?
Тут, братишка, поверь,
Не поможет железный засов.
Нас входило семьсот,
А, пролив кровь и пот,
Чудом вышли лишь двести назад.
Свет горящих машин —
До кавказских вершин...
Так закончился этот парад.

В бой бригаду послал
Боевой генерал —
Как всегда, на решения быстр.
Дал команду "Вперед!"
..Ждал ключи от ворот
В день рожденья военный министр.

СВЯЗЬ

Незаметна с виду связь.
Все, куда-то торопясь,
Про нее, как всегда, забывают.
Но перекроют кислород —
Вот тогда любой поймет:
Только связь,
И только связь все решает!
Ночь тревожат АКМ —
Связь нужна как воздух всем.
На Минутке бой ведет
Целый взвод.
Слово "связь" и слово "жизнь"
Там в единое слились,
И связист эфир охрипший стережет.
Изменяя русла рек,
Жизни бег
Двадцатый век
Под разрывами гранат завершает.
Но, как прежде,
В дождь и грязь
Тянет кабель наша связь,
Под обстрелами в снегу утопает.
КШМ — на марше цель.
Но весеннюю капель
Бог пошлет,
И в Костроме все услышим:
"Висла" "Вере" шлет в эфир
Сквозь потрепанный "Сапфир"
Позывные.
Значит, живы,
Значит, дышим!

г. Кострома

Подполковник
Сергей КОЗЕВАЛОВ

ЧЕЧЕНСКИЕ НОЧИ

Рассветы в Чечне начинаются рано.
Еще закат не погас,
Горят, освещая наши заставы,
В Грозном мазут и газ.
Здесь ночи чернее сажи.
Но этот багровый свет
Во всех гарнизонах наших
Уменьшит количество бед.
Здесь стынут в окопах
без сна и покоя
В свои восемнадцать лет
Мальчишки Москвы,
Костромы, Уренгоя —
России гордость и цвет.
А их здесь считают за немцев.
Но мысль я одну берегу,
Что если пойму чеченцев,
России понять не смогу.

ШТУРМОВАВШИМ САМАШКИ

Поблекло в Самашках зарево,
Утро грядет с высоты.
Затянуты серым маревом
Сунженские хребты.
Серость, мокрая серость
Над лагерем и в полях.
Сменил мальчишечью смелость
Могильный навязчивый страх.
Третья попытка штурма
Сорвана. Даль нема.
Смотрят сквозь дым угрюмо
Разрушенные дома.
Солдаты у южных окраин
Будто бы вдавлены в грязь,
Поскольку еще из развалин
Стреляет всякая мразь.
Но чтобы покончить с этим —
Грязью, войной навсегда,
Надо опять с рассветом
Кому-то идти туда.
п. Казачьи Лагери, Ростовская обл.

Сержант
Михаил Сухарев

* * *

Опять спецназ
уходит на задание
С родным российским флагом
на броне.
В спецназе очень коротко
прощание —
Ведь на войне всегда
как на войне.
Наш командир
продумал все до тонкостей
И у разведки нашей
зоркий глаз.
Вновь вертолет
врезает в небо лопасти,
И в пекло отправляется
спецназ.
Ну что, братишка,
можно закурить —
Мы сделали с тобой
свою работу.
На мне и "броник"
весь промок от пота.
Но быть добру,
а значит — будем жить!
Не за награды шли
и не за звания —

У нас с тобой
к врагам особый счет.
Когда спецназ
уходит на задание,
То будь уверен —
он не подведет.

* * *

Мы заложники смутного времени,
И оно нас ломает и гнет.
Всем кошмаром кровавого бремени
Нам дышать наша жизнь не дает.
Ведь и Авели мы, и Каины —
Выполняющие приказ.
И за Ленина, и за Сталина
Нам расхлебываться сейчас.
Без вины виноватые ратники —
Запеклись, почернели уста.
Камуфляжные рваные ватники
Тяжелее свинца и креста.
Но не ропщем в безмолвном
смирении,
Будто свыше назначен тот час,
Когда нашим немым откровением
Захлебнется не только Кавказ.

г. Нижний Новгород.

По сообщениям пресс-бюро внутренних войск МВД России

В ХОДЕ РАБОТЫ по розыску пропавших без вести опознаны и похоронены военнослужащие внутренних войск:

прапорщик Михаил ФАЩАНИН, сержант Николай ЛЫСЕНКО, рядовой Вячеслав БАБИН, рядовой Олег ШКЛЯЕВ, рядовой Николай ЖИЖКО, рядовой Андрей МЕЗЕНИН.

ПАМЯТНИКИ военнослужащим, погибшим при исполнении воинского долга в Чечне, открыты в Тамбове, Махачкале, в Ростовской области (в месте дислокации отряда специального назначения "Росич").

ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ с Комиссией по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести при Президенте России освобождены из плена военнослужащие внутренних войск рядовые А. Логинов, Г. Шайморданов, Р. Галеев, П. Тутов, Ю. Птичкин, Д. Карасев, А. Кравченко, А. Корниенко, С. Ветерков, Д. Пермяков, П. Кутыцкий. До сих пор ничего не известно о судьбе захваченного в марте нынешнего года в районе станции Ищерская возвращавшегося из госпиталя в часть рядового Алексея Нестерова.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ благотворительная акция по социальной и моральной поддержке военнослужащих, получивших ранения в Чечне, которая проводится командованием внутренних войск совместно с фондом "Консул". В Главном военном клиническом госпитале внутренних войск руководители фонда встретились с тяжело больными и ранеными, а также находящимися здесь на лечении ветеранами Великой Отечественной войны, вручили им одежду, предметы повседневного быта, пакеты с продуктами на общую сумму свыше 30 миллионов рублей. Ощутимую финансовую помощь в закупке подарков оказала Московская железнодорожная таможня.

В нынешнем году сотрудники "Консула" уже дважды посещали госпиталь с благотворительными целями, для десяти военнослужащих организовали поездку в Объединенные Арабские Эмираты на отдых и реабилитацию.

ВО ВЛАДИКАВКАЗСКОМ высшем военном командном училище внутренних

войск состоялся очередной выпуск. 46 новоиспеченных лейтенантов получили дипломы с отличием, а Валерий Грибанов награжден золотой медалью.

В КОМАНДНО-ШТАБНЫХ учениях, проведенных ГУВД Санкт-Петербурга, приняли участие и военнослужащие Северо-Западного округа внутренних войск. В ходе учений подразделение СОБРа отрабатывало задачу по освобождению заложников, содержащихся в лесном домике. Внутренние войска блокировали заданный район и прочесывали местность.

По оценке руководителя КШУ начальника РУОПа Сергея Сидоренко, военнослужащие действовали слаженно и умело, а начальник отдела частей оперативного назначения округа полковник Михаил Педора отметил подразделения, возглавляемые капитаном Александром Жилинским и старшим лейтенантом Олегом Тихомировым.

В АСТРАХАНИ одна из частей внутренних войск отметила 30-летие со дня образования. На торжественном построении личного состава командующий Северо-Кавказским округом внутренних войск генерал-лейтенант Михаил Лабунец зачитал поздравительную телеграмму заместителя председателя правительства России — министра внутренних дел генерала армии Анатолия Куликова, в которой он высоко оценил служебно-боевую деятельность офицеров, прапорщиков, сержантов и солдат части, их вклад в поддержание общественного порядка в регионе.

УРАЛЬСКИЙ округ внутренних войск и Епархиальное управление Русской православной церкви уральского региона совместно с Духовным управлением мусульман Екатеринбурга и Свердловской области подписали Соглашение о сотрудничестве. Церемонии подписания предшествовала литургия в Храме Вознесения Господня г. Екатеринбурга. По мнению сторон, подписавших документ, тесное взаимодействие поможет восстановить духовные основы, забвение которых обходится России слишком дорого.

Подготовил подполковник В. ПАНЧЕНКОВ, начальник пресс-бюро внутренних войск.

Есть мнение

противники, откусывающие целые куски территории, захватывающие традиционные сферы влияния, перехватывающие региональные рынки. Слабеющей российской государственности приходится вести борьбу не только с внешними геополитическими противниками, но и с многочисленными внутренними врагами, каковыми являются противящиеся идее единой государственности этнические группы и соприкасающиеся с ними криминальные структуры. Специфика современной ситуации заключается в том, что благодаря частичной деструкции системы национальной безопасности, беспрецедентной открытости границ, «внутренний враг» получил и реализовал широчайшие возможности для заключения теснейшего альянса и вытекающей из этого координации действий с внешними противниками нашего государства. Таким образом, мы вправе утверждать, что Россия вынуждена вести борьбу на два фронта — внешний и внутренний.

НА НАПРАВЛЕНИИ УДАРА

Россия — это не просто государство или географическое понятие. Это цивилизация, живой этнический сверхорганизм, еще недавно простиравший свое влияние далеко за пределы формальных границ. Сейчас эта цивилизация находится на изломе, ее со всех сторон теснят

Приходится констатировать, что на внешнем фронте наша держава терпит убедительное поражение. В области экономики мы почти окончательно приняли роль сырьевого придатка развитых стран. Если же мы пытаемся внедриться на мировой рынок с конечной продукцией, например, продать зенитно-ракетные комплексы С-300 на Кипр, то незамедлительно получаем по рукам от нынешнего «мирового жандарма» — США. Соответственно, наша страна практически полностью утратила завоеванные потом и кровью предыдущих поколений позиции в области внешней полити-

ки. Самые старинные союзники торопятся отмежеваться от нас. Даже среднеазиатские страны СНГ, формально ориентированные на сотрудничество с Российской Федерацией, на деле распродают свою экономику (кстати, созданную совокупными усилиями всего населения СССР) геополитическим противникам России и идут на сближение с ними. Армия, всегда являвшаяся одним из основных инструментов нашей внешней политики, гарантом стабильности общества, переживает период деградации и в значительной степени утратила боеспособность. Одним из самых тяжелых ударов по армии стало ее моральное поражение в чеченской кампании, вина за которое ложится прежде всего на российских политиков.

Некоторые СМИ убаюкивают нас сказками о том, что наша Родина все еще великая держава, на которую никто не посмеет напасть, пока еще соблюдается "ядерный паритет". И многие радостно выслушивают "патриотическую" ложь, не желая понимать, что никакого ядерного паритета уже давно нет, так как, по оценкам экспертов, и США, и Китай уже обошли нас в этой области. Кроме того, хотя "ядерный щит" дает некоторую гарантию безопасности, он не способен послужить защитой от локальных войн, которые подрывают силы державы, пожирают ее территорию не в одночасье, а постепенно. Все же понимают, что ненормальных нет и что палить "из пушки", которая способна вызвать глобальную катастрофу, "по воробьям" никто не решится. Реформа вооруженных сил пока проводится так, словно ее основная цель — полностью уничтожить остатки боеготовых частей. А разговоры о профессиональной армии, похоже, направлены прежде всего на то, чтобы отучить народ держать в руках оружие, не позволять ему даже думать о самостоятельном сопротивлении захватчикам.

Наши дела на внутреннем фронте тоже обстоят далеко не блестяще. Криминальные элементы прочно вошли в правящую элиту общества.

Они влияют на принятие основополагающих финансовых и политических решений. Характерно, что, по официальным данным, более 90 процентов криминального капитала, годовой оборот которого составляет не менее 60 триллионов рублей, находится в руках "белых воротничков", то есть коррумпированных госчиновников и представителей крупного "легального" бизнеса. Укрепляется власть криминализированных этнических группировок в так называемых национальных автономиях, а зависимость последних от центра неуклонно уменьшается. Северный Кавказ остается основной болевой точкой, в которую наши противники вбивают клин, разваливающий российскую государственность. Очевидно, что после ухода российских войск из Чечни вопрос о том, удержит ли Россия контроль над всем этим регионом и прилегающими областями, становится отнюдь не праздным. Ныне этот вопрос оказывается в центре внимания большинства граждан лишь в связи с какой-нибудь анекдотической выходкой московского политика. Навещающие обывателю сладкие сны средства массовой информации в репортажах, перемежаемых роликами с немецкими карапузами, воспевающими славу фруктовому йогурту, убеждают зрителей в легитимности процесса распада государства, старательно и с придыханием выговаривая титулы новоявленных кавказских вождей — президент, дивизионный генерал и т.д. Они убеждают людей в необратимости и полной законности происходящего, не оставляя времени задуматься над самыми близкими его последствиями и перспективами. Мы все больше привыкаем уважать не только чужие обычаи, нас заставляют "с пониманием" относиться к чужим интересам. Мы уже спокойно выслушиваем тенденциозные реплики комментаторов о праве чеченской нации на самоопределение. Как будто они — нация, а у нас нет своих национальных интересов, как будто столица Чечни Грозный не

русский, не русскими основанный город.

Все вышесказанное не является особенной новостью для любого здравомыслящего человека. Ужас современной ситуации состоит в том, что мы уже приучены спокойно относиться к ее отдельным проявлениям. Для нас уже становятся нормой наглые высказывания натовских эмиссаров, в которых Россия именуется "развитой страной третьего мира", мы привыкаем к коррумпированным чиновникам, не скрывающим своей продажности, и не удивляемся тому, что в наших городах хозяйничают кавказские бандиты. Мы спокойно смотрим на нищих и на стада безмозглых подростков, одуревших от пепси-колы, поп-корна или анаши. И лишь осмыслив положение дел не как набор случайных обстоятельств, а как систему, можно понять степень реальной угрозы существованию нашего общества.

Чем же на самом деле грозит России, а следовательно, и всем нам узаконенная новая чеченская власть на Северном Кавказе, и каковы могут быть в связи с этим контуры нашего ближайшего будущего?

Руководители чеченских бандформирований не только укрепляют свою власть на территории Чечни, но и распространяют свое влияние на весь северокавказский регион. Этот процесс идет уже сейчас, можно сказать, что сепаратисты уже практически подмяли под себя правящие круги Ингушетии и Дагестана, свободно распоряжаются на территориях этих республик. Они формируют отряды боевиков из националистически настроенных аварцев и ингушей. Кстати, в период активных боевых действий именно через территории Ингушетии и Дагестана шел основной транзит оружия в Чечню. Одним из косвенных признаков готовящегося отделения этих республик от России является заявление президента Ингушетии Руслана Аушева о том, что "Ингушетию выталкивают из России" и что "так долго продолжаться

не может". Усиливается активность сепаратистов и в других северокавказских республиках, особенно в Кабардино-Балкарии и Адыгее. Аналитики утверждают: все происходящее является частью созданного турецким генштабом и одобренного специалистами из Ленгли плана по окончательному отсечению региона от России и созданию мусульманской северокавказской конфедерации под фактическим протекторатом Турции. Основой этого конгломерата должно стать вайнахское государство, включающее в себя земли Чечни, Ингушетии, Дагестана и часть Ставропольского края. Скорее всего следует ожидать обострения ранее законсервированного осетино-ингушского конфликта, так как лишенной промышленности Ингушетии не имеет смысла отделяться без Владикавказ, причем ингушским боевикам готовятся оказать помощь их сообщники из Чечни.

С потерей Чечни и утратой фактического контроля над регионом Россия теряет и доступ к месторождениям каспийской нефти, только разведанные запасы которой исчисляются астрономической цифрой — миллиард тонн. Дело в том, что руководство сепаратистов пытается реинимировать бездействующую нефтеперерабатывающую промышленность Чечни. Для того чтобы сделать деятельность только Грозненского нефтеперерабатывающего завода рентабельной, необходимо более шести миллионов тонн нефти, тогда как в самой Чечне можно добыть только полтора-два миллиона. Поэтому сепаратистам необходимо повернуть нефтяной поток на себя. Основанная ими "государственная" компания ЮНКО, руководит которой вчерашний полевой командир Хожамет Яриханов, уже объявила о своих притязаниях на участок нефтепровода, по которому каспийская нефть должна была переправляться в Новороссийск. Одновременно воодушевленные "победой над захватчиками" чеченцы заявили и о своих претензиях на только еще проектируемый нефтепровод КТК (Каспийский трубо-

проводный консорциум), который должен строиться в обход Чечни через Дагестан и Ставрополье. Такой расклад весьма устраивает Турцию, Туркмению и западные нефтяные фирмы, принимающие участие в разработке каспийских месторождений. Ужони-то с Чечней договорятся! Или Россия согласится на создание нефтепровода через Турцию и тоже не получит от своей нефти ни гроша. А ведь громадных запасов каспийской нефти России было бы достаточно на многие годы безбедной жизни.

Благодаря созданию прецедента по отторжению от России части ее законной территории, ползучие семена сепаратизма дают обильные всходы не только на Северном Кавказе. Более чем вероятно, что за фактическим отделением от России ряда северокавказских республик такие же шаги предпримут и другие мусульманские субъекты федерации — Татарстан и Башкортостан. Националистически настроенные элиты этих республик уже принимают ряд экономических мер по их отделению от тела российской государственности. Среди них и фактический отказ пополнять федеральный бюджет, и введение региональных денежных эквивалентов. Оба этих региона — нефтедобывающие. В каждом из них нефти в десятки раз больше, чем в Чечне. Некоторые аналитики считают, что татарские и башкирские лидеры планируют поворот нефтяных потоков с западного направления на южное, “под турецкую руку”, что может отсечь Россию и от западносибирской нефти, так как через территорию Татарстана проходит нефтепровод “Дружба”. Если эта перспектива станет обретать реальность, по сравнению с ней прорыв немцев к Сталинграду — сущие пустяки.

Доведенное до отчаяния бесчинствами и насилиями боевиков русское население Северного Кавказа и других южных областей России требует от федерального центра защиты. Многие, особенно казаки, готовы взять в свои руки оружие для обороны собственных семей и жилищ. Но правительство отказывается от идеи

повального вооружения населения, не без оснований опасаясь, что большая часть стволов попадет в руки криминальных элементов и в конце концов окажется в той же Чечне. Возникший в результате конфликт между центральной властью и казаками юга России выгоден противникам нашей государственности, так как помогает извлечь на свет стародавнюю идеологию казачьего сепаратизма. И тут события развиваются словно по лекалам Госдепа США, чья идея о создании республики “Казахия” еще в конце пятидесятых закреплена в законе “О порабощенных нациях”.

Кто же противостоит надвигающемуся на юг России хаосу? Федеральная власть находится в глубоком кризисе и не в состоянии принять адекватные меры по нормализации ситуации. Краевые и областные администрации, милиция, ФСБ слишком слабы или подвержены коррупции. Остаются основные силовые структуры — армия и внутренние войска МВД России. Но любые действия вооруженных сил даже против вооруженных до зубов банд боевиков неизбежно вызовут истеричный вой прессы о “применении армии против мирных жителей”, а именно этого в Министерстве обороны опасаются больше любой внешней или внутренней угрозы.

Значит, защитить юг России, да и всю страну от окончательного развала могут только части внутренних войск, закаленные в Чечне и там же изрядно поизносившиеся-поиздержавшиеся. Та же 101-я бригада.

Конечно, “маловато будет” против тысяч боевиков и миллионов, если не миллиардов долларов мировой финансовой олигархии, но отступить некуда.

А. БОРОДАЙ,
политолог.

Фото О.СМИРНОВА.

“Нетрадиционная” война

ГОТОВНОСТЬ ИДТИ НА РИСК

Контртеррористическая тактика
малых групп спецназа

Отличительные особенности тактики партизанских формирований и террористических групп — гибкость, многообразие способов вооруженной борьбы. Они изменяются в зависимости от условий местности, имеющихся сил и средств, характера действий полиции и регулярных войск, политической ситуации в стране и многих других факторов. Все это учитывается командованием спецназа при определении состава и численности подразделений-ликвидаторов, методов решения поставленных перед ними задач. Например, в джунглях, наводненных крупными отрядами мятежников, используются, как правило, боевые единицы от взвода до батальона, личный состав которых обучен приемам антипартизанской войны. В городах, где экстремисты орудуя небольшими хорошо замаскированными группами, по взглядам европейских и американских специалистов, целесообразно применять подразделения профессионалов малой численности, комбинируя различные тактико-организационные формы противодействия боевикам, подсказанные опытом проведения военно-полицейских акций и оперативно-розыскной работы органов внутренней безопасности.

Основным тактическим элементом полицейских формирований спецназа, предназначенных для ликвидации террористических и диверсионных групп в населенных пунктах, является пятерка. Именно такая численность боевой ячейки, считают американцы, гарантирует

четкое управление операцией и эффективные действия подразделений при освобождении объектов и людей, захваченных экстремистами.

Пятерки комплектуются добровольцами—"профи", знакомыми со службой в спецназе не понаслышке: первый критерий отбора — предпочтение отдается кандидатам, имеющим боевой опыт. Перед подписанием контракта волонтеры проходят предварительную проверку, которую проводят командиры, психологи и другие специалисты. К ликвидаторам предъявляются предельно жесткие требования: недюжинная физическая сила, выносливость, абсолютная здоровая нервная система, отличное владение стрелковым оружием различных типов, приемами рукопашного боя, доведенные до автоматизма саперные и слесарно-механические навыки. Готовность идти на смертельный риск. Способность быстро реагировать на изменения обстановки, видеть ситуацию в развитии, интуитивно чувствовать опасность. А также умение работать в коллективе, не противопоставляя себя коллегам, спокойно реагировать на критику со стороны командира и сослуживцев.

В соответствии с широким спектром оперативных задач, выполняемых малыми группами, подбираются вооружение, снаряжение, обмундирование, транспорт.

За пятеркой закреплен снабженный средствами связи мощный спецавтомобиль-вездеход с закрытым кузовом. Он предназначен для перемещения и отдыха группы, а в ходе операции является подвижным командным пунктом. Стволы и снаряжение подразделяются на две категории — носимое и находящееся на базе, т.е. в машине. Каждый боец вооружен автоматом (автоматической винтовкой), пистолетом (револьвером), ножом, газовыми и дымовыми гранатами, имеет при себе бинокль, защитные очки, перевязочный пакет, противогаз, фонарь, тубик с камуфляжной

мазью, наручники. В автомобиль помимо боекомплекта загружаются гранатометы, "пушки" газопуска, прожекторы, перископы, приборы ночного видения, раздвижные лестницы, связки прочных веревок и тросов, "кошки", бронежилеты и щиты, приспособления для быстрого открытия дверей, запасы продовольствия и воды, ящик-аптечка. Обмундирование — стандартное для спецназа, с учетом времени года, погоды и климатических условий.

Боевой расчет малых групп: первый боец — авангард, он прикрывает ячейку с фронта и выбирает очередные позиции при продвижении к объекту операции; второй страхует первого, а при захвате здания — и всех остальных штурмовиков, контролируя входы в дом, верхние этажи и крышу; третий номер расчета — командир, его обязанность — управлять, координировать, обеспечивать взаимодействие с соседями, поддерживать связь с центром, отслеживать обстановку; четвертый страхует группу от огня с флангов и отвечает за доставку снаряжения (крючья, мощный фонарь, тросы и пр.); пятый, снайпер, — в арьергарде.

Группы спецназа могут объединяться в более многочисленные тактические подразделения. Но в любом случае остаются неизменными общие принципы применения пятерок и руководства их действиями. Во-первых, боевая ячейка не должна расчленяться, она оперирует как единый организм, сохраняя свою автономию в составе сводного отряда. Во-вторых, при планировании следует учитывать не только свежую информацию, но и долгосрочные прогнозы, предоставляемые спецслужбами. В-третьих, каждый боец должен знать и уметь выполнять обязанности других номеров расчета: взаимозаменяемость — важное слагаемое успеха. В-четвертых, необходимо заранее готовить группу к действиям в "типовых ситуациях". С этой целью вырабаты-

ваются стандартные оперативные процедуры, принимаются меры к тому, чтобы сократить до минимума время от момента поступления тревожного сигнала до выдвижения к объекту операции. В-пятых, все приказы необходимо отдавать, руководствуясь установленной формой, которая включает три основных элемента: характеристику оперативной обстановки (точные данные о численности, вооружении, оснащении, боевых качествах и намерениях противника, сведения о взаимодействующих со спецподразделениями органов правопорядка и безопасности; есть ли заложники, в какой степени затронуты другие представители местного населения; погода, время суток, особенности местности); содержание боевой задачи (освобождение заложников, захваченных преступниками зданий, сооружений и т.д.); порядок ее выполнения (общий план, конкретная задача каждого бойца, вооружение и снаряжение, маршрут продвижения пятерки, оперативные действия и их цели, взаимодействие с соседями).

Получив от вышестоящего руководства необходимую информацию, командир вызывает бойцов по сигналу "сбор", отдает им предварительные распоряжения, организует подготовительные мероприятия. Затем, проанализировав свежие данные о противнике и его пособниках, находящихся вблизи захваченного объекта "зрителях", результатах переговоров с боевиками, если таковые ведутся, состоянии заложников, местонахождении выдвигаемых сил поддержки, быстро составляет оперативный план. Для пополнения "банка данных" по возможности проводится воздушная разведка и рекогносцировка. И только после этого отдается боевой приказ.

В процессе подготовки и проведения операции используются специальные термины, обеспечивающие четкость управления и взаимодейст-

вия. Раскроем некоторые из них. "Пункт контроля" — место, с которого командир пятерки следит за действиями подчиненных; "командный пункт" — объект, где располагаются должностные лица, осуществляющие общее руководство; "точка кризиса, район (зона) кризиса" — захваченное экстремистами здание, сооружение, прилегающая к нему местность; "предварительный приказ" — сигнал тревоги, при получении которого подразделение приступает к боевой работе; "оперативный приказ" — излагаемый командиром детальный план атаки; "исходный пункт" — последнее безопасное место перед началом движения для боевого соприкосновения с противником; "опасный район" — представляющий угрозу участок местности вдоль маршрута; "продвижение для контакта" — перемещение группы в пределах "района кризиса" к очередной позиции и непосредственно к "точке кризиса".

Важно отметить: в наставлениях и инструкциях подчеркивается — даже самый детальный план не может предусмотреть все нюансы операции. Посему старший группы, гибко реагируя на изменения обстановки, должен постоянно вносить коррективы в намеченную схему действий, прислушиваться к советам подчиненных. Разумеется, это возможно лишь в том случае, когда вышестоящий штаб не сковывает инициативу спецназа, не вмешивается без необходимости в распоряжения командиров.

Перед штурмом пятерки концентрируются в районе сосредоточения, откуда заранее удалены посторонние лица, включая журналистов. Здесь оборудуется КП старшего начальника (в ряде случаев оперативный штаб во главе с командиром объединения размещается на борту вертолета), паркуются спецмашины командос. Доложив о прибытии, командиры групп уточняют задачу на основе по-

следних разведанных, систему связи с взаимодействующими структурами, проверяют оружие и снаряжение бойцов, проводят инструктаж личного состава (желательно, чтобы к этому времени сотрудники органов безопасности собрали детальные сведения о прошлом преступников, подготовили их фотороботы или словесные портреты, а штатный психолог полицейского управления ознакомил руководство с выводами из оценки вероятного нервно-психического состояния противника).

Критическим периодом считается начало операции — с момента выдвижения к объекту атаки. Походный порядок командир определяет в предварительном приказе, исходя из характера задачи, местности, времени года, суток, погоды, расстояния от района сосредоточения до "точки кризиса". Обычно группа, спешившись с машины на безопасном удалении от объекта атаки, движется колонной по одному или цепью. Первый вариант предпочтительнее, когда контртеррористическая акция проводится днем силами сводного подразделения, второй — в условиях ограниченной видимости.

Поскольку в "опасной зоне" не исключены засады, а пути подходов могут просматриваться из окон захваченного здания, наставления требуют строго соблюдать правила маскировки и защиты от внезапного удара террористов. Следуя по указанному маршруту, необходимо использовать различные укрытия, которые встречаются на пути: стоящие автомобили, выступы и ниши в стенах домов, деревья, кустарники, канавы. Вести непрерывное наблюдение, быть настороже, в готовности прикрыть друг друга огнем. Помнить о характерных признаках установки мин и управляемых фугасов.

Особое внимание авторы инструктивных материалов акцентируют на мерах безопасности при переходе уличных перекрестков, мостов и дру-

гих участков, удобных для устройства засад. Дабы пятерка не угодила в капкан, впередсмотрящий, предупредив коллег о приближении к опасному месту, подзывает к себе спецназовца, идущего следом, и командира группы. Убедившись, что дорога свободна, тройка под прикрытием тылового охранения пересекает улицу, маскируется и, продолжая вести наблюдение, страхует продвижение арьергарда. Если необходимо обогнуть угол на перекрестке, головная двойка последовательно занимает позицию с широким сектором обзора, третий, страхуя рывок авангарда, остается на прежнем месте, а затем одновременно с арьергардом под прикрытием первых движется в нужном направлении.

В аналогичной последовательности рекомендуется преодолевать мост. Первый и второй номера расчета производят осмотр проезжей части и пролетов. Остальные — в роли страхующих. Но по возможности следует выбирать маршруты в обход таких препятствий. Посредством беглого (время поджигает!) осмотра не всегда удается обнаружить взрывные устройства. Кроме того, группа на мосту — великолепная мишень для укрывшихся в засаде боевиков.

С таким же риском сопряжено перемещение через зеленые массивы — парки, большие скверы, лесопосадки. Особенно при выходе из зарослей на открытое пространство (поляну, пешеходную тропу, автотрассу). Здесь головной боец обязательно должен остановить группу и вместе со вторым тщательно осмотреть прилегающую местность. Дальнейшее движение осуществляется с предельной осторожностью.

Если пятерка, не успев скрытно пройти до "точки кризиса", обнаружена диверсантами, особое значение приобретает грамотное управление огнем. Задача командира — быстро указать подчиненным секторы обстрела, организовать взаимное при-

крытие и взаимодействие спецназовцев в бою, обеспечить массирование огня для поражения ключевых целей: бандитских главарей, снайперов, гранатометчиков, пулеметчиков. Не менее важна объективная оценка сил противника, возможностей его оружия и огневой мощи своего подразделения — с тем чтобы в критической обстановке принять единственно верное решение (отходить, атаковать или, обороняясь, ждать подмогу).

Заслуживают внимания и другие рекомендации американских специалистов, касающиеся специфики действий малых групп в городе под огнем противника или в предвидении боестолкновения. Так, спецназовцы, отвечающие за прикрытие коллег на том или ином отрезке маршрута в "опасном районе", должны определить места вероятных засад до того, как последует команда на дальнейшее продвижение, а при нападении боевиков — установленным способом обозначить вражеские позиции. Важную роль играет также умелое сочетание огня и маневра, синхронизация огня из укрытия с бросками атакующих бойцов, дабы не поразить их в спину. Плюс к тому — правильный выбор оружия: в одних ситуациях наиболее эффективны короткоствольный автомат и пистолет-пулемет (ближний бой), в других — гранатомет, ручной пулемет, снайперская винтовка. И еще деталь, влияющая на успех операции: командир обязан заранее указать подчиненным пункт сбора на тот случай, когда пятерка или сводная группа будет рассеяна плотным огнем из засады.

И вот ликвидаторы, дружно преодолевшие тернии маршрута, у цели. На них ложится основная тяжесть боевой работы по уничтожению (разоружению) преступников. Но в общем ее конечный результат напрямую зависит от согласованных усилий спецназа и правоохранительных органов, выполняющих различные задачи на всех этапах

контртеррористической акции, предшествующих заключительному штурму. Эта истина не раз подтверждалась опытом борьбы с мятежниками и бандитами.

Какой порядок взаимодействия регламентируется американскими наставлениями? В первую очередь необходимо установить тесный контакт с руководителями сил внутренней безопасности, которые находятся в "зоне кризиса", с их помощью выяснить главный вопрос — в каких помещениях захваченного объекта предположительно находятся боевики и заложники, где размещены огневые точки противника. До объявленного времени "Ч" нужно изолировать "зону кризиса", перекрыть движение пешеходов и автотранспорта. Хотя ответственность за это возлагается на местного полицейского начальника, командир сводного спецподразделения при необходимости выделяет часть своих бойцов в помощь группам блокирования. Параллельно с этим разворачиваются пункты медицинской помощи, противопожарной и аварийно-спасательной служб. Намечаются четыре-пять пунктов на подходах к "точке кризиса", где размещаются сотрудники полиции. С прибытием ликвидаторов к объекту штурма блокирующие его полисмены переходят в непосредственное подчинение командиру спецназа. По приказу старшего офицера из зоны операции через ранее установленные "фильтры" удаляются посторонние лица.

Когда все готово, пятерки устремляются в атаку...

В.ГИЛЕНСЕН,
профессор.
Фото из журнала
"Солдат удачи".

СТРОГО ОХРАНЯЕМЫЙ ТОВАР

В сентябрьском номере нашего журнала за прошлый год был опубликован любопытный материал под заголовком "Золотой караул". В нем, пожалуй, впервые затронута одна из малоизвестных и некогда наглухо закрытых для средств массовой информации сторон деятельности наших войск — служба по охране и сопровождению грузов Центробанка и Госкомдрагмета Российской Федерации. Очерк заинтересовал читателей и вызвал вопрос: кто и как в нашей державе обеспечивал и продолжает обеспечивать сохранность денежных знаков и других государственных ценностей?

Советские дензнаки — под охрану ОГПУ

Ровно 74 года назад — в апреле далекого 1923-го — в зданиях Наркомата финансов, фабрики Гознак, Госбанка и подведомственных им учреждений и предприятий появились вооруженные люди. Нет, эта акция не была ограблением века или военным переворотом. Все объяснялось проще и прозаичнее. На главных переходах длинных наркоматовских и госбанковских коридоров, у дверей важных финансовых кабинетов и денежных хранилищ деловито занимали посты вооруженные красноармейцы. Форма одежды молчаливых и суровых с виду воинов не допускала двусмысленных предположений: то были войска Объединенного государственного политического управления — щита и меча диктатуры пролетариата.

После окончания братоубийственной гражданской войны страна, превозмогая невероятные трудности, выходила из разрухи и финансового кризиса. Поднимались из развалин фабрики и заводы. Зарождалась новая "рабоче-крестьянская" экономика. Воссоздавался движитель денежного кровообра-

щения страны — Государственный банк с внушительными полномочиями, укреплялась финансово-кредитная система, печаталась новая советская валюта — знаменитые червонцы.

Однако денежки, как известно, любят не только счет, но и сбережение, охрану от всевозможных злоумышленников. Вот почему советское правительство в этой сложной экономической обстановке спустя аж пять лет после прихода к власти принимает неординарное решение — "в целях полного сохранения золотого запаса, алмазного фонда, валютных ценностей и денежных знаков" возложить охрану учреждений Наркомфина и Госбанка СССР на войска ОГПУ.

С этого времени и отсчитывается возраст нынешней денежной стражи, состоящей на сегодняшний день из двух составных частей: войсковой (караулы и наряды от внутренних войск) и ведомственной (специальная военезированная охрана (СВО) Минфина России). Но корни у этих составных, как свидетельствуют выявленные в архивах документы, одни — войска ОГПУ, внутренние войска.

И все же ради объективности и исторической точности следует отметить:

организация войсковой охраны государственной казны не является патентованным изобретением советской власти.

Историческая справка. Деньги, как ничто другое, стерегли "пуще глазу" с тех, видимо, пор, как только они появились. Но каждый делал это по своему разумению. Царь-реформатор Александр I решительным образом устранил неразбериху в этом важном государственном деле. В 1811 году он создал специальные войска "для охранения либо восстановления внутреннего порядка в государстве" — внутреннюю стражу, прообраз нынешних внутренних войск.

Одной из задач, возложенных на внутреннюю стражу, являлось "провождение казны", то есть применительно к современной терминологии — охрана и сопровождение казенных денежных грузов.

Подразделения внутренней стражи принимали под охрану и губернские казначейства, и уездные "денежные кладовые". Несколько позже были сформированы команды внутренней стражи исключительно для охраны монетных дворов.

В архивах удалось обнаружить уникальные документальные свидетельства мужества и доблести стражников, которые, рискуя собственной жизнью, спасали государственную казну. К примеру, в мае 1860 года император Александр II лично произвел рядового Борисоглебской команды внутренней стражи Глеба Шистера в унтер-офицеры да еще пожаловал ему 30 рублей серебром. За что же такая царская милость простому воину? Оказывается, когда стражник находился на охране уездного казначейства, в помещении вспыхнул пожар. Самоотверженный часовой не покинул своего поста, продолжал мужественно выполнять воинский долг до тех пор, пока не вынесли из горящего здания последнюю монету...

"Ох, рано встает охрана..."

Факты далекой истории любопытны, а реалии сегодняшнего дня тревожны. Разговоры о нехватке наличных денег, невыплатах зарплат и пенсий навязли в зубах и набили оскомину. У обывателя невольно складывается мнение: затветные купюры либо хрустящие банкноты прямо с печатного станка попадают в бездонные карманы криминальных

структур. Однако денежные фабрики несмотря ни на что под надежной охраной продолжают планомерно выдавать свою продукцию. Не смыкая глаз круглые сутки, не исключая выходных и праздничных дней, охраняют это производство и наши финансы сотрудники специальных охранных структур. Кто же они, эти люди, для которых деньги — всего лишь строго охраняемый товар?

На одной из тихих московских улиц находится добротное здание. Такие надежные сооружения возводили некогда исключительно для нужд НКВД. Здесь и размещается организация, призванная надежно охранять деньги, другие государственные ценности, которые с неизбежным приходом на землю "коммунистического рая" большевики обещали упразднить как ненужный хлам. "Главное управление специальной военизированной охраны (ГУСВО) Министерства финансов Российской Федерации" — значится на вывеске, укрепленной на стене у контрольно-пропускного пункта.

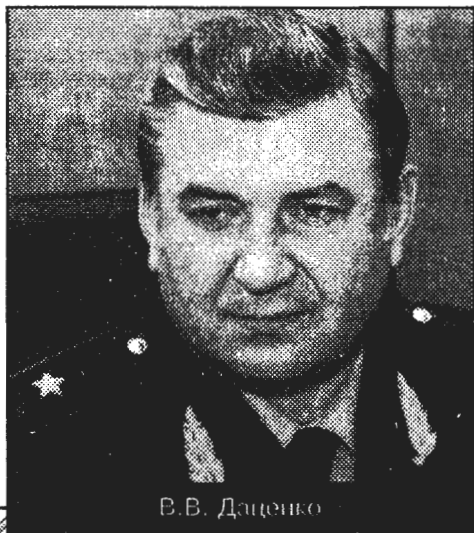
Возглавляет специфическое и в нашу криминальную эпоху весьма нужное структурное подразделение Минфина Василий Васильевич Даценко. Большую и лучшую часть своей жизни он отдал внутренним войскам, которые, как когда-то с пафосом говорили, и дали пареньку путевку в жизнь. За плечами офицера завидный жизненный опыт: во-первых, учеба в одном из старейших и без преувеличения лучших военно-учебных заведений внутренних войск — Орджоникидзевском (ныне Владикавказском) военном училище. Позже — нелегкая служба в "спецзах" — специальных частях по охране важных государственных объектов. Здесь и приобрел Василий Васильевич уникальный опыт организации работы по обеспечению охраны некогда "строго засекреченных" производств.

Рабочий день шефа денежной стражи страны начинается рано и насыщен до предела. Однако раз и навсегда введенная еще во время службы в войсках схема его организации позволяет сделать многое: с утра — короткое, но предельно насыщенное совещание с руководящим составом управления, доклады начальников служб о положении дел на охраняемых объектах и принятие решения, постановка задач на сутки. Ежедневно — решение срочных задач, непредвиденных вводных Министерства финансов.

Но на просьбу о встрече с представителем войскового журнала Василий Васильевич откликнулся доброжелательно. Нашел все-таки окно в своем

плотном рабочем графике, любезно согласившись познакомить читателей со своим беспокойным хозяйством. Из беседы с ним удалось узнать немало любопытного.

Специальная военизированная охрана (СВО) Министерства финансов России как ведомственная охранная структура была создана в конце 1951 года. Казалось бы: зачем? Войска НКВД—МВД с задачей справлялись успешно. Основание простое, но не лишённое политической подоплеки. В мае того же года Совет Министров СССР постановил, оправдывая статус миролюбивого государства, сократить численность вооружённых сил, в том числе и внутренних войск. В наших войсках проделывать все это планировалось за счёт расформирования частей по охране особо

В.В. Дациенко

Такой была финансовая стража

важных предприятий промышленности и железных дорог. В эту категорию попал и 173-й минфиновский полк. Охрану же особо важных финансовых объектов решили возложить на невойсковую охранную структуру. Так появилась специальная ведомственная финансовая военизированная охрана 1-й категории. Присутствие в наименовании категорий означало, что вахту на постах важных объектов будут неусыпно нести не дедушки и бабушки с допотопными берданками, а молодые крепкие парни, отслужившие срочную во внутренних войсках или в армии.

Базой формирования спецохраны явился, естественно, 173-й полк войск НКВД—МВД по охране важных предприятий промышленности.

Историческая справка. К началу 1952 года формирование воензированной охраны 1-й категории Минфина СССР было завершено. Структурно она состояла из управления и девяти отрядов общей численностью 2802 человека. Причем 2776 новых охранников являлись бывшими военнослужащими расформированных так называемых промышленных частей внутренних войск. Этой численности едва хватало для надежного обеспечения внешней и внутренней охраны самых важных производств на фабриках Гознак и сверхзащеченных объектов Госбанка СССР в Москве, Ленинграде, Киеве, Перми.

Вполне закономерно, что во главе СВО был поставлен, и, видимо, не случайно, бывший командир 173-го полка полковник (позже генерал-майор) Ф.Д.Шестаков. Он оставил за собой своеобразный рекорд, достойный занесения в Книгу рекордов Гиннеса: ветеран войск НКВД руководил финансовой охраной, к слову, достаточно эффективно, два десятка лет. Рекорд до сих пор остается не побитым...

Очередная реорганизация всей системы охраны произошла в декабре 1973-го. Вопрос решался на самом высоком уровне — в кабинетах Совета Министров. По его распоряжению была уточнена численность охраны, усовершенствована ее структура, пересмотрен перечень охраняемых объектов, в официальном названии охранной структуры появилось многообещающее слово — «специальная».

На сегодняшний день на специальную охрану Минфина возложены задачи по охране объектов производственного объединения Гознак; сопровождению ценностей и продукции строгого учета при перевозках различными видами транспорта.

Не составляет ведомственных тайн и секретов тот факт, что служба охраны организована по военному образцу. В. В. Даценко подчеркнул, что такие документы, как уставы, инструкции, приказы и наставления, регламентирующие служебную деятельность внутренних войск, берутся ими на вооружение и являются основой для разработки своих собственных инструкций. Но взаимодействие с войсковыми структурами этим не ограничивается. При выполнении особо важных задач спецохрана тесно

контактирует с командованием Отдельной дивизии оперативного назначения, частями по охране важных государственных объектов, органами милиции, другими силовыми структурами. И не случайно при оформлении на работу в спецохрану предпочтение отдается людям, прошедшим службу во внутренних войсках.

Исторический формуляр рассказывает

История 173-го полка войск НКВД—МВД по охране особо важных предприятий промышленности, от которого ведет свою родословную финансовая охрана, по-своему уникальна и чрезвычайно интересна. За неполные тридцать лет существования часть неоднократно реформировалась и переименовывалась, изменялись ее задачи и структура. Но охрана важных объектов Минфина неизменно оставалась за ней.

В архивах сохранился полковой исторический формуляр — своеобразная летопись, хроника жизни и деятельности необычной воинской части. Для непосвященных сей пыльный архивный фолиант — своего рода исторические джунгли, в которых можно легко заблудиться, так и не добравшись до сути. Но нам с помощью архивных работников легко удалось проследить все преобразования части, узнать много любопытного о славных делах воинов-чекистов — так в те времена называли солдат правопорядка.

Перелистывая пожелтевшие от времени, с выцветшим текстом страницы формуляра, погружаемся в прошедшую эпоху. Как нам уже известно, в апреле 1923 года ОГПУ, претворяя в жизнь решение советского правительства об усилении охраны Наркомфина, сформировало специальную воинскую часть — 6-й полк войск ОГПУ. Он и принял под охрану, как значится в историческом формуляре, здания Наркомата финансов, 1-ю и 2-ю фабрики Гознак. Полк как самостоятельная боевая единица просуществовал чуть более трех лет. В ноябре 1926-го он вошел в состав Отдельной дивизии особого назначения при коллегии ОГПУ, где получил новое наименование — 3-й полк войск ОГПУ. В 1932 году во внутренних войсках произошла еще одна серьезная реорганизация, затронувшая и финансовую часть. Ее вывели из состава дивизии им. Ф. Дзержинского и

переименовали в 27-й полк войск ОГПУ.

Наконец, в 1934 году, после создания общесоюзного Наркомата внутренних дел и передачи в его ведение внутренних войск, часть теперь уже окончательно стала именоваться — 173-й полк войск НКВД по охране особо важных предприятий промышленности.

Монотонное перечисление дат реорганизации полка — довольно скучное занятие и заинтересует, наверное, лишь специалистов-историков. Но раскрыв раздел формуляра “Служба и участие в боевых походах”, с первой страницы натываемся на любопытный факт, зафиксированный сухим канцелярским языком штабных документов.

...Зимой 1927 года железнодорожный эшелон с “особо ценным, государственной важности грузом” следовал через Урал. Его сопровождал усиленный караул от финансового полка. Неожиданно с одного из горных отрогов сошла мощная снежная лавина. Вагоны с ценностями оказались под толщей спрессованного снега. Красноармейцы усилили охрану состава и вместе с поездной бригадой стали освобождать из снежного плена золотой эшелон. Вскоре подоспела помощь. Груз “особой государственной важности” был доставлен к месту назначения в целостности и сохранности. Нарком финансов высоко оценил слаженные и самоотверженные действия караульных, вручив “каждому красноармейцу по 10 рублей золотой монетой”. Караул оказался воистину золотым. В наше безденежное время подобная щедрость может только во сне присниться...

Доводилось воинам полка участвовать и в настоящих боевых операциях. В 1930 году полковая школа младшего комсостава была спешно направлена на Кавказ — извечную головную боль России. Войдя в состав группы войск ОГПУ по ликвидации бандитизма, курсанты приняли активное участие в боевых действиях. В одном из боестолкновений с крупной бандой геройски погиб командир отделения Алексей Морозов. Прикрывая своих сослуживцев, он ценой собственной жизни обеспечил успешное выполнение операции. Приказом председателя ОГПУ бесстрашного воина-чекиста “за проявленные самоотверженность, храбрость и высокое сознание долга” навечно зачислили в списки полка. Ныне его имя золотом написано на мраморе мемо-

риальной стены в фойе Центрального музея внутренних войск МВД России.

А этот факт относится к разряду уникальных. Оказывается, в 1932 году полку было доверено нести почетную вахту у тела “бессмертного вождя мирового пролетариата” — наряжать караул к Мавзолею В. И. Ленина.

Трудный 1941-й... Москва на осадном положении. Полк на усиленном варианте несения боевой службы на охраняемых объектах. В ночь с 5 на 6 августа вражеская авиация совершила налет на Москву. Одна из бомб разорвалась на территории важного финансового объекта. Под кирпичным крошевом рухнувшей стены оказался часовой красноармеец Мартыхин. Начальник караула младший командир (обратите внимание, не офицер, всего лишь сержант) Курдов не растерялся. Отдав распоряжение об усилении охраны, он вместе с красноармейцем Весельчаковым бросился на выручку своего подчиненного. Но освобожденный из-под обломков стены боец, несмотря на полученные серьезные травмы, наотрез отказался покинуть пост. И только после прибытия на объект представителя штаба полка мужественный воин отдал винтовку и позволил отнести себя в медсанчасть.

Самоотверженность воинов-чекистов получила достойную оценку. Уже в конце того же месяца был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении всех троих воинов медалями “За отвагу”.

В годы Великой Отечественной войны большинство солдат и офицеров тыловых частей внутренних войск рвались на фронт громить врага. Осуществить заветную мечту удавалось не всем. А вот воинам столичного финансового полка побывать на передовой довелось. В феврале 1943 года в действующую армию была направлена команда лучших полковых снайперов численностью 44 человека. От метких выстрелов “ворошиловских стрелков” из НКВД 375 гитлеровцев нашли свои могилы в заснеженных российских полях.

Самый меткий стрелок старший сержант Величко уничтожил 37 фашистов. Он же вышел победителем и в многодневном единоборстве с опытным вражеским снайпером — сразил его наповал.

Снайперская группа вернулась с фронта без потерь и с боевыми наградами: на груди старшего сержанта Величко сиял орден Красной Звезды, у ос-

тальных — ордена Славы 3-й степени или медали "За отвагу".

Окончание войны, как это ни странно, не уменьшило, а наоборот, многократно увеличило служебную нагрузку. Теперь денежные спецвагоны с солдатскими караулами колесили не только по железным дорогам Союза. Дружественные нам государства, появившиеся в Восточной Европе в результате разгрома гитлеровской Германии, заказывали свою новую валюту на советских предприятиях Гознака. А доставляли готовую продукцию заказчикам, естественно, солдаты финансового полка. Оперативная статистика тех лет свидетельствует: только за один 1947 год полк снарядил 695 зарубежных железнодорожных караулов...

"Взять под охрану..."

Эти слова из официальных документов о передаче объектов Минфина под недремлющее око спецохраны вот уже 45 лет расцениваются сотрудниками словно приказ. Говоря военным языком — как приказ на службу. А служба эта по-своему и опасна, и трудна, и требует постоянного напряжения сил. Может случиться всякое, и охранник должен быть готов к любым неожиданностям.

...Неординарный случай произошел буквально через несколько месяцев после формирования спецохраны. Москва праздновала Первомай. Но несколько злоумышленников решили использовать этот день в своих преступных целях. Однако их планам помешала бдительность стражей госказны. Один из контролеров по охране Центрального хранилища Госбанка СССР обратил внимание на странного человека, прогуливающегося вдоль важного объекта. Нервно озираясь по сторонам, он быстро щелкал фотоаппаратом, снимая здание хранилища. Было принято решение задержать "фотографа". Выяснилось, что он со своей сообщницей длительное время из окон соседнего жилого дома вел наблюдение, фиксировал передвижение спецтранспорта, порядок смены и отношение к службе контролеров. Видимо, злоумышленники надеялись обогатиться и в своих преступных замыслах делали ставку на недостатки в системе охраны. Не вышло: охрана оказалась на высоте.

А были ли случаи, когда работники охраны пытались вступить в преступную связь с нечистыми на руку сотрудниками финансовых предприятий или учреждений? — правомерный, хотя и неприятный вопрос для

главного охранника "всеобщего эквивалента". От В. В. Даценко ответ получили исчерпывающий: за всю историю финансовой охраны, слава Богу, ничего такого не было. А вот пресекать подобные попытки со стороны работников предприятий приходилось. Ветераны вспоминают о случае, происшедшем несколько лет назад.

Один из представителей организации-заказчика предложил миллион рублей контролеру охраны краснокамской бумажной фабрики (пояснить, какую там делают бумагу, наверное, нет необходимости) за то, чтобы тот "не заметил" двух пачек гознаковской бумаги. Контролер не прельстился крупной суммой.

И все же охранникам чаще приходится сталкиваться не с преступлениями, а с безалаберностью людей. Проще говоря, тушить возгорания от неисправного электрооборудования, вовремя обнаруживать прорывы в системе отопления и водоснабжения. Например, в октябре прошлого года благодаря бдительности дежурного коменданта охраны В. В. Ситникова был предотвращен пожар в здании самого Минфина. Много фантазии не нужно, чтобы представить, что случилось бы с нашей финансовой системой, окажись охранник менее расторопным...

К слову, при охране государственных ценностей такой категории самым важным для надежности охраны является честность, неподкупность людей, службу несущих, безупречность их репутации. Естественно, отбор кандидатов ведется очень строгий. Старший руководящий состав — это бывшие кадровые офицеры, начсостав среднего звена и контролеры — обязательно получившие армейскую закалку во время срочной, независимо от рода войск. Главное — честность и добросовестность. Ведь они несут службу с боевым оружием.

Но все же основное звено в системе охраны — люди. Самые ответственные посты и объекты доверяются охранникам-спортсменам (есть даже кандидаты в мастера спорта), владеющим различными видами рукопашного боя и боевых единоборств. Так что деньги под надежной охраной. А вот почему их всегда не хватает — это уже другой вопрос.

**Подполковник Н. СЫСОЕВ,
бывший старший контролер
3-го отряда СВО.
Фото прапорщика
В. НИКОЛАЙЧУКА
и из архива СВО.**

Алексей КАРЕВ

Два десятилетия работает в войсковой журналистике полковник Алексей Николаевич КАРЕВ. И все эти годы рядом с репортерским блокнотом лежит на его столе блокнот поэтический. А.Карев участвовал в работе нескольких семинаров литераторов внутренних войск, издал две поэтические книги "Я из Подгоричей" и "Люблю навзрыд". В минувшем году принят в Союз писателей России.

ВНОВЬ РОССИЮ ЗНОБИТ

Перемышль

Мы отсюда в путь-дорогу вышли,
Расправляя крылья для полета.
Тополя и клены Перемышля
Проводили нас до поворота.

Ах, как быстро промелькнули годы,
Время лица в памяти стирает.
Тихий сквер на площади Свободы
Нас давно уже не собирает.

Но, друзья, по-прежнему я с вами!
Мне вчера, когда метель бесилась,
Девочка с весенними глазами —
Наша юность школьная —
Приснилась.

* * *

Эх, причалил бы я к тихой пристани
И пошел бы к огню твоему
По лугам, что туманами выстланы,
Незнакомый почти никому.

Отворил бы калитку скрипучую,
Отряхнул бы свой взгляд от тоски,
И по этому сладкому случаю
Соловей бы запел у реки.

Как рулады выводит! Вы слышите?
Так хочу, чтобы пел он и пел,
Потому что в далеком мальчишестве
Я дослушать его не успел.

Март

Колю дрова.
А третьеклассник Ленька,
По школе — сорванец из сорванцов,
Вдруг подошел и попросил тихонько:
— Дядь Леша,
Мне бы домик для скворцов.
Наверно,
Прилететь должны уж скоро, —
Поведал он заботы мне свои.
— А тот скворечник...
Ну, в саду который,
Нахально захватили воробьи...

Его глаза — два родничка веселых,
Из-под ресниц плеснув голубизной,
Мечтая о весенних новоселах,
Следили — что ответчу я? — за мной.

— Ну что же, брат,
Ты прав на эту тему.
Дуплянку сладим.
Ведь в конце концов
Пора решать жилищную проблему.
Давай решим.
Хотя бы для скворцов...
Как срифмовать
С жестоким нашим веком
Добро,
Что в сердце Ленки-сорванца?
Пусть будет он хорошим человеком.
Пусть будет.
Будет!
Даже без отца...

* * *

Мне говорили: "Если умный,
То в гору лучше не ходи".
А я пошел на свет на лунный,
Не зная — что там впереди.
Была опасною дорога,
Но верил я: взойду, вползу!
Чтоб посмотреть глазами Бога
На мир, оставшийся внизу.

* * *

Что-то в мире не так,
Как задумано было Творцом.
Вся Россия в крестах...
Этот мальчик не станет отцом.
Этот мальчик убит.
Этот мальчик растерзан в плену.

Вновь Россию знобит.
И она проклинает войну.

Перед боем

Я умру на рассвете.
Ты прости меня, свет мой, прости.
Надо мной только ветер,
Подо мной только мины в пути.

Это тоже работа,
Наш солдатский накатанный путь.
Если значу я что-то —
Мне с него никогда не свернуть.

Я умру на рассвете.
Словно пули, минуты летят...
Пусть мои нерожденные дети
За свое нерождение простят.

* * *

По долгой долине
плывут молчаливые тени
густых облаков,
заблудившихся в небе бескрайнем,
и вечностью веет,
и кажется, рядом я с теми,
кто этой долиной прошел
и уже не вернется...

* * *

Не знаю, что такое зависть черная.
И белую себя давно не мучаю.
Пусть будет жизнь
Верченою, крученою,
Завидовать?
Ни по какому случаю!
Пусть будет жизнь
Невзгодами забитою,
Я к зависти —
Как к делу распоследнему.
И никому на свете не завидую.
Лишь самому себе,
Двадцатилетнему.

Эрл Стенли ГАРДНЕР

ДЕЛО О НЕВЕРОЯТНОЙ ГРАММШИВКЕ

8

Компания "Эскобар импорт-экспорт" занимала несколько комнат на шестом этаже одного из небоскребов в деловом центре Лос-Анджелеса. Мейсон устроился в кресле в углу возле двери, чтобы видеть всех входящих и выходящих.

Было десять двадцать.

А в десять двадцать пять Диана Дуглас прошла мимо него.

Мейсон шагнул за ней.

— Где вы были прошлую ночь?

Она подняла опухшие от слез глаза и, как утопающий хватается за соломинку, вцепилась в него.

— О мистер Мейсон, — с трудом про-

шептала она. — Эдгар умер этим утром, в три двадцать пять.

— Очень сожалею, — проговорил юрист, обняв девушку за плечи. — Он ведь был самым близким для вас?

— Я любила его больше всех на свете.

Внезапно она прижалась к его плечу и разрыдалась. Мейсон попытался ее успокоить.

— Вам нельзя теперь падать духом, Диана. Помните, что нам надо работать. Постарайтесь собраться с силами.

— Я знаю, — повторяла она сквозь слезы, — но я... чувствую, что у меня нет сил. Если бы я не обещала встретиться с вами здесь, я... я хотела бы позвонить Гомеру Гейгу, сообщить ему, чтобы не ждал меня. Я...

Окончание. Начало в № 5.

— Потом, потом, — поторопил ее Мейсон, — на нас уже смотрят, Диана. Давайте-ка уйдем отсюда, и попробуйте взять себя в руки. Вам надо работать. Вам надо ободриться и держать ответ.

— О чем это вы?

— Боюсь, вы влипли в историю, которая стара как мир. Кто-то растратил тысячу долларов компании и смылся. А другой, узнавший об этом, спокойненько приходит и берет еще четыре тысячи.

Глаза девушки, красные от слез, расширились, и она с удивлением и недоумением взглянула на адвоката.

— Так вы полагаете, что...

— Вот именно. Ваша компания "Эскобар импорт-экспорт" теперь заявляет, будто пропало сто двадцать тысяч долларов.

— Сто двадцать тысяч! — в ужасе повторила девушка.

— Именно. Отправляйтесь домой. Кто займется похоронами вашего брата? Есть еще родственники?

— Никого. Я встану пораньше и все сделаю.

— Почему прошлой ночью вы не сели в самолет, как было условлено?

— Боялась, что за мной следят. Мистер Мейсон, я чувствовала, что человек в соседнем автомобиле не спускает с меня глаз. Это ужасно, когда кто-то за тобой шпионит. Чтобы запутать следы, я пошла в дамскую комнату и долго не появлялась, а потом добралась круглым путем до аэропорта, но самолет уже улетел. Тогда я решила пообедать и лететь следующим рейсом.

— Почему же вы не связались с офисом Пола Дрейка?

— Я как-то не подумала об этом. Знала, что вы приедете, мы встретимся, и все будет в порядке. А когда позвонила в больницу и узнала, что брат при смерти, помчалась туда и не отходила от него, пока...

— Ладно, ладно, — перебил ее Мейсон, — не мучайте себя, на вас и так лица нет. Самое лучшее, если бы вы сели в автобус, добрались до дома и постарались вздремнуть. У вас есть какое-нибудь снотворное?

— Да, есть таблетки.

— Примите их и попытайтесь хотя бы на время забыть обо всем. Вы положили деньги на счет? У вас есть банковский чек?

— Да.

— Отдайте его мне, — сказал Мейсон. — Пусть он будет у меня. Вот ваш чемодан.

— Какие у вас планы? — спросила Диана.

— По возвращении кое-что разножаю в компании "Эскобар импорт-экспорт".

— Мистер Мейсон — сто двадцать тысяч долларов! Боже праведный!

— Я понимаю, — согласился адвокат, — это шок.

— Но что мы можем сделать?

— Увидим.

Мейсон спрятал чек и повел девушку к двери.

— Поезжайте домой, поспите, а дела с вашей компанией оставьте мне. У вас дома есть телефон?

— Своего нет, только через коммутатор.

— Обещайте, что не будете беспокоиться и поспите, а телефонистке скажите, чтобы соединяла вас только, если будет звонок от меня. Сегодня пятница. В полдень я вернусь в свой офис. Позвоните в агентство Пола Дрейка, чтобы связаться со мной при необходимости. Очень сожалею о смерти вашего брата. Вам столько пришлось пережить за эти дни... Где ваша остановка?

— Прямо здесь, — ответила она. — Я должна вам за билет на самолет, мистер Мейсон. Помню, что вы заказывали два билета. А когда я опоздала на него и выбрала следующий рейс, то хотела расплатиться кредитной карточкой, но не нашла ее. Должно быть, потеряла. Кассирша сказала, что билет оплачен.

— Все правильно. Я и забыл.

Он подвел девушку к скамейке на остановке.

— Садитесь в автобус — и домой, а я попытаюсь кое-что сделать.

Диана неожиданно обняла его и расцеловала.

— Мистер Мейсон, вы чудо! — выкрикнула она на прощание.

9

Теперь Мейсон стоял в коридоре, обозревая холл офиса компании “Эс-кобар импорт-экспорт”, где разместилась выставка предметов восточного и латиноамериканского искусства. С другой стороны от входной двери виднелись статуэтки ацтеков.

Двойные стеклянные двери открывались в довольно мрачный выставочный зал, где были стеклянные полки с разнообразными предметами искусства. На входных дверях, кроме названия компании, была выгравирована надпись: “Все продается”. Мейсон вошел в выставочный зал. Девушка с резиновой улыбкой на губах сидела у коммутатора.

— Чем могу служить? — спросила она.

— Мне надо повидать мистера Гейга, — сказал Мейсон.

— Которого из них? Мистера Франклина Гейга или Гомера?

— Пожалуй, Франклина.

— Его нет. Он уехал по делам.

— Ну тогда, может быть, Гомера.

— Ваше имя, пожалуйста.

— Перри Мейсон.

— Вы хотите поговорить с ним по поводу покупки предметов искусства, мистер Мейсон?

— Мое дело личного характера, — заявил Мейсон.

— Тогда скажите, какую фирму вы представляете?

— Я адвокат Перри Мейсон из Лос-Анджелеса. Меня интересуется ваша служащая Диана Дуглас.

— О! — воскликнула девушка. — О, да... Подождите минутку!

Она набрала номер, что-то проговорила, но Мейсон не смог ничего разобрать. Буквально тут же дверь раскрылась, и вошел тучный, крепко сложенный джентльмен. Ему было, по-видимому, за тридцать. Темные зачесанные назад волосы, густые черные брови и серые пронизательные глаза, внимательно смотрящие сквозь темные стекла очков. Губы тонкие, волевые.

— Мистер Мейсон? — спросил он.

— Да.

— Я Гомер Гейг. Вы хотели меня видеть?

— Да. По поводу Дианы Дуглас.

— Что хотите знать о ней?

— Она ваша служащая?

— Да. Но ее сейчас здесь нет. Ее брат серьезно пострадал в автокатастрофе. Боюсь, она сильно расстроена. Если это вопрос кредита или целостности вклада, то могу сказать: у нее прекрасная репутация.

— Совсем другое, — заметил Мейсон.

— Мне надо поговорить о ней.

— Пожалуйста, я готов.

— Хорошо. В принципе можно поговорить здесь, я не против. Я адвокат мисс Дуглас. Итак, почему полиции Лос-Анджелеса было сообщено, будто она растратила сто двадцать тысяч долларов?

Подняв руки, Гейг внезапно прервал Мейсона.

— Перестаньте, пожалуйста. Мы никогда не говорили таких вещей.

— Значит, вы намекали на это, — невозмутимо возразил адвокат.

— Мистер Мейсон, теперь не время и не место обсуждать подобные дела.

— Почему вам не нравится время? — спросил Мейсон.

— Потому что... я не мог предвидеть, а вы не позвонили... Меня никто не предупредил.

— А место почему вас не устраивает?

— Здесь слишкомлюдно.

— Вы можете легко устранить такое неудобство, — заметил Мейсон.

— Пожалуй. Пройдемте в мой кабинет, — предложил мистер Гейг.

Мейсон последовал за хозяином по мягкому толстому ковру в его офис, где на стенах тоже были выставочные витрины. В комнате работали две молодые женщины, которые с любопытством взглянули на проходящего мимо них юриста. Гейг заговорил, только затворив дверь кабинета.

— Пожалуй, садитесь, мистер Мейсон. Простите, что сразу не пригласил вас сюда. Есть неопровержимый факт — при ревизии в нашей кассе была обнаружена недостача.

Поэтому мы решили проверить всех служащих. Особенно тех, которые отсутствовали.

— И Диана Дуглас — одна из них?

— Да.

— Ваш дядюшка, Франклин Гейг, тоже ведь уехал, его нет на месте?

— Ну, он же не служащий, а фактически владелец всего дела.

— А Эдгар Дуглас, например?

— Да, но он в больнице и так и не пришел в себя после аварии. И надежды, что он останется жив, мало.

— Но вы и его проверяли? — спросил Мейсон.

— Как же задавать вопросы человеку, который без сознания?

— Поэтому Диана Дуглас была единственной, кого, по вашей просьбе, проверяла полиция?

— Вы неправильно меня поняли, мистер Мейсон. Естественно, при такой недостаче нам необходимо было переговорить с Дианой. Это наше право. Она служащая компании. Нам было известно, что она отсутствовала на службе из-за несчастия с братом, проводя все время в больнице. Но вдруг мы узнаем, что девушка неожиданно уехала в Лос-Анджелес.

— И вы просите полицию этого города последить за ней?

— Полиции было поручено добиться от нее некоторой информации.

— Предполагаете, что она могла быть растратчицей?

— Конечно, нет. Не пытайтесь навязать мне свои догадки. Мы думали лишь о проверке.

— Откуда вы узнали, где она остановилась в Лос-Анджелесе?

— Боюсь, пока это секрет, и я не могу в настоящий момент его раскрыть, мистер Мейсон.

— Ладно, — заметил юрист. — Хочу только напомнить, что я адвокат мисс Дуглас и понимаю: ее репутация в опасности. Она обвиняется в растрате. Я решил вмешаться, потому что полиция Лос-Анджелеса устроила за ней слежку. Вот моя визитка, мистер Гейг. Если у вас будут какие-нибудь вопросы относительно мисс Дуглас, можете обращаться ко мне.

— Хотите сказать, что Диана у нас больше не работает? — поинтересовался Гейг.

— Вот это не могу с вами обсуждать, — заявил Мейсон. — Я выступаю только против напраслины, возводимой на мою подопечную. И советую вам держать связь со мной, если затеваете какие-то действия относительно нее.

— Конечно, конечно, мистер Мейсон. Мы не собираемся с вами враждовать. Просто непонятно: неужели вы проделали путь из Лос-Анджелеса только затем, чтобы сообщить нам это?

— Почему бы и нет? — спросил Мейсон.

— Боже мой, ну зачем же делать из мухи слона? Нам известно только, что есть недостача.

— Вы точно знаете?

— Конечно. Из кассы исчезло сто двадцать тысяч долларов.

— Вы держите такие деньги наличными?

— Приходится порой держать и большие суммы.

— Можно узнать почему? — поинтересовался Мейсон.

— Здесь нет никакого криминала, — пожал плечами Гейг. — Мы многое покупаем за наличные. Сделки бывают и в выходные, когда банки закрыты. У нас принято покупать за наличные, а когда дело полностью завершено, мы его проводим по бухгалтерии.

— Мне что-то не совсем ясно, — вставил Мейсон.

— В некоторых странах есть запреты на ввоз и вывоз разных товаров, и это надо принимать в расчет. К примеру, из Мексики нельзя вывозить предметы древней культуры.

— А те мексиканские статуэтки в холле были вывезены контрабандой?

— Я так не говорил, мистер Мейсон. Мы очень осмотрительны в таких вопросах. Я просто объяснил вам причины, почему мы держим большие суммы наличными. Некоторых вопросов мы не касаемся, но деньги сами за себя говорят.

— Теперь уж мне вас совсем не понять, — заметил Мейсон.

— А разве это так уж необходимо?

— Думаю, что да.

Гейг вспыхнул.

— Я и так объяснил вам слишком много относительно нашего бизнеса.

— Когда вы говорите о наличных деньгах за переправу статуэток через границу, по-моему, здесь просто подкуп, — заявил Мейсон.

— Вообще нет, — возразил Гейг. — Вы юрист и должны понимать что к чему.

— Поэтому так и говорю.

— Возможно, вам все показалось просто как дважды два, но ответ вышел неверным, — заметил Гейг.

— Тогда у вас есть возможность объяснить все более детально в суде, — улыбаясь проговорил адвокат.

— Подождите минутку, Мейсон, зачем ходить в суд, и нет причины нам быть на ножах.

Мейсон промолчал. А Гейг глубоко вздохнул.

— Разрешите вам кое-что объяснить. Мексика накладывает эмбарго на вывоз антикварных вещей из страны. А с другой стороны, в США нет запрета на ввоз древностей. Поэтому нет ничего страшного, если в США кто-то обнаружит целый вагон, полный мексиканских статуэток. Тем более что там развернуто производство разных подделок под антиквариат. Их часто покупают туристы, которые не жалеют денег, надеясь приобрести настоящие произведения искусства.

— Все это, однако, не объясняет существования у вас большой наличности, — заявил Мейсон.

— Конечно, — продолжал Гейг, — поставьте себя на место приехавшего из Мексики водителя, которому надо поскорее сбыть с рук злополучные статуэтки. При подобных обстоятельствах владелец предпочитает рассчитывать наличными, чтобы не оставлять следов. Бывают и другие случаи: например, вывоз товаров из Гонконга. Там необходим сертификат о подлинности. Здесь тоже требуются деньги, которые пересылают по почте. По-моему, вполне достаточно. Мы...

Гейг оборвал фразу, так как в дверь вошла одна из секретарш.

— Простите, — сказала она, — мистер Франклин Гейг только что вернулся.

— Попросите, пожалуйста, его зайти. Скажите, что Перри Мейсон, адвокат из Лос-Анджелеса, здесь и, возможно, нам придется проконсультироваться с нашим юристом. Мне хотелось, чтобы мистер Франклин Гейг познакомился с ситуацией.

— Я уже здесь.

Мейсон обернулся. Высокий, представительный джентльмен лет пятидесяти стоял на пороге. Он учтиво улыбался. На носу красовались очки без оправы, подчеркивающие величину серьезных и сосредоточенных глаз.

— Мистер Мейсон. Мистер Франклин Гейг, — представил их Гомер.

Адвокат поднялся.

— А, мистер Мейсон, — приветливо начал Франклин Гейг, — я много слышал о вас. Между прочим, ваша репутация в Лос-Анджелесе безупречна. Приятно познакомиться лично. Чем можем служить, мистер Мейсон?

Гомер Гейг поспешил объяснить ситуацию:

— Мистер Мейсон приехал побеседовать насчет Дианы Дуглас. Помните, она отсутствовала последние три-четыре дня.

— У нас сейчас нет особой загруженности, потому я и отпустил девушку. Ее брат попал в аварию и сейчас в больнице.

— Я знаю, он умер сегодня рано утром.

Мужчины переглянулись.

— Боже милостивый! — наконец произнес Гомер.

— Бедняга, — сочувственно пробормотал Франклин.

— Хорошо, что сообщили нам, — заметил Гомер Гейг.

Франклин обернулся к нему:

— Фирма должна послать венок, Гомер.

— Конечно, я прослежу.

— Свяжитесь с Дианой. Возможно, надо чем-то помочь. Необходимо выразить соболезнование.

— Боюсь, мистер Мейсон будет против наших контактов с Дианой, — заявил Гомер Гейг. — И если он не возра-

жает, сначала надо переговорить с нашим юристом.

— Чепуха! — отрезал Франклин. — В таких делах прежде всего человечность или хотя бы простое приличие.

— По-моему, вам все-таки лучше выслушать мистера Мейсона, — предостерег его Гомер.

— А в чем дело? — В голосе Франклина не было и намека на сердечность.

Племянник поспешил объяснить.

— Пока Диана Дуглас летала в Лос-Анджелес почему-то под чужим именем, Стюард Гарланд проверил кассу и сказал, что не хватает ста двадцати тысяч долларов. Естественно, что я хотел все знать и намеревался спросить Диану Дуглас.

— Неужели вы собрались допросить ее? — поинтересовался Франклин Гейг.

— Ну, не так чтобы впрямую, — проговорил Гомер. — Возможно, я немного поторопился. Но когда узнал, что она зарегистрировалась в отеле под другим именем, то попросил приятеля полицейского, чтобы тот это сделал. Он и приехал еще с одним из полиции Лос-Анджелеса для допроса. А мистер Мейсон, кажется, считает, что мы оклеветали ее.

— Так, так, так, — несколько раз повторил Франклин. — Не надо было так поспешно делать выводы. В нашем бизнесе многие имеют доступ к наличным деньгам, и ты это знаешь. Я сам взял из кассы двадцать тысяч долларов для одного дела, к несчастью, оно сорвалось, и я только что вернул деньги в кассу.

— Все равно будет недостача в сто тысяч, — негромко заметил Гомер.

— Ты так не можешь говорить, пока все не перепроверишь. Знаешь ведь, как это бывает. Мы держим в кассе большие суммы, а иногда кому-нибудь из сотрудников нужны деньги. Тогда он просто берет необходимое и оставляет расписку об этом. А если человек торопится почему-либо, то не пишет даже расписки. Вот как раз так сейчас было со мной: взял двадцать тысяч долларов и все тут. Не предполагал, конечно, что их посчитают растратой. И ты, Гомер,

должен был сначала все уточнить, а потом уже говорить о таких вещах.

— Дело в том, что Диана Дуглас поехала в Лос-Анджелес под чужим именем и зарегистрировалась в отеле как Диана Диринг. При таких обстоятельствах я подумал, что мы...

— Откуда ты об этом узнал? — перебил его Франклин.

— Откровенно говоря, я был не в курсе, — заметил Гомер, стараясь оправдаться и заметно волнуясь. — Хотел спросить Диану, не ошиблась ли она при подсчете наличности. А ее не оказалось ни на квартире, ни в больнице около брата. Диана исчезла. Тогда я попросил приятеля полицейского разыскать пропавшую. А тот действовал как обычно. Отправился в больницу, узнал, что состоянием Эдгара Дугласа несколько раз интересовались из Лос-Анджелеса. Офицер обнаружил, что звонят из отеля "Виллатсон" и что некая Диана Диринг волнуется о брате. Ему нетрудно было установить, что Диана Диринг и Диана Дуглас — одно лицо. Полицейский посоветовал задать ей несколько вопросов. Вот и все.

— Не собираюсь делать каких-нибудь комментариев на этот раз, — заявил Франклин Гейг, — но Диана Дуглас очень преданный сотрудник, и я не сомневаюсь в ее честности. Жаль, что Диане пришлось прибегнуть к помощи адвоката. А нам, прежде чем трубить о недостаче, лучше бы хорошенько проверить кассу. Понимаете, мистер Мейсон, у нас бывает наличными деньгами больше двухсот тысяч долларов.

Мейсон удивленно приподнял брови.

— Я знаю, эта сумма кажется слишком большой, но все дело в необычности нашего бизнеса. Он не похож, например, на автомобильный. Там на каждой машине регистрационный номер, и она на учете в полиции. У нас совсем другое: человек, имеющий вещи, является фактическим хозяином, если, конечно, он не украл их. Тогда с ним заключается сделка. У нас есть и постоянная клиентура, бывают и разовые сделки.

— А контрабанда? — спросил Мейсон.

— Не знаю и не хочу ничего об этом

знать, — проговорил Франклин Гейг. — Если кто-либо вывезет без разрешения из Мексики дюжину статуэток и потом продаст их в США, то не нарушит никакого американского закона. Когда нам попадаются такие вещи, мы не будем допытываться, как они оказались в нашей стране. Только спросим: “Сколько стоит?” Если цена и качество вещи нас удовлетворяют, сделка состоится.

— Статуэтки на вашей выставке — копии? — поинтересовался Мейсон.

— Нет, мы не связываемся с копиями, мистер Мейсон, у нас только подлинники.

— Но их перевезли через границу как копии? — не унимался адвокат.

— Вот это вас не должно волновать... Но мы искренне сочувствуем и даже скорбим по поводу несчастья Дианы, смерти ее брата. Знаю, что они были очень близки. Постараюсь утешить ее в горе после похорон, мистер Мейсон. Думаю, вы согласитесь — все эти разбирательства надо пока отложить. Сейчас начнутся хлопоты о похоронах. Гомер, позвони мисс Дуглас и спроси, какую мы можем оказать ей помощь.

— Не звоните сегодня, — сказал Мейсон, — я посоветовал ей отключить телефон и немного прийти в себя.

— Да, да, понятно, — согласился Франклин, — завтра воскресенье. Гомер, узнай, кто из наших сотрудниц был с нею дружен. Попроси позвонить и выразить наше соболезнование.

— Нет, пожалуй, это я сделаю сам, — сказал Гомер, — и узнаю, чем можно помочь.

Франклин Гейг протянул адвокату руку:

— Очень приятно было встретиться с вами, мистер Мейсон. Спасибо за горячее участие к Диане Дуглас. И не думайте, что наш бизнес, мягко говоря, сомнителен. Могут заверить вас, что экспорт и импорт сегодня вообще весьма проблематичны. Часто все зависит от связей.

— Какие это связи? — спросил Мейсон.

— Брокерские, — ответил, взмахнув рукой, Франклин Гейг. — Знаете, мис-

тер Мейсон, мы не швыряем деньги любому Тому, Дику или Гарри, который нам что-нибудь предложит. Мы имеем дело только с нашими агентами, а те — в качестве посредников — с другими и... Для меня обычное дело — взять из кассы пять, десять, двадцать тысяч долларов и связаться с брокерами, у которых есть интересующие нас товары. Мы знаем: брокер — только посредник. Он помогает делать деньги. Мы пытаемся следить, чтобы его прибыль не была чрезмерной, но, с другой стороны, и у него должна быть заинтересованность. В этом бизнесе каждый имеет свое... Теперь вы понимаете, как все идет.

— Да, пожалуй, — согласился Мейсон.

Гомер Гейг не попрощался с ним за руку, а с чувством достоинства стоял в стороне. Франклин же, наоборот, придержал дверь, провожая гостя.

— Еще раз благодарю вас за визит. Прощайте, мистер Мейсон.

Адвокат прошел через офис и на минутку задержался около изящных статуэток. Под одной костяной фигуркой торчал сложенный вчетверо маленький клочок бумаги. На нем было напечатано “Мейсон”. Он наклонился, тщательно рассматривая фигурку. При этом его правая рука как бы невзначай накрыла бумажку. А выпрямившись, он потихоньку сунул ее в карман. Потом прошел в другой зал выставки, снова остановился у экспонатов.

— Они действительно великолепны, — улыбнувшись, сказала все та же телефонистка.

— Так и есть, — согласился Мейсон, — они словно живые.

Адвокат вышел в коридор, у лифта развернул бумажку и прочитал: “Не позволяйте вас дурачить. Диана в опасности. Здесь происходят дела, которые они хотят скрыть. Постарайтесь защитить Диану”. Подписи не было.

10

В понедельник утром Мейсон отворил дверь своего офиса.

— Привет, бродяга! — вскочила ему

навстречу Делла Стрит. — Послушайте, Перри, я носилась туда-сюда по Сан-Франциско, словно детектив, и все без толку. А вам что известно?

— Не слишком много, кроме того, что Диана Дуглас — крепкий орешек, — сказал Мейсон. — Я уж подумывал, не бросить ли это дело.

— А почему бы вам и впрямь не отказаться?

— Профессия накладывает на меня какие-то обязательства, — заметил Мейсон.

— Но ведь она вам всю дорогу врала, — заметила секретарша. — А если не врала, так скрытничала.

— Знаю, — сказал Мейсон, — но бедняга старалась для своего брата.

— Это тот, что попал в аварию?

— Он умер утром в пятницу. Сегодня его хоронят. Я в пятницу велел Диане принять снотворное посылнее и забиться хотя бы ненадолго.

— И вы, наверное, направились в компанию “Эскобар импорт-экспорт”?

— И там встретил двух очень интересных мужчин, — подхватил Мейсон. — Мне хотелось знать, какие дела творятся в компании. Вот тогда-то я и познакомился с Гомером и Франклином Гейгами. Надо сказать — очень интересная парочка.

— Скользкие?

— Скорее, загадочные... Гомер Гейг с трудом может себя сдержать. А Франклин Гейг фальшиво учтив. Такое впечатление, что он всю жизнь скрывал свои чувства. Когда пожимает руку, кажется, что моя погружается в подушку. Он очень пронизательный, и какой-то магнетизм от него исходит.

— От него к вам? — спросила Делла.

— Трудно сказать, но когда здоровалась за руку, то что-то ощущаешь.

— Мне это знакомо, — согласилась секретарша. — Иногда пожатие крепкое, искреннее, а иногда фальшивое, уклончивое.

Мейсон задумался.

— Пожимая руки, люди как бы чем-то обмениваются... Ну хватит философствовать, пора работать.

— У вас планировалось несколько встреч на сегодня, — напомнила Делла.

— И если бы я знала, что вы вернетесь, то назначила бы их с утра.

— Я хотел позвонить, — сказал Мейсон, — но так закрутился в Сан-Франциско, что забыл обо всем. Да, там была еще одна неожиданность.

— Что именно?

— Одна из сотрудниц компании оставила записку на мое имя, положив ее рядом со статуэткой, которую я особенно пристально разглядывал.

— Вот это да! — воскликнула Делла. — Теперь ясно, почему вы остались в Сан-Франциско в пятницу на всю ночь!

Мейсон улыбнулся.

— Записка вовсе не любовная. Посмотрите. — И он протянул бумажку.

— По-моему, она напечатана на электрической машинке. Вы заметили, у которой из девиц такая? — спросила Делла, разглядывая записку.

— Честно говоря, нет. Меня как-то не занимало ничего в офисе, кроме статуэток и изделий из кости и нефрита. Даже те, которые выставлены напоказ, тянут не меньше чем на полмиллиона долларов.

— Они предложили вам что-нибудь со скидкой?

— Только оптом, — задумчиво проговорил Мейсон. — Хотелось бы побольше узнать об их покупателях и откуда они получают товар... Вы говорите, что отменили все мои встречи на это утро?

— Да. Они не столь важны.

— Ладно. Тогда схожу-ка я к Полу Дрейку узнать, нет ли чего-нибудь новенького.

— Думаете, у него будет что-нибудь интересное?

— Меня интересует девушка-детектив, которая под именем Дианы Диринг работает в отеле “Виллатсон”. Может, мы чего и не знаем. Обстановка все время меняется. Сначала недостача в сто двадцать тысяч долларов. Потом оказалось, что часть денег из сейфа взял сам Франклин Гейг и вернул их в кассу в пятницу утром, как только его племянник сообщил о растрате.

— Своевременно, — иронично заметила Делла Стрит.

Мейсон согласно кивнул.

— Их манера держать наличные деньги очень рискованна, а охрана ненадежна. Я думаю, окажись они под судом, им бы пришлось отвечать на некоторые неприятные вопросы.

— Считаете их контрабандистами?

— Люди, с которыми они имеют дело, этим занимаются наверняка. И у них точных сведений о вещах нет. Но некоторые из образцов необыкновенно хороши... Ладно, хватит об этом. Хочу минутку поболтать с Полом Дрейком, Делла. Надеюсь, он у себя. Потом вернусь и примусь за повседневные дела.

— У вас днем три важных встречи, — напомнила секретарша.

— Я быстренько просмотрю документы и опять займусь Дианой. Утром похороны Эдгара Дугласа. После рассчитываю получить известие от нее. Франклин Гейг, конечно, будет на кладбище. Он может сообщить Диане, что недостача — просто фальшивая тревога. Она сейчас совсем разбита. Ей пришлось лететь из Лос-Анджелеса и с самолета — прямо в больницу к брату, а тот в три часа утра умер. Дальше хлопоты с похоронами и встреча со мной в компании в десять тридцать. Я попросил ее положить деньги в банк, что она и сделала.

Мейсон достал портмоне, вынул оттуда несколько бумажек и сказал:

— Вот он, кассовый чек на сумму в пятьдесят тысяч долларов, выданный банком Сан-Франциско Диане Дуглас. Она могла бы порвать с нами, Делла, но все-таки выполнила все мои инструкции.

В конторе Дрейка Мейсон прошел по длинному коридору, в который выходили двери маленьких комнатушек, где оперативники готовили свои доклады, и наконец очутился в кабинете Пола.

Тот восседал за столом перед шеренгой телефонов. Он заканчивал разговор, когда Мейсон открыл дверь.

— Привет, Мейсон, — сказал Пол, указывая на кресло.

Устроившись поудобней, адвокат спросил:

— Ты что, связываешься по этим телефонам с главными полицейскими управлениями?

— Обычные сведения передаем через телефонисток, но некоторые щекотливые вопросы приходится решать по-другому. Я даю оперативникам номер, который не прослушивается. И они звонят мне напрямую.

— Ну а если тебя здесь нет?

— Тогда на коммутаторе раздастся сигнал, и звонок примет телефонистка. Но я обычно на месте. Что у тебя нового, Перри?

— Да все тот же случай 36-24-36, — вздохнул адвокат. — Диана Дуглас принадлежит к такому сорту людей, которые пойдут к врачу за лекарством от гриппа, потом домой, где посоветуются теперь уже с дворником, примут две таблетки аспирина, запьют горячим лимонадом, а лекарство, выпитое доктором, выбросят. А если какая-то подруга скажет, что ей необходимо побольше витамина С с виски, она примет и это. Когда же придет ее проведать врач, пациентка все свои лекарства сунет под кровать, а доктору, не знающему о ее художествах, заявит: "Доктор, я чувствую себя ужасно!".

Дрейк усмехнулся.

— Вы очень красочно описали. Что же мисс Дуглас выкинула на этот раз?

— Да ничего, — проговорил адвокат.

— Она обожает своего брата, точнее обожала, поскольку тот в пятницу рано утром умер. Сначала мисс Дуглас собиралась лететь со мной самолетом в Сан-Франциско, но не успела к рейсу, объяснив, что почувствовала слезжку. Я поверил, но потом усомнился. По-моему, Пол, нам бы лучше проверить наши сомнения в отеле "Виллатсон".

Дрейк снял трубку и попросил телефонистку соединить его с отелем "Виллатсон", номером 767. Через минуту он уже беседовал со своим агентом.

— Привет, Стелла. Что? Ты уверена? Подожди минутку.

Дрейк повернулся к Мейсону.

— Стелла считает, что происходит нечто забавное. Она пошла завтракать и обнаружила слезжку.

— Скажи ей, что мы сейчас приедем,
— сказал Мейсон, глянув на часы.

— Послушай, Перри, я не могу отлучаться сейчас. Разве что послать кого.

— Ничего, справлюсь один. — Мейсон встал. — И если наш "друг" Мори Кассель подослал одного из своих мерзавцев, чтобы напугать девушку из 767-го номера, я быстро укажу парню на дверь.

Выходя из офиса, адвокат попросил телефонистку сообщить Делле Стрит, что в течение часа он собирается выполнить одно дело, а потом вернется назад.

На улице он взял такси и отправился в отель. И там, оказавшись на седьмом этаже, увидел человека, который в конце холла неумело работал топориком и долотом.

Мейсон прошел к 767-му номеру, постучал в дверь и спросил:

— Диана?

Стелла Гримес открыла дверь.

— Входите, мистер Мейсон, только не давайте мне больше таких заданий, пожалуйста.

— Вы напуганы, потому что кто-то следит за вами?

— Боже мой, конечно, нет, — едва не обиделась Стелла. — Просто я здесь чуть не сошла с ума от скуки. Вам приходилось часами торчать в отеле, ожидая неизвестно чего? Ничего так и не происходит, а вы сидите в четырех стенах, слушая единственную дурацкую программу по местному радио. Еду приносят в номер, позвонить тоже никому нельзя из опасения, что тебя подслушивают. Я за эти дни отоспалась за месяц. Следующий раз прошу дать мне более активную работу, а то...

Она замолчала, услышав стук в дверь.

— Скоро мы многое узнаем. Не Мори Кассель ли пожаловал?

— А что будет, если он снова меня здесь увидит?

— Изобразите растерянность, виноватость, — посоветовал Мейсон. — Будто вы на вторых ролях в каком-то тайном мероприятии. Главное же, будьте предельно осторожны.

Стук в дверь повторился.

Стелла открыла, в номер шагнули двое мужчин. Это были вовсе не те полицейские, что приходили сюда несколько дней назад.

— Ваша кредитная карточка, не так ли? — спросил один из них с порога. — Вы ее потеряли?

И он показал девушке кредитку, потом увидел Мейсона и спросил:

— Кто ваш друг?

— По-моему, он должен задавать вам вопросы.

Один из пришедших повернулся к Мейсону.

— Кто вы?

А другой протянул Стелле кредитную карточку.

— Ладно. Ответьте, она ваша или нет?

Стелла глянула на Мейсона и сказала:

— Кажется, эта карточка принадлежит Диане Дуглас.

— Так она ваша или нет?

— Я...

— Не отвечайте, — гаркнул Мейсон. Его резкий голос напоминал удар бича.

— Подожди минутку, — бросил один из вошедших. — Ты съешь свой нос в...

— Опомнись, Билл, — предупредил второй. — Это ведь адвокат. Я его узнал, он Перри Мейсон.

— Какого черта вы здесь торчите? — выпалил первый.

— А вам что здесь надо? — невозмутимо парировал адвокат.

— Пытаемся узнать, принадлежит ли этой молодой особе кредитная карточка.

— Та, которая на имя Дианы Дуглас?

— Вот именно.

Мейсон задумался.

— Если вы расследуете преступление, то ваш долг — предостеречь подозреваемую и объяснить ее права.

— Правильно, — согласился мужчина. — Мы полицейские. Наше подразделение занимается убийствами.

И он вынул из кармана полицейский значок.

— Молодая леди, вы имеете право промолчать, если хотите. Но можете отвечать на вопросы, что, возможно,

будет использовано против вас. Вам положен адвокат во время всего судебного производства.

— У нее уже есть адвокат, — сказал Мейсон. — Я буду ее защищать. А теперь скажите, в каком преступлении она обвиняется?

— Пока еще ни в каком. Но мы напали на след. К вашему сведению, ей необходимо задать вопросы об убийстве Мори Касселя, который жил в меблированных комнатах Тальмейер. Так вы будете отвечать на наши вопросы?

— Подождите минутку, — попросил Мейсон, — дайте подумать.

— Соображайте побыстрее, — предупредил полицейский. — Нам хотелось бы получить объяснение, почему кредитная карточка этой девушки оказалась в квартире убитого.

— Сначала объясните, когда этого Касселя убили? — поинтересовался адвокат.

— Здесь мы задаем вопросы, — отрезал пришедший, — да и времени для досужих разговоров у нас нет.

— Если вы ждете скорых ответов, — усмехнулся Мейсон, — то вам лучше сграбастать плотника, который ковыряется с молотком в конце холла.

— Не волнуйтесь, — улыбнулся в ответ полицейский, — это один из наших людей. Ваш номер с утра под наблюдением, мы лишь ждали сообщника, который зайдет сюда. А вы, адвокат, испортили нам всю обедню.

— Покажи им свои документы, Стелла, — вздохнул Мейсон.

Пока полицейские изучали лицензию частного детектива, Мейсон счел нужным объясниться.

— Стелла Гримес — частный детектив и работает в агентстве Пола Дрейка. Она по моему поручению была здесь в роли Дианы Диринг из Сан-Франциско.

Офицер несколько мгновений стоял, задумавшись, а потом спросил:

— А Диана Диринг — это то же самое, что и Диана Дуглас?

— Я вам об этом не говорил, — заметил Мейсон.

— Но вам придется...

Наступило молчание.

— Зачем вам понадобился двойник? — поинтересовался второй офицер.

— Не собираюсь объяснять.

— Чтобы сотворить что-нибудь с Мори Касселем?

— Пока помолчу.

— Послушайте, если Диана Дуглас была вашей клиенткой, пожалуй, это совсем другое дело. Билл, как ты думаешь, а? — повернулся офицер к своему напарнику.

Тот лишь брезгливо сунул кредитную карточку в карман и вздохнул:

— Ну, теперь мы должны быть готовы.

Его товарищ обратился к Мейсону:

— Учтите, любая попытка с вашей стороны связаться с Дианой Дуглас будет расценена как враждебная, а вас посчитают соучастником.

— Подойдите к телефону, Стелла, и вызовите Диану Дуглас, — попросил Мейсон.

Однако офицер по имени Билл преградил ей путь к аппарату. Он сам поднял трубку и сказал оператору:

— Это срочный полицейский звонок. Немедленно соедините меня с полицейским управлением Сан-Франциско.

Через минуту офицер у телефона сказал:

— Беспокоит полиция Лос-Анджелеса, говорит Билл Ардли. Мы хотим, чтобы Диана Дуглас была вызвана на допрос. Она работает в компании "Эскобар импорт-экспорт". У нас имеется кредитная карточка на ее имя. Нам известно, что она проживала в Лос-Анджелесе, в отеле "Виллатсон", где зарегистрировалась как Диана Диринг. Допросите ее и потом известите нас. Нам интересуют, где ее кредитная карточка. Если она ее потеряла, то где, когда и при каких обстоятельствах. Мы в отеле "Виллатсон", в 767-м номере... Запомните мое имя — Билл Ардли. Помните меня? Я работал с вами год назад по делу Смита... Вот и лады. Постарайтесь связаться со мной поскорее.

Он повесил трубку и уселся, закинув ногу на ногу, на одном из стульев.

— Ну что ж, мой друг и в какой-то степени коллега, — сказал он, — теперь, полагаю, нам надо поговорить.

— А по-моему, нет, — возразил Мейсон.

— Нам такое вряд ли понравится, — заметил офицер как бы между прочим.

— Тогда я лучше уйду, — пожал плечами адвокат.

— О нет, хотя бы ненадолго останьтесь.

— Как это понимать? — поинтересовался Мейсон. — Вы хотите нас здесь задержать?

Офицер приветливо улыбнулся и кивнул.

— Это неразумно, держать под арестом меня и тем более эту молодую особу.

— Не принимайте случившееся так серьезно, — прервал адвоката офицер. — Я поступаю так для вашей же пользы.

— Кредитная карточка разве уличает убийцу? — спросил Мейсон.

— Мне бы хотелось знать, — невозмутимо продолжал офицер, — когда последний раз вы видели Диану Дуглас, о чем разговаривали и что ей советовали?

— Вы ведь знаете, я не вправе выдавать секреты своих клиентов.

— У вас нет такой профессиональной ответственности, — повернулся офицер к Стелле Гримес. — Вы частный детектив, у вас лицензия. Значит, должны сотрудничать с полицией. Почему вы отказались здесь?

Девушка нерешительно глянула на Мейсона.

— Он прав, — заявил юрист, — скажите ему.

— Мистер Мейсон через детективное агентство Дрейка попросил меня поселиться здесь под именем Дианы Диринг, и если кто-либо спросит меня, используя код 36-24-36, я должна отозваться.

— Кто-нибудь приходил? — спросил офицер.

И она снова вопросительно глянула на Мейсона. Тот кивнул.

— Приходил мужчина и вел себя довольно странно.

— В каком отношении?

— Как шантажист.

— И что вы ему сказали?

— Ничего. Говорил мистер Мейсон.

— О чем же?

— Не знаю, я уходила из номера. Получила сигнал действовать так, будто я любовница Мейсона, пришла на свидание в отель. Я поцеловала его и вышла.

— Оставили Мейсона и незнакомца одних?

— Да.

— Как выглядел тот мужчина?

— Человек лет тридцати, с черными гладкими волосами, холеный. Брюки тщательно выглажены, ботинки сверкают, ногти маникюрены.

Офицер нахмурился.

— Он как-нибудь назвался?

И снова девушка вопросительно глянула на адвоката.

— Мужчина сказал, что его зовут Касель.

— Я так и предполагал, — пробормотал офицер.

Несколько секунд длилось молчание.

Наконец полицейский заговорил.

— Итак, вы ушли из комнаты, оставив мужчин наедине?

— Да.

— Куда же вы пошли?

— Мистер Мейсон дал мне сигнал проследить за посетителем. Это не вызвало труда. Мой подопечный припарковал свой "кадиллак" прямо у входа в отель. Я села в такси, когда мужчина вышел и направился к своей машине. Потом попросила шофера следовать за "кадиллаком".

— И долго вы висели у него на хвосте?

— До мебелированных комнат Тальмейера.

— А что дальше?

— Я вернулась и доложила.

Офицер глянул на Мейсона.

— Надо сказать, вы действуете не очень-то красиво, мистер Мейсон.

— Я адвокат, и мой долг защищать клиентку. У меня нет информации, которая бы вас заинтересовала, и я не отвечаю за поступки этой девушки.

— Но, — заметил офицер, — у вас был номерной знак того автомобиля, не так ли?

— Я не обязан давать показания.

— И если выяснится, что вы передали информацию Диане Дуглас, будет очевидно, что знаменитый Мейсон проморгал убийство.

— Не собираюсь возражать, — снова заявил адвокат.

Офицер достал пачку сигарет, одну сигарету предложил Стелле, другую Мейсону и наконец своему товарищу полицейскому.

— Итак, на сегодняшний день убийство остается нераскрытым, — констатировал он.

Потом еще минут двадцать полицейские разговаривали между собой, пока не раздался телефонный звонок. Ардли взял трубку. Неожиданно по его лицу расплзлась улыбка.

— Отлично, — сказал он, потом повернулся к Мейсону:

— Вы и ваша помощница свободны как ветер. Идите куда хотите. Вашу Диану Дуглас задержали в Сан-Франциско.

II

Перри Мейсон с нетерпением поглядывал на часы, ожидая, когда же такси подкатит к его офису.

— Привет! — крикнула Делла, когда Мейсон влетел в комнату. — Почему такая спешка?

— От Дианы Дуглас что-нибудь слышно? — спросил Мейсон.

Секретарша отрицательно качнула головой.

— А кто-нибудь звонил из Сан-Франциско?

— Нет.

Мейсон поднял трубку и сказал телефонистке:

— Если позвонят из Сан-Франциско, сразу дайте знать.

Он откинулся на спинку стула и, глубоко вздохнув, заговорил:

— Если в течение пятнадцати минут ничего не будет слышно, мы сами позвоним в полицию Сан-Франциско и потребуем сведений.

— Что случилось?

— Они якобы арестовали Диану Дуглас.

— По поводу растраты?

— Скорее всего нет. И возможно, мне придется срочно лететь в Сан-Франциско. Ей скорее всего шлют обвинение в убийстве Мори Касселя.

— Что?! — воскликнула Делла.

— Вот именно. Кто-то забрался в квартиру Касселя, убил его и смылся.

— И полиция считает, что это была Диана Дуглас?

Мейсон кивнул.

— Когда все произошло?

— В этом-то и проблема. Полиция пытается доказать, что убийство совершено в четверг днем. Но тело нашли, возможно, лишь сегодня. Получается весьма занятная история.

Делла на секунду задумалась.

— Ваша клиентка должна была лететь с вами в шесть двадцать семь, но ее не оказалось, да?

Мейсон снова кивнул.

— Так вы думаете, что она могла... Нет, эта девушка совсем не такая.

— Вы так хорошо ее знаете?

— А у вас есть какие-нибудь сомнения на сей счет? — теперь уже спросила Делла.

Мейсон ненадолго задумался:

— В Сан-Франциско она сказала, что в аэропорту хотела расплатиться за билет кредитной карточкой, но ее не оказалось. Тогда она вспомнила, что я заказал на свое имя два билета, и воспользовалась одним из них.

— Значит, кредитки у нее уже не было, — уточнила Делла.

— Получается, что так, — подтвердил адвокат. — Ну а дальше два офицера из команды по расследованию убийств появились в отеле "Виллатсон" и засекли Стеллу Гримес. Они предъявили кредитку Дианы Дуглас и потребовали опознать ее.

— А она?

— Я оказался свидетелем всей сцены и велел ей держаться спокойно. Потом выясло, что мы слишком заигрались, думая, что дело касается только растраты. И когда всплыло убийство, Стелле пришлось открыться. Полицейские бросились звонить в Сан-Франциско, с тем чтобы Диана Дуглас была арестована.

— И вы ждете, что она вам позвонит?

Мейсон кивнул.

— Если она, следуя моим инструкциям, будет молчать, они привезут ее на допрос сюда.

— Итак, мы теперь влутаны в эту опасную игру? — спросила секретарша.

— Да, ничего не поделаешь, — сказал Мейсон. — Мы...

Его слова прервал телефонный звонок. Адвокат поднял трубку.

— Перри Мейсон у телефона, — проговорил он.

— Вы адвокат Дианы Дуглас, служащей компании "Эскобар импорт-экспорт"? — спросили его.

— Да.

— Она арестована и просит разрешения связаться с вами. Полиция Сан-Франциско дает ей такую возможность. Учтите, разговор будет прослушиваться.

— Все правильно, я согласен, — заявил Мейсон.

Через минуту в трубке послышался испуганный голосок Дианы.

— Мистер Мейсон, я не понимаю. Они обвиняют меня, говорят, будто я...

— Замолчите! — оборвал ее юрист. — Только слушайте.

— Да, мистер Мейсон.

— Они собираются обвинить вас в убийстве Мори Касселя. Вас должны доставить в Лос-Анджелес. Не говорите ни слова. На все вопросы отвечайте: "Никаких комментариев" — и добавляйте: "Все заявления только в присутствии моего адвоката Перри Мейсона".

— Я постараюсь.

— А теперь позовите к телефону офицера полиции, — попросил Мейсон.

Полицейский тотчас же взял трубку.

— Я, адвокат Дианы Дуглас, дал ей указания говорить только в моем присутствии. Требую, чтобы меня известили, когда она прибудет в Лос-Анджелес.

— Возможно, мы не согласимся с вами, — перебил его офицер. — Есть реальная причина, чтобы ей не ехать в Лос-Анджелес. При условии, что она сможет разъяснить нам некоторые обстоятельства дела. Я уверен, что такая приятная молодая особа, которой при-

шлось в последнее время столько вытерпеть, будет сразу отпущена.

— Конечно, такой поступок с вашей стороны очень похвален, — заметил Мейсон. — И все-таки прошу и даже требую задавать вопросы Диане только при мне. Иначе любой допрос мисс Дуглас буду считать нарушением ее конституционных прав. Думаю, вам понятна ситуация.

— Ну хорошо, как ее адвокат вы сможете сами кое-что объяснить? — спросил офицер.

— Ничего вам не отвечу, — заявил Мейсон.

— Вы знаете, — тем не менее продолжал полицейский, — может быть, когда девушка впервые пришла к вам, ее кредитная карточка уже была потеряна.

Мейсон засмеялся в трубку.

— Над чем вы так потешаетесь? — поинтересовались на другом конце провода.

— Над вами, — ответил адвокат и повесил трубку.

12

Диана с полными слез глазами встретилась с Мейсоном в комнате для свиданий.

— У вас здесь были какие-то неприятности с полицией? — спросил он.

— Нет, они добры ко мне, — ответила девушка. — По-моему, нет ничего плохого, если я им кое-что объясню, не так ли, мистер Мейсон?

— Что, например?

— Ну, о найденных деньгах, об Эдгаре, о том, почему я дала объявление в газету, и...

— И на каком месте вы собираетесь прекратить откровенничать? — поинтересовался Мейсон.

— Не знаю. А вы хотите, чтобы я помалкивала?

— Конечно, — заявил адвокат. — Вам не удастся говорить о себе правду на электрическом стуле. Лучше остановитесь, пока на него не попали. Беда, что вы не знаете, в какой момент закрыть рот.

— Да, — согласилась она, — я пони-

маю, но они были так добры, сочувствовали мне и...

— Уверен, — проговорил Мейсон, — их доброта обманчива. Они очень обходительны, изображают из себя джентльменов. Потом, если это не сработает, применяют другую тактику: становятся злыми и жесткими. Таким манером им удастся скорее разоблачить преступника. Если кто-то хочет говорить, они охотно слушают. И иногда невинный, не зная, что от него хотят, невольно наговаривает на себя.

— Но я-то знаю, — сказала она.

— Неужели?

— Да.

— Например, кто убил Мори Касселя?

При этом вопросе она вздрогнула.

— Вы?

— Нет.

— Послушайте, Диана, я единственный, с кем вы можете быть откровенной. Мой долг — защищать вас. Помните, мы должны были встретиться в шесть двадцать семь в салоне самолета, в четверг. Но вас там не было. А на следующее утро вы рассказали мне историю, будто кто-то преследовал вас и напугал. Когда наконец добрались до аэропорта, самолет уже улетел. В действительности вы даже не пытались сесть в него. Все ваши рассказы — сплошное вранье, чтобы скрыть, где вы были на самом деле. Я сообщил вам, что шантажистом был Мори Кассель, и назвал его адрес. Но вы побоялись, что я не заплачу ему деньги и не выполню волю вашего брата. Поэтому взяли такси и поехали в меблированные комнаты Тальмейера. Когда были там, что-то случилось. Вы открыли сумочку, возможно, доставая револьвер или деньги, и уронили свою кредитную карточку. Впопыхах этого не заметили. Потом вы направились в аэропорт и хотели купить билет до Сан-Франциско. Тут-то вы и обнаружили, что потеряли кредитку. Теперь у полиции есть вещественное доказательство против вас.

Она отрицательно качнула головой.

— Да, они все могут, — сказал Мей-

сон, — полиция невероятно умна. Будут упрямо копать, расследуя дело. Найдут шофера такси, который вез вас до комнат Тальмейера.

Внезапно у Дианы перехватило дыхание. А адвокат продолжал:

— Вы сглупили, доехав на такси прямо до подъезда, даже не пытались скрыть следов, да?

— Я ужасно спешила, — сказала она, — хотела повидаться с ним и успеть на самолет. Думала, у меня достаточно времени, чтобы заскочить к нему и, если...

— Другими словами, вы намеревались заплатить ему пятьдесят тысяч и закончить дело, выручить своего брата из беды.

— Ну да...

— Почему же вышло иначе? — спросил Мейсон.

— Потому что он был мертв.

— Продолжайте, — потребовал юрист.

— Я вошла в дом. Это обычные, как в отеле, комнаты. Привратник в тот момент был занят, паркуя чью-то машину, и я проскользнула мимо него в лифт. На девятом этаже нашла комнату 906, постучала. Мне никто не ответил, и тут я заметила, что дверь не заперта. Я отворила ее и...

— Подождите минутку, — остановил ее Мейсон. — На вас были перчатки?

— Нет.

— Продолжайте, — вздохнул адвокат.

— Вошла в комнату, и сначала мне показалось, что в ней вообще никого нет. "Кто-нибудь есть?" — спросила я и тут увидела мужчину, лежащего на спине, там, в кровати. О, мистер Мейсон, это было страшно... Все пропиталось кровью и...

— Он был мертв? — спросил Мейсон.

Девушка кивнула.

— Как вы узнали?

— Дотронулась до руки, она была ледяной.

— Что сделали потом?

— Убежала.

— Нет, все было не так, — сказал Мейсон. — Вы открыли сумочку. Зачем?

— Боже мой, не знаю, мистер Мей-

сон. Я... возможно, чтобы вынуть пла-ток. Не могу объяснить... Меня чуть не стошнило.

— Вы безобразница, врунишка, — не вытерпел Мейсон. — Мне хочется схватить вас за плечи и встрясти из вас всю правду. Почему открыли сумочку?

— Я уже сказала вам, мистер Мейсон. Это правда.

— Вам надо было вынуть револьвер или спрятать его? Что же было на самом деле?

Диана обиженно глянула на него.

— Вы всегда устраиваете мне допросы!

— Потому что вы постоянно пытаетесь меня обмануть, — рассердился Мейсон. — Так что же все-таки было?

— Подобрала револьвер, — выдавила она наконец.

— Вот так-то лучше, — заметил адвокат. — Для чего вы взяли револьвер?

— Он принадлежал Эдгару.

— Откуда вам это известно?

— Я знала, что он всегда носил его, когда ходил на рыбалку или за змеями. У него полированная деревянная рукоятка, маленький кусочек отколот и... Мистер Мейсон, это был револьвер Эдгара. Я сразу узнала его, когда увидела. Брат хотел научить меня стрелять. И я сотни раз стреляла.

— Поэтому подняли револьвер и положили в сумочку? — спросил адвокат.

Девушка кивнула.

— И что потом?

— На цыпочках вышла из комнаты.

— А что сделали с оружием?

— Никто его никогда не найдет. Можете быть спокойны.

— Полиции он не нужен, — сказал адвокат.

— Почему это?

— На каждой пуле остаются характерные отличительные бороздки или царапинки. Если пуля, которой убили Касселя, не деформировалась от удара и полиция найдет мишень, где ваш брат практиковался в стрельбе, легко доказать, что убийство совершили из револьвера Эдгара. Тут вовсе не нужно иметь само оружие.

Девушка смутилась.

— Вы говорите, что стреляли десятками раз. А что было мишенью?

— Эдгар сделал ее из куска пробкового дерева и держал обычно в багажнике машины.

— Он был хороший стрелок?

— Великолепный. И меня постоянно тренировал, поэтому и я хорошо стреляю. Он считал, что женщины должны уметь защитить себя.

— У вас нет собственного оружия?

— Нет.

— Я хочу быть в этом уверен, — заявил Мейсон. — И вы никогда не хотели купить какой-либо пистолет?

Она отрицательно качнула головой.

— И никто не давал, не дарил вам оружия?

— Нет.

Мейсон некоторое время молчал.

— Не думаю, что вам надо об этом волноваться, мистер Мейсон. Они никогда его не найдут. Хотите, чтобы я рассказала, что сделала с ним, почему на этот счет спокойна и...

Адвокат поднял руку.

— Помолчите лучше. Не говорите об этом мне и не рассказывайте никому.

— Но вы ведь будете держать все в тайне, не так ли?

— Некоторые ваши объяснения могут сделать из меня соучастника. Поэтому не хочу знать, где револьвер. И ни к чему сообщать, что вы видели его на той квартире. Знаете пословицу: "Ешь пирог с грибами и держи язык за зубами"?

Диана кивнула.

— Где машина брата сейчас? — спросил Мейсон.

— После аварии она разбита и, наверное, была отбуксирована полицией. — Видели автомобиль после аварии?

— Нет.

— Мишень могла быть там?

— Да.

Снова задумавшись, Мейсон замолчал. И вдруг быстро вскочил.

— Послушайте, Диана, ваша защита зависит от того, сумеете ли вы помалкивать. Вы и так уже пренебрегли всеми моими советами, поступали, как считали нужным, и оказались в мышеловке.

— Но мне необходимо было видеть Касселя! — всхлипнула она. — Разве вы не понимаете, мистер Мейсон?

— Я не хотел, чтобы вы боролись с этим человеком. Ваши планы сопряжены со слишком большим риском. Заплатив шантажисту, вы от него никогда не избавитесь. Наоборот, его аппетиты возрастут. Пройдет несколько недель или даже месяцев, и он снова объявится. Он рассчитывает на свою жертву, как на капитал в банке.

Диана качнула головой.

— Но вы не знаете, что он хотел, что его связывало с Эдгаром. Расплатившись, я, может, получила бы какие-нибудь негативы или фотографии.

— Когда верите на слово шантажисту, значит, надеетесь на его честность, что весьма опасно само по себе.

Адвокат нажал кнопку звонка, оповещая, что свидание закончено.

— А что будет со мной? — еле слышно пролепетала Диана.

— Это зависит от многих вещей. Но могу сказать вам одно: если начнете говорить, оправдываться, объяснять свои поступки, будете откровенничать с полицией, тогда вам прямой путь в тюрьму, и надолго, — заключил Мейсон.

— Меня не могут взять на поруки?

Мейсон отрицательно качнул головой.

Охранник открыл дверь.

— Свидание окончено.

Мейсон повернулся и ободряюще помахал рукой Диане Дуглас.

13

Возвратившись в офис, Мейсон послал за Полом Дрейком.

— Как дела? — поинтересовалась Делла Стрит.

— Все достаточно глупо! — ответил он.

— Что Диана делает теперь?

— Обманывает меня. Действует на свой страх и риск, пренебрегая моими советами. Пока осталась в тюрьме, но надеется с помощью своих уловок выйти оттуда.

Дрейк стукнул в дверь, и Мейсон попросил Деллу отворить.

— Что на этот раз? — спросил Дрейк.

— Боюсь, — проговорил Мейсон, — наступил конец твоей спокойной жизни, опять придется караулить, следить и есть всухомятку.

— Из-за чего теперь? — вздохнул Дрейк.

— Из-за Дианы Дуглас, — сердито буркнул Мейсон.

— Что она натворила?

— Не знаю, — с досадой бросил адвокат.

— Ну если уж вы не знаете, тогда кто же знает? — возразил Пол.

— Могу сказать, что думает о ней полиция: эта девушка пошла в меблированные комнаты Тальмейера в четверг днем, поднялась на девятый этаж и беседовала там с Мори Касселем. Тем самым, который пытался шантажировать ее или ее брата.

— И она расплатилась? — поинтересовался Дрейк.

— Да, из револьвера двадцать второго калибра.

— Они опознали пули? — деловито спросил Дрейк.

— Возможно.

— Сколько было выстрелов?

— По-моему, хватило одного, — сказал Мейсон.

— И как полиция пристегивает к этому револьверу и выстрелу вашу клиентку?

— Полиция утверждает, что когда маленькая мисс притворщица открыла сумочку и вытащила оттуда револьвер, она нечаянно выронила свою кредитную карточку.

— А полиция ее подобрала?

— Конечно.

— Дело плохо, — заключил Дрейк. — А девушка, конечно, утверждает, что ее выстрел был самозащитой?

— Она ничего не заявляет, просто молчит.

— Кто-нибудь видел, как Диана входила в меблированные комнаты?

— Этого не знаю. Когда она возвращалась, ее могли засечь и доложить. А я излагаю только точку зрения полиции,

которая утверждает, будто ее кредитка случайно выпала из сумочки.

Дрейк внимательно глянул на адвоката:

— И вы хотите, чтобы я влез в расследование полиции?

— Мне нужно, чтобы ты расследовал все, касающееся этого дела, Пол. Конечно, надо побольше выведать о жертве, Мори Касселе.

— Личные привычки? Дружеские контакты? — поинтересовался Дрейк.

— Все, что возможно. Пол, мне показалось, что он проходимец. Человек, который поднимался вверх, используя связи с женщинами. Теперь мне и самому хочется найти одну из его пассий.

— Думаете, была только одна? — спросил Дрейк.

— Ну, будем говорить о женщинах вообще, — заметил адвокат. — Едва ли здесь была только одна. И постарайтесь выведать что-нибудь для меня у полиции.

— Сколько на все про все времени?

— Мало. Очень мало.

— А денюжки? — Дрейк выразительно щелкнул пальцами.

— Думаю, смогу получить оплату от моей клиентки и разделить с тобой. Но если что, все возьму на себя.

Дрейк удивленно приподнял брови.

— Этот случай кровно меня задел, Пол: с самого начала я дал клиентке неверный совет, — объяснил адвокат.

— Забудьте это. Вы никогда не делали преднамеренных ошибок.

— Моя оплошность не в отклонении от статьи закона, а чисто психологическая. Понимая, что девушка могла пренебречь советами адвоката и действовать на свой страх и риск, я позволил ей выйти из моего поля зрения в самый критический момент.

— Когда это было? — спросил Дрейк.

— Трудно утверждать, — заметил Мейсон, — возможно, в то время, когда Мори Кассель и был убит.

— Ладненько, — проговорил Дрейк, тяжеловадно поднимаясь, — простим вам на этот раз промашку и отправимся работать, Перри.

14

Судья Чарльз Джерай Эллиот обратился к сидящим в зале:

— Сегодня состоится предварительное слушание дела против Дианы Дуглас, обвиняемой в убийстве некоего Мори Касселя. Адвокат присутствует в суде?

Мейсон поднялся:

— Я представляю защиту, если суд не против.

Судья Эллиот кивнул.

— А прокурор?

Ральф Гурлок Флойд встал:

— Я буду осуществлять обвинение, ваша честь.

— Очень хорошо, — проговорил судья Эллиот. — Теперь я могу слышать мнения как обвинителя, так и защитника.

Прокурор Ральф Гурлок Флойд, преданный своему делу обвинитель, гордился внушительным списком обвиняемых, которых он довел до электрического стула. Его первой свидетельницей была горничная меблированных комнат.

— Вы, — спросил он, — знали в повседневной жизни Мори Касселя?

— Да.

— Когда вы видели его последний раз?

— Во вторник, десятого числа этого месяца.

— В какое время?

— Около четырех дня.

— А позднее?

— Уже мертвым, вечером в воскресенье, пятнадцатого.

— Что вы сделали, увидев мертвеца?

— Заявила управляющему, а он — полиции.

— Перекрестный допрос, — буркнул Флойд.

— Нет вопросов, — заявил Мейсон.

В качестве свидетеля был вызван офицер полиции, потом помощник следователя. Был представлен чертеж положения тела на кровати в девять часов вечера в воскресенье, пятнадцатого, когда труп был обнаружен.

Следующим Флойд вызвал офицера полиции, проводившего обыск в квар-

тире и представившего основные улики.

— Что вы нашли?

— Я наткнулся на кредитную карточку, принадлежащую Диане Дуглас из Сан-Франциско.

— Что вы сделали с карточкой?

— Взял ее для идентификации.

— Вот кредитки этого банка. Видели ли вы их раньше?

— Та была такая же.

— Перекрестный допрос, — сказал Флойд.

— Нет вопросов, — бодро объявил Мейсон.

Флойд внимательно на него глянул и положил на стол перед судьей изображение отпечатков пальцев, найденных в квартире. Некоторые из них принадлежали убитому, другие горничной, убравшей комнаты дважды в неделю.

— Есть ли еще отпечатки? — поинтересовался судья.

— Да, только мы не могли их опознать, — ответил полицейский.

— Где они обнаружены?

— В ванной на зеркальной поверхности аптечки и на туалетном столике рядом с кроватью пострадавшего.

— Что еще нашли в ванной?

— Полотенце со следами крови и второе, грязное, которым кто-то, очевидно, пользовался.

— Протестую против заключения свидетеля, — подняв руку, заявил Мейсон.

— А я поддерживаю! — рявкнул судья Эллиот.

— Окровлавленное полотенце здесь есть? — спросил прокурор.

— Да, сэр.

— Покажите, пожалуйста.

Из бумажного пакета достали полотенце со следами крови. На уголке его было вышито "Тальмейер Апартамент".

— Мы предлагаем представить его как вещественное доказательство под грифом "Б", — сказал Флойд.

— Не возражаю, — объявил Мейсон.

— Отпечатки сфотографировали? — спросил Флойд.

— Да.

— Покажите их, пожалуйста, и присо-

едините к вещественным доказательствам.

Прокурор продемонстрировал все фотографии, показав труп на кровати, следы крови, выпачкавшей подушку, пол и прикроватный коврик.

Судебный медик тоже выступил в качестве свидетеля. Он заявил, что пуля, выпущенная, по-видимому, из ствола двадцать второго калибра, пробила лоб двумя дюймами выше глаз и вышла через затылок.

— Когда наступила смерть? — спросил прокурор.

— По-моему, это случилось где-то между двумя часами дня в четверг двенадцатого и пятью часами утра в субботу четырнадцатого.

— Смерть наступила мгновенно?

— По-моему, нет. Хотя сознание он потерял сразу после выстрела. Возможно, он не двигался. Но сердце продолжало нагнетать кровь в мозг, поэтому началось кровоизлияние. В результате в течение 10-15 минут наступила смерть.

— Что вы сделали с пулей?

— Отнес ее экспертам-баллистикам, которые тоже здесь в качестве свидетелей.

— Можете ли точно сказать, из какого оружия была выпущена пуля?

— Определенности пока нет, но мы думаем, что револьвер был с удлиненным стволом, потому что...

— Создается впечатление, что свидетель излишне подозрителен, — заявил Мейсон.

— Переходите к фактам, свидетель, — заключил судья Эллиот.

— Очень хорошо, — с победной улыбкой сказал Флойд. — Давайте на минутку отставим данного свидетеля, а пригласим другого, а потом продолжим с ним. Я вызываю мисс Смит.

Поднялась аккуратно одетая молодая особа лет тридцати.

— Чем вы занимаетесь?

— Я работаю кассиршей в аэропорту Лос-Анджелеса.

— Прошу посмотреть на обвиняемую и сказать, видели ли вы ее когда-либо раньше?

— Да, сэр.

— Где?

— Около кассы вечером в четверг, двенадцатого.

— Когда это было?

— Точно в шесть сорок вечера.

— Вы с ней разговаривали?

— Да.

— О чем же велась беседа?

— Она была очень взволнованна, надеялась попасть на самолет, а он улетел пять минут назад. Ей предстояло ждать час двадцать минут до следующего рейса.

— Что она делала?

— Попросила билет до Сан-Франциско.

— А потом? — спросил в своей обескураживающей манере Флойд.

— Она достала небольшую сумочку вроде косметички и сказала: "Я расплачусь кредиткой". Девушка подняла сумочку так, что я смогла увидеть содержимое, а потом неожиданно опустила.

— Вы сказали — неожиданно, почему?

— У нее там лежал револьвер.

— Какой по виду?

— С длинным дулом и деревянной рукояткой.

— Что произошло потом?

— Девушка прикрыла сумочку рукой, опустила ниже окошка кассы и сказала: "О, я, кажется, потеряла кредитку". Потом она с минуту подумала и продолжила: "Мистер Мейсон, адвокат, должен был оставить для меня билет". Я ответила, что мистер Мейсон действительно заказывал два билета, которые значатся в его карточке. Один из них он уже взял, а другой предназначен для Дианы Дуглас. На ее лице выразилось удовлетворение. "Я Диана Дуглас, — сказала она, — дайте, пожалуйста, оставленный мне билет".

— Итак, вы отдали ей билет?

— Да.

— Что было дальше?

— Потом она отошла, а я все смотрела на ее сумочку. Револьвер был в ней, чувствовалось, что он едва помещался и...

Судья Эллиот заговорил, поколебавшись:

— Свидетельница говорит, что предмет в сумочке был такой длинный, что изменил ее форму. Перекрестный допрос.

— Вы смогли бы узнать подзащитную из группы похожих девушек? — поинтересовался Мейсон.

— Думаю, нет.

— Вы не видели ее больше с тех пор, как разговаривали с ней у билетной кассы. Например, сегодня до суда?

— Я узнала ее только по фотографии.

— Хотя не отличили бы от других, чем-то похожих?

— Наверное, нет.

— У меня все, — заключил Мейсон.

Флойд вызвал следующего свидетеля. Это был рабочий, прибиравшийся в самолетах компании.

— Вам знаком самолет, вылетевший из аэропорта Лос-Анджелеса в восемь вечера в четверг двенадцатого и прибывший в Сан-Франциско через час или около этого?

— Да, сэр.

— Вы убирались в том самолете?

— Да, сэр.

— Нашли в нем что-нибудь необычное?

— Вот именно.

— Что же?

— Револьвер.

— Где его нашли?

— Под кучей полотенец в туалете. Обычно их сваливают в контейнеры и время от времени увозят. Но на этот раз я хотел опломбировать один из них, и поэтому пришлось перебирать полотенца руками. Тут я и наткнулся на револьвер и сразу же отнес его в полицию.

— Что же выяснилось?

— Это был револьвер 22 калибра с длинным стволом и деревянной рукояткой. На рукоятке вырезаны инициалы "Э.Д."

— Я сейчас вам покажу оружие и спрошу, этот ли револьвер вы нашли.

Флойд шагнул вперед и передал свидетелю револьвер.

Рука Дианы с такой силой впилась в ногу Мейсона, что он с трудом смог от нее освободиться. Лицо девушки на-

пряглось, губы сжались, а щеки побелели.

Свидетель повертел в руках оружие и заявил:

— Тот самый револьвер.

— В каком состоянии находилось оружие, когда вы его обнаружили?

— Оно было заряжено, в барабане не хватало лишь одного патрона.

— Перекрестный допрос, — провозгласил Флойд.

— Вам известно, сколько времени револьвер лежал без употребления? — спросил Мейсон.

— Нет, сэр. Я только знаю, когда нашел его, вот и все.

— Благодарю, — сказал адвокат, — больше нет вопросов.

Флойд сообщил, что револьвер был продан Эдгару Дугласу пять лет тому назад.

Следующей свидетельницей была стюардесса восьмичасового рейса на Сан-Франциско в четверг двенадцатого. Она заметила Диану среди других пассажиров и при посадке обратила внимание на необычную форму ее сумки. Отправляясь в туалет, девушка взяла сумку с собой, что показалось стюардессе странным. Больше она, правда, ничего приписать не могла. Потом Флойд вытасил “козырного” свидетеля — эксперта по баллистике, который заявил, что смертоносная пуля вылетела из оружия, принадлежавшего Эдгару Дугласу.

За экспертом последовал хозяин меблированных комнат в Сан-Франциско. Он сообщил, что как только Эдгар Дуглас попал в аварию и оказался в больнице, его сестре, подзащитной, был отдан ключ от квартиры брата. Дальше Флойд пригласил привратника меблированных комнат Тальмейера. Он не видел, как девушка входила, но заметил, что когда выходила, несла большую сумку и черную сумочку вроде косметички, растянутую изнутри каким-то длинным предметом.

Флойд представил сумочку, которая тут же была опознана привратником.

Наконец судья Эллиот посмотрел на часы и кашлянул.

— Джентльмены, близится перерыв, и

мне кажется нецелесообразным продолжать опрос свидетелей. Одно несомненно — преступление было совершено. Есть много доказательств, связывающих обвиняемую с этим преступлением.

— Обвинение прекрасно осведомлено о репутации защиты, поэтому не хочет оставлять никаких лазеек, — заметил Флойд.

— По-моему, вы и не даете таких возможностей, — улыбаясь, заметил судья. — Думаю, джентльмены, мы можем отложить слушание дела и объявить об этом обвиняемой.

Мейсон поднялся.

— Если суд не возражает, — сказал он уважительно, но твердо, — защита может предложить кое-какие показания.

— Зачем? — спросил судья.

— Затем, что, я полагаю, это наше право.

— Это верно. Вы можете вызвать в суд свидетелей. Но суд их заявления не будет считать безусловными, могут возникнуть сомнения. Впрочем, вы можете быть уверены: все обязательные юридические процедуры будут выполнены.

— Дело в том, что обвиняемой пока не дали слова для оправдания.

— Правильно, все правильно, — нетерпеливо сказал судья. — Мы продолжим работу завтра утром. Но я хочу предупредить адвоката, что у нас есть определенные сроки, и суд не потерпит излишнего затягивания дела. Итак, слушание откладывается до завтрашнего утра.

Мейсон подбадривающе протянул руку и коснулся плеча девушки.

— Держите язык за зубами, Диана.

— Они собираются передать мое дело в Верховный суд?

— По-видимому, — сказал Мейсон, — но я намерен узнать как можно больше обо всех обстоятельствах, прежде чем все будет решено.

— А что будет, когда дело передадут в Верховный? — поинтересовалась Диана.

— Возможно, там люди не будут так самоуверенны.

Мейсон наклонился к самому уху девушки и шепотом спросил:

— Где вы взяли этот револьвер?

— Ну я же вам уже говорила, мистер Мейсон: он, окровавленный, лежал на полу. Я подняла его, в ванной смыла кровь и положила в сумочку. Потом поняла, что так поступила зря. Тем более что в тот момент потеряла кредитку.

— Вы спрятали его в самолете?

— Да. Вытащив гору полотенец, сунула под них этот злосчастный револьвер и надеялась, что его никто не найдет.

— Расскажите мне о девушках, служащих в вашем офисе в Сан-Франциско, — попросил адвокат. — Предполагаете, кто из них мог написать мне записку?

— Да любая.

— Записка напечатана на электрической машинке.

— А у нас все только такие, — сказала Диана.

— Хорошо, — заключил адвокат, — и дальше не раскрывайте рта. Увидимся утром.

Он собрал свои бумаги и вышел из зала суда.

15

Перри Мейсон, Делла Стрит и Пол Дрейк стояли вокруг столика в баре неподалеку от здания суда.

— Ну, — заметил Дрейк, — судя по услышанному, судья уже все для себя решил.

Мейсон согласно кивнул.

— А ты что думаешь об этом, Пол?

— По-моему, далеко не все так гладко: у них только обрывочная информация. Не повредили бы они вам... Тем более вы сами говорили, будто ваша клиентка отчаянная врунья.

— И так и не так, — проговорил Мейсон. — Сначала она многое придумывала, так как хотела этим спасти брата, его репутацию. Она считала, что он что-то скрывал от нее. А если брат отдаст пятьдесят тысяч долларов, все исправится, поэтому девушка намеревалась выполнить его желание. Она действовала независимо от моих советов, пыталась даже меня обмануть. Однако, когда все обернулось слишком серьез-

но, ей уже было не до обмана. По крайней мере, я так думаю. Долг адвоката — помогать своему клиенту, надеясь, что он говорит только правду.

— На этот раз она явно врет, Перри. Ваша клиентка хотела его подкупить и не смогла, поэтому убила, — заявил Дрейк.

— Что ты еще обнаружил? — спросил Мейсон.

— Что касается Мори Касселя, вы, возможно, правы. Человек этот жил скрытно: никто не знает подлинных источников его доходов и каковы они. И еще, он всегда носил оружие. Под мышкой у него был удобно пристроен револьвер 38-го калибра. Одевался у одного и того же портного, который шил ему пиджаки так, чтобы спрятанный револьвер не бросался в глаза.

— Два очка в твою пользу! — воскликнул Мейсон.

Дрейк кивнул.

— И оружие было на нем, когда нашли тело?

— Должно быть, так, — сказал Дрейк. Глаза Мейсона сузились.

— А что же, интересно, полиция описала все в комнате, показала тело, лежащее в одежде на постели с пулевой дырой во лбу, кровь на подушке и на полу, но умолчала о револьвере?

— Разве вы их спрашивали? — поинтересовался Дрейк.

Мейсон ухмыльнулся.

— Разумеется, нет. О револьвере не спрашивал, однако о карманах и о комнате да... Каковы же все-таки источники его доходов, Пол?

Дрейк пожал плечами.

— Этот парень всегда платил наличными. На нем был пояс с деньгами, а в нем четыре тысячи долларов. У него был кожаный бумажник, набитый стодолларовыми купюрами, а счета в банке не имелось. Он и за свой "кадиллак" заплатил чистоганом.

— Женщины? — спросил Мейсон.

— Время от времени появлялись.

— Одна и та же или разные?

— Разные.

— Вы что-нибудь выудили из записки, которую мне передали в Сан-Франциско?

— Напечатана на электрической машинке, — сказал Дрейк. — Там все машинистки работают на таких, но эта записка особенная. Насколько я разбираюсь, ее отстучала Джойс Баффин. К вашему сведению, Перри, Джойс Баффин в тот самый четверг ушла из офиса в полдень, сославшись на сильную головную боль. Однако в пятницу утром она вышла на работу. Надо сказать, эта Джойс пользовалась успехом у многих, очень дружила с Эдгаром Дугласом. Он просто терял от нее голову. И не он один. Франклин Гейг, вдовец, его племянник Гомер Гейг, который хорошо разбирается в женщинах, были также не прочь приударить за ней.

Мейсон потягивал коктейль, обдумывая информацию, а Дрейк продолжал:

— У меня есть еще кое-что. Беседуя с телефонисткой в меблированных комнатах Тальмейера, я узнал, что Мори Касселю много звонили по местному номеру, связанному с некоей Иреной Блотгет, двадцати семи лет, блондинкой, в настоящий момент незамужней, нанятой служить в дневные часы компанией "Ундервуд Имирувинг". По ночам она где-то шляется, по-видимому, занимается проституцией или еще чем-то сомнительным. Но внешне изысканная, весьма хороша собой. Говорят, ее фигура просто классическая. Я поручил проследить за ней своим детективам, однако эта особа кем-то надежно прикрыта. Удалось лишь узнать — компания, где она служит, имеет какие-то дела с "Эскобар импорт-экспорт".

Делла Стрит внимательно глянула на Мейсона.

— У вас есть какие-нибудь соображения, шеф?

— Да, о классической фигуре, — проговорил Мейсон. — И еще, когда наступила смерть, Кассель стоял у кровати или сидел на краю. Его убили выстрелом в лоб из большого револьвера. Убийца должен был находиться к нему лицом.

— Ну и? — спросил Дрейк. — Что же здесь странного? Диана Дуглас решила к нему зайти. Она позвонила, и Кассель пригласил ее. Девушка пыталась с ним сторговаться, но скоро поняла, что

попытка бессмысленна: этот страшный шантажист никогда не оставит их в покое. Тогда она решила защитить себя и брата.

Мейсон отставил коктейль, уставившись на жидкость в стакане, который придерживал большим и указательным пальцами.

— Ты сам-то был в квартире Касселя? — спросил он детектива.

— Конечно, правда, уже после полиции. Казалось, они толклись в квартире целую вечность. Подробно обследовали все отпечатки пальцев, кровавые пятна и все прочее.

— А как насчет его гардероба? Полагаю, основательно покопались в одежде покойного?

— Работенки хватило, — согласился Дрейк. — В квартире несколько ящиков с барахлом. Одних сорочек куча, а монограммы даже на нижнем белье.

— С его портным переговорили?

— Конечно. Как раз портной и сказал мне, что Кассель всегда платил ему наличными, менял костюмы чуть ли не каждый месяц, был очень брезглив и привередлив. Одежда на нем сидела так, что никто бы в жизни не заподозрил, что у него под мышкой пистолет. Портной разговаривал со мной очень дружески. Заявил, например, будто всегда подозревал, что Кассель — гангстер или что-то в этом роде. Но, конечно, помалкивал: портного это не касается. Наоборот, ему очень нравилось получать наличными...

— А что скажешь о верхней одежде? — спросил Мейсон. — Ее шил тот же портной?

— Вот именно, один человек! За исключением единственного пальто, валившегося в кладовке. Им потом и накрыли тело.

— Откуда ты это знаешь?

— От портного, он опознавал все вещи. К тому же на том пальто были отпорты бирки на шее и внутреннем кармане.

— Черт подери, Пол! А кто же его шил?

— Откуда я знаю, — пожал плечами Дрейк. — Тело анатомировал в медчасти судебный медик. Я не мог

туда пройти и рассмотреть пальто тщательнее... Кассель, видимо, не носил его с прошлой весны. И всю неделю до убийства стояла жара... Вообще-то, какое значение имеет это пальто?

Мейсон довольно долго молчал, а потом резко изменил тему разговора.

— У тебя есть телефоны сотрудников компании “Эскобар импорт-экспорт”?

Дрейк кивнул.

Мейсон отошел к телефонному аппарату и тут же связался с телефонисткой:

— Хочу по этому номеру переговорить с Франклином Гейгом из Сан-Франциско, — заявил он. — Буду говорить только с ним и ни с кем другим, если его нет.

Через минуту в трубке послышался учтивый голос Франклина Гейга.

— Говорит Перри Мейсон, адвокат. Я обращался к вам по поводу Дианы Дуглас, которая работала у вас...

— Понятно, — вежливо согласился Гейг. — Что вам нужно?

— В вашей компании прошла ревизия?

— Да, она уже закончилась.

— И что же она показала?

— Недостачу в сто тысяч долларов, — сказал Гейг.

— А вам не хотелось бы сделать что-нибудь, чтобы предотвратить несправедливость, мистер Гейг?

— Как это?

— Мне необходимо, чтобы Джойс Баффин была завтра утром в суде, где слушается дело Дианы Дуглас.

— Ну, конечно, если вы оплатите ей дорогу туда и обратно, — сказал Гейг. — Я разрешу ей отсутствовать на службе.

— Это не все, — заметил Мейсон. — Она может не захотеть приехать.

— Но я же не могу заставить ее силой!

— Эта девушка у вас уже давно работает?

— Да, у нас все секретарши очень опытные. Мы не держим летунов, мистер Мейсон. Наше дело очень сложное, и если мы обучаем девушек секретарской работе, то стараемся их не отпускать.

— Я позвонил вам, мистер Гейг, по очень важному делу. Нам просто необходимо, чтобы Джойс Баффин приехала. Не могу пока объяснить вам, насколько это жизненно важно. Намереваюсь попросить, чтобы вы и ваш племянник Гомер приехали на суд в Лос-Анджелес и чтобы связались с Джойс Баффин и объяснили ей, как обязателен ее приезд.

— Мы должны приехать все трое?! — воскликнул Гейг.

— Именно так, — подтвердил Мейсон. — Надеюсь, вы убедите ее приехать и не откажетесь сами. Вы и ваш племянник на месте определите, как помочь Диане Дуглас...

— Если она виновна, значит, не может быть и речи о какой-либо помощи, — резко прервал его Гейг.

— А если невиновна? За время работы вы могли ее изучить и понять, способна ли Диана совершить убийство.

— Ну, конечно, — согласился Гейг, — хотя чего человек не сделает, когда приспичит. Она всегда вставала на защиту брата, но... Вы думаете, что это действительно так уж серьезно, мистер Мейсон?

— Это в высшей степени важно, жизненно необходимо, — сказал адвокат.

На некоторое время в трубке воцарилось молчание.

— Если вы выполните то, что я прошу, как я прошу, некоторые вопросы отпадут сами собой, — добавил Мейсон.

— Какие вопросы?

— О компании “Эскобар импорт-экспорт”, о природе ее бизнеса, о больших суммах наличными, которые могут находиться на руках сотрудников и обо всем остальном, известном вам лучше меня.

— Очень хорошо, — быстро сказал Гейг, — если дела компании помогут вашей клиентке, Гомер и я сделаем все возможное, чтобы убедить Джойс поехать с нами. Надеюсь, нам повезет... Где и когда мы встретимся с вами?

— По прилете позвоните в детективное агентство Пола Дрейка. Он тут же вышлет машину, которая привезет вас

к зданию суда. А там, как полагается, вы дадите показания и посидите в суде.

— Агентство Пола Дрейка? — переспросил Гейг.

— Да, — сказал Мейсон и дал ему номер телефона. — Могу я рассчитывать на вас? — поинтересовался адвокат.

— Я дал слово, — с достоинством заверил его Франклин Гейг.

— Мне этого вполне достаточно, — заметил Мейсон и, попрощавшись, повесил трубку.

— Ну что там еще? — буркнул Дрейк. А Мейсон поднял стакан с коктейлем, выпил до дна и улыбнулся.

— Вроде бы виден свет в конце тоннеля, — сказал он. — Правда, имеется недостача в сто тысяч долларов.

— Сначала-то было сто двадцать тысяч долларов, — заметил Дрейк.

Мейсон кивнул.

— Вспомни, когда Гейг вошел в офис, он сказал, что был в командировке и взял из кассы наличными двадцать тысяч долларов, но дело сорвалось, и он вернул деньги.

— Я этого не слышал, — сказал Дрейк.

— Если нам удастся заполучить завтра этих людей в суд, все может пройти удачно, — заявил Мейсон.

— Думаете, они не подведут?

— Надеюсь, что нет, — заметил адвокат. — А теперь мы пойдем и как следует пообедаем. Отдохнем от брэнной жизни.

16

Ральф Гурлок Флойд поднялся, чем-то очень довольный, когда в зал суда была доставлена Диана Дуглас.

— Думаю, если будет угодно, мы начнем заседание.

— Конечно, — отозвался судья Эллиот. — По-моему, дело могло быть закончено еще вчера днем, если бы не защита.

— Действительно, защита имеется, — заметил Мейсон.

— Хочу повторить, мистер Мейсон, суд не интересуется ваши ухищрения, но мы не собираемся мешать законной защите, которая должна основываться на

фактах и достаточном количестве свидетелей.

— Если суд не возражает, — заговорил Мейсон, — мне бы хотелось вызвать одного из проходивших по делу офицеров и задать ему пару вопросов, продолжив перекрестный допрос.

— Это против правил, — запротестовал Флойд. — Их надо было задавать раньше.

— Приступайте, приступайте, — подержал адвоката судья Эллиот. — Я не собираюсь в чем-либо препятствовать защите. Только поясните, действительно ли это так важно?

— Чрезвычайно, ваша честь!

— Тогда вызовите свидетеля, — потребовал судья Эллиот.

И Мейсон обернулся к офицеру.

— Встаньте, пожалуйста, — сказал он. — Вспомните, что вы уже давали клятву. Возьмите, пожалуйста, сумочку. Именно она была у подзащитной, когда кассирша в аэропорту увидела в ней оружие. На эту же сумочку обратила внимание и стюардесса в самолете.

— Именно так.

— У вас есть и револьвер, и сумочка, — сказал Мейсон. — Вы смогли бы спрятать в нее оружие? — поинтересовался адвокат.

Офицер снисходительно улыбнулся.

— Конечно. Сумочка растянется, вот почему она так всем бросается в глаза.

— Пожалуйста, положите сейчас револьвер в сумочку, — попросил Мейсон.

Клерк передал офицеру обе вещи, и тот стал заталкивать револьвер в дамскую сумочку, объясняя, как это делается.

— А вам удастся теперь ее закрыть?

— Да, но с большим трудом, — продолжал свидетель.

— Допустим, вы положили револьвер с невзведенным курком в сумочку. Можете ли вы его перевернуть и перевести в боевое положение?

— В закрытой сумочке нет: там слишком мало места.

— Хорошо, теперь выньте оружие. Хочу посмотреть, как быстро вы это сделаете, — попросил Мейсон.

— О, я понял, один из ваших тестов, да? — спросил офицер и начал вытаскивать револьвер. Ему с трудом это удавалось, а Мейсон отсчитывал время.

— Пять секунд.

Офицер приналег, пытаясь выхватить оружие.

— Десять секунд, — продолжал Мейсон. — Двенадцать. Теперь наконец вы его заполучили, но он еще не взведен, и вам нужно взвести его и направить на жертву. Пожалуйста, сделайте так.

Офицер выполнил команду.

— Теперь положите оружие обратно.

— По-моему, такой тест не нужен, — заявил судья Эллиот.

— Все очень просто, ваша честь, — сказал Мейсон. — Мори Кассель был застрелен в лоб одной пулей. На нем самом был револьвер: покойник всегда носил с собой оружие. Так что же, он стоял и ждал, когда женщина с великим трудом вытащит револьвер из сумочки и...

— Все понятно, понятно, — сказал судья Эллиот.

Но Ральф Гурлок Флойд быстро вскочил:

— Мы возражаем, ваша честь. Обвиняемая могла достать револьвер еще за дверью квартиры Касселя. Тогда оружие было бы у нее в руке, готовое к выстрелу.

— Как бы то ни было, — проговорил, нахмурившись, судья Эллиот, — это интересно, и суд не собирается мешать защите. Повторите ваш тест и засекайте время.

На этот раз офицер работал старательнее, поэтому сократил время почти до шести секунд.

— Около семи секунд, — сказал Мейсон. — Однако и это вполне наглядно.

— Ваша честь, — запротестовал Флойд. — Это абсолютно бессмысленно. Обвиняемая могла держать револьвер готовым для выстрела. Когда Кассель открывал дверь, он был совершенно беспомощен.

— И что случилось потом? — спросил Мейсон Флойда.

— Не устраивайте мне перекрестного допроса, — огрызнулся прокурор.

— Обращаюсь только к суду, — с улыбкой заметил Мейсон. — Предположение мистера Флойда ничем не подкреплено, так как Кассель был убит не около двери, а рядом с кроватью, на которой он сидел или около которой стоял.

— Мы обсудим это в другой раз, — заявил судья Эллиот, — и вы, мистер Мейсон, представьте свои аргументы.

Однако Флойд не унимался:

— Обвиняемая могла, угрожая оружием, заставить его отступить назад.

— С какой целью? — спросил Мейсон.

— Чтобы запугать его, — отпарировал прокурор. — У кого еще мог быть револьвер ее брата? О, это абсурд, пустая трата времени!

— У вас есть еще вопросы к свидетелю? — спросил судья.

— Если суд не возражает, то да, — ответил адвокат и повернулся к офицеру.

— Вы тщательно обследовали квартиру?

— Да, и не я один.

— А вы обратили внимание на гардероб пострадавшего?

— Конечно, — улыбнулся офицер.

— Его одежда довольно изысканна, не так ли?

— Несомненно, даже очень.

— Заметили, что сшита она была на заказ, портным?

— Верхняя одежда — да, сэр. Думаю, и белье тоже, так как оно все помечено.

— И вся верхняя одежда от одного портного, так ведь?

— Да, сэр, все костюмы и пальто.

— Все ли?

— Все. Подождите минутку. Есть одно без ярлыка от этого портного.

— Обратили вы внимание, что оно не по размеру пострадавшему?

— Ну, мы, конечно, не надевали его на покойника.

— Сколько времени, — спросил Мейсон, — потребуется, чтобы доставить это пальто в суд?

— О, ваша честь! — воскликнул Ральф Флойд. Чувствовалось, что его терпе-

ние было на пределе. — Это абсурд, просто смешно! Я не знаю, где это пальто. Наверное, где-нибудь в офисе следователя... В суде было сказано, что не поощряются всякие там штучки, а мне кажется, что здесь какая-то каверза.

Судья Эллиот кивнул задумчиво, потом нахмурился, взглянув на Мейсона.

— Вы хотите сделать какое-то заявление, мистер Мейсон?

— Да, — сказал адвокат, — считаю, что это пальто должно быть доставлено в суд. Оно-то как раз и есть серьезная улика. У меня к этому свидетелю есть еще один вопрос, и потом я заканчиваю с ним. Но желаю, чтобы, пока будет давать показания частный детектив Стелла Гримес, пальто доставили в суд. Также я послал повестку портному, который шил всю одежду Мори Касселю и который утверждает, что это пальто не его рук дело и Кассель его никогда не носил.

— Заканчивайте допрос офицера, и суд займется новой уликой, которую вы выставляете, — поторопил его судья.

— Вы присутствовали в лаборатории, когда обследовали револьвер, найденный в самолете? — спросил Мейсон.

— Да.

— Применялись ли к нему тесты для проверки оружия.

— Вы говорите о баллистике?

— Нет, я имею в виду тесты на определение наличия крови, применялись ли они к этому револьверу?

— Да.

— И с каким результатом?

Свидетель ответил, осторожно подбирая слова:

— Очевидно, почти вся поверхность револьвера была вымазана кровью. Но потом кто-то попытался наскоро смыть ее или стереть мокрой тряпкой.

— У меня больше нет вопросов к свидетелю, — заявил Мейсон.

— Есть возражения? — спросил судья Эллиот Ральфа Флойда.

— Конечно, нет, — ответил тот. — Мы считаем все эти домыслы по меньшей мере странными.

— Вы собираетесь подтвердить свои умозаключения, мистер Мейсон?

— Да. И я вызываю свою первую свидетельницу мисс Стеллу Гримес.

Девушка шагнула вперед, назвала имя, возраст, профессию и место жительства.

— Когда вы первый раз увидели обвиняемую? — спросил Мейсон.

— Это было ночью. Мы с мистером Дрейком сидели в такси.

— Вы тогда говорили с обвиняемой?

— Нет, она прошла мимо нас два или три раза, но не обнаружила желания передать записку или деньги.

— Когда вы видели ее в следующий раз?

— На другой день.

— Где?

— В отеле "Виллатсон".

— В каком номере?

— В 767-м.

— Что произошло, когда вы там были?

— Мне приказали оставаться в этом номере.

— А настоящей хозяйкой его была обвиняемая?

— Да.

— А как же она?

— Вы арендовали другую комнату на этаже и поместили туда обвиняемую.

— Что случилось потом?

— Раздался стук в дверь, и незнакомец вошел в номер.

— Под незнакомцем вы подразумеваете Мори Касселя?

— Да, сэр.

— И какой состоялся разговор?

— Было очевидно, что он ожидал выплаты денег от мужчины, а когда увидел в комнате двоих, то заподозрил ловушку.

— Что вы сделали?

— Поступила, как вы мне приказали, мистер Мейсон. Я притворилась вашей любовницей и ушла, поцеловав вас. Затем согласно вашему приказу наняла такси. Увидев уходящего Касселя, я последовала за ним до самых меблированных комнат Тальмейера. Потом доложила вам, дала номерной знак машины Касселя и его адрес.

— И дальше? — спросил Мейсон.

— Вернулась в ту же комнату и жда-

ла шантажиста, который должен был прийти за деньгами.

— Когда обвиняемая была в комнате, вы видели ее сумочку?

— Да.

— Именно ту, представленную как вещественное доказательство?

— Она была такая же или похожая, — подтвердила Стелла.

Мейсон заговорил:

— Теперь я положу револьвер, из которого раздался, как полагают, роковой выстрел, в сумку и спрошу вас: револьвер мог быть в ней в то время, когда обвиняемая ушла из комнаты?

— Его точно там не было, иначе я обратила бы внимание на форму сумки.

— Перекрестный допрос, — обратился Мейсон к Ральфу Флойду.

Прокурор заявил:

— Обвиняемая могла положить револьвер в какое-то другое место, например, в чемодан или где-либо спрятать на себе, а потом переложить в сумочку.

— Мистер Мейсон унес ее чемодан из отеля, — заявила Стелла Гримес, — она не должна была с собой ничего брать, кроме сумки и саквояжа.

— А разве револьвер не мог оказаться в саквояже?

— Нет.

— Почему?

— Потому что саквояж был полон денег, которые предназначались шантажисту.

— Сколько же их было?

— Я не считала, — пожала плечами Стелла, — видела, что много.

Фloyd с минуту поколебался и сказал:

— Обо всем этом я догадывался.

— Если суд не против... — проговорил Мейсон. — Я заметил, что принесло какое-то пальто. Это то самое, изъятое у Касселя, которое никогда ему не принадлежало?

— Я не знаю, оно это или нет, — огрызнулся Флойд.

— А мы это очень скоро узнаем, — заявил Мейсон. — Мистер Баллард, выйдите вперед и дайте клятву, пожалуйста.

Коротенький, толстый человек лет сорока шагнул вперед.

Он назвал свое имя, сказал свой адрес и род занятий. Потом повернулся к адвокату.

— Вы знали Мори Касселя? — спросил Мейсон.

— Да, сэр. Я его личный портной.

— Сколько лет?

— Около семи.

— Сколько вещей вы ему сшили?

— Боже мой, не сосчитать. У него была очень дорогая одежда. И я сшил ему дюжины две костюмов.

— Вы помните его размеры?

— Конечно.

— Вот я показываю вам пальто, которое считаю одной из важнейших улик. И хочу вас спросить: вы его шили?

Портной лишь мельком глянул и уверенно заявил:

— Конечно, нет.

— Хочу спросить теперь, мог ли носить это пальто Мори Кассель?

Портной вытащил из кармана сантиметр, быстро сделал несколько измерений и уверенно заявил:

— Мори Кассель утонул бы в нем.

— Перекрестный допрос, — сказал Мейсон.

— У меня нет вопросов к свидетелю насчет этого пальто, — заявил прокурор.

— Я требую считать это пальто важнейшей уликой, — настаивал Мейсон.

— Протестую! — тут же возмутился Флойд. — Эта вещь не относится к делу.

— Я не согласен, — заключил судья Эллиот, — суд с интересом выслушает ваши соображения, мистер Мейсон.

— До того, как я изложу свои мысли по данному вопросу, мне бы хотелось, чтобы мои свидетели, которые ожидают здесь, померили это пальто. Думаю, они охотно сделают это. Мистер Франклин Гейг, вы не против того, чтобы примерить пальто?

Франклин Гейг недоуменно пожал плечами, однако подошел к барьеру, взял и надел пальто. Вещь явно была с чужого плеча: рукава коротки, а само пальто слишком свободно.

— Вам не подходит, — заметил Мейсон. — Мистер Гомер Гейг, не примерите ли эту вещь?

— Я не желаю этого делать, — заявил Гомер Гейг.

Мейсон взглянул на него с удивлением:

— У вас есть какая-то веская причина для отказа?

Гомер с минуту подумал, а потом сказал:

— Первый раз его вижу, хотя вроде оно и моего размера.

Он неохотно подошел к стойке и долго возился, застегивая пуговицы. Пальто сидело как влитое.

— Теперь, ваша честь, — обратился Мейсон к суду, — я выскажу свои соображения об этом пальто... Большое спасибо, мистер Гейг, снимите его.

Гомер Гейг выскочил из пальто как ошпаренный.

Адвокат аккуратно сложил пальто и повесил себе на правую руку.

— Ну что же, ваша честь, — сказал он, — если преступник подходит к жертве с намерением убить, он должен держать в руке заряженный револьвер. А лучшая возможность при этом его спрятать — набросить что-нибудь на руку и скрыть таким образом оружие. Если вы передадите мне револьвер, который фигурирует в деле, я покажу, как это делается.

Мейсон взял револьвер, спрятав его под висящим на руке пальто.

— А теперь, если суд не против, я сделаю заявление. Молодая женщина, подруга Касселя, оказалась в интересном положении, а виновником этого оказался мужчина, назовем его мистером Икс, работающий в компании “Эскобар импорт-экспорт”. Мори Кассель, очень проникательный и искусный шантажист, пронюхал о случившемся и о компании, в которой тот человек работал. Он не хотел упустить возможность запросто заработать денег.

Кассель узнал, что та юная особа использовала для связи со своим любовником код. Почта адресовалась просто: 36-24-36 компании “Эскобар импорт-экспорт” и подписывалась так же. В

конце концов этот код можно было принять за размеры самой женщины.

Итак, Мори Кассель надумал поживиться. Он написал письмо в компанию “Эскобар импорт-экспорт”: если 36-24-36 хочет избежать нежелательного отцовства, ему следует заплатить пятьдесят тысяч долларов наличными.

Мистер Икс не мог допустить, чтобы случившееся стало известно. Он собирался разводиться с женой, и, если бы всплыла его неверность, жена смогла бы отсудить большие алименты.

Поэтому мистер Икс упросил Эдгара Дугласа за приличное вознаграждение признать себя отцом будущего ребенка и поехать в Лос-Анджелес, чтобы расплатиться с Мори Касселем. Он снабдил Эдгара Дугласа пятьюдесятью тысячами долларов для выполнения намеченного. Но случилось неожиданное: по пути в Лос-Анджелес Эдгар попал в аварию, оказался на больничной койке и, не приходя в сознание, умер.

Мистер Икс, подозревая, что Мори Кассель достаточно опасен, не осмелился искать другую кандидатуру. Он взял деньги, а заодно и оружие, возможно, даже и не зная, что револьвер принадлежал Эдгару Дугласу. Он поехал в Лос-Анджелес, намереваясь заплатить деньги. Если же вымогатель потребует еще и еще, то убить его.

Итак, мистер Икс направился на квартиру Мори Касселя. Между ними состоялся разговор. Мистер Икс стреляный воробей и сразу понял, что такой проникательный и хитрый шантажист присосется к нему, как пиявка. Он спокойно и расчетливо убил Мори Касселя, оставив револьвер на полу, и ушел, чтобы вернуться в Сан-Франциско. А обвиняемая вошла в квартиру через некоторое время. Увидев револьвер в луже крови на полу, она узнала оружие брата, торопливо смыла кровь, положила в сумочку и поехала в аэропорт.

Судья Эллиот наклонился вперед.

— Так ваш мистер Икс знал, что револьвер принадлежал Эдгару Дугласу, или нет?

Мейсон глянул на Джойс Баффин и негромко заговорил:

— У Эдгара Дугласа были две страсти: женщины и стрельба, и он хотел, чтобы каждая интересующая его особа умела стрелять. Поэтому он дал одной молодой красотке свой револьвер на время для практики. Мистер Икс мог видеть его в ее квартире... Не хотите ли вы вставить какое-либо замечание, мисс Баффин?

Но неожиданно поднялся Гомер Гейг и со словами: "Догадываюсь, что все сказанное относится ко мне" — заторопился к двери.

Судья Эллиот бросил взгляд на побледневшую Джойс Баффин и на уходящего Гомера Гейга, а потом обратился к дежурившему в зале полицейскому:

— Не позволяйте ему скрыться! Суд объявляет перерыв на полчаса.

17

Мейсон, Франклин Гейг, Делла Стрит, Пол Дрейк и оживленная, полная надежд Диана Дуглас сидели в отдельном кабинете итальянского ресторана.

— Как вам удалось все это распутать? — спросила Диана.

— Мне пришлось поломать голову, чтобы сложилась цельная картина. Недостача денег сверх пятидесяти тысяч долларов наводила на размышления.

— Да, ужасный шок для меня, — едва смог пробормотать Франклин Гейг. — Мне и в голову не приходило, что такое возможно.

— Я знала, что мой брат не способен был так поступить с женщиной... Ну, так, как вы рассказали, — проговорила Диана. — Я сделала все, что могла.

— Да уж, — заметил адвокат. — Гомер Гейг заварил кашу так, что Эдгар оказался в капкане. Он должен был объявить себя мерзавцем, и выбора у него не было: он растратил некоторую сумму компании и хотел ее внести до того, как это будет обнаружено.

Если бы Кассель подозревал, что его жертва — один из руководителей компании, он бы умерил свои аппетиты и

ограничился одноразовой добычей. Но Кассель был не в курсе, поэтому погиб.

Когда Эдгар попал в катастрофу, никому не было известно, что Гомер Гейг дал ему деньги. Поэтому Гомеру ничего не оставалось, как поехать в Лос-Анджелес платить вымогателю. Он взял пальто, но так как день был солнечным и теплым, надеть его не пришлось. После убийства он повесил пальто вместе с одеждой Мори Касселя, а револьвер Эдгара бросил на пол.

— А что стало с теми пятьюдесятью тысячами, которые мой племянник отдал Эдгару? — спросил Франклин Гейг.

— Диана собиралась их отдать шантажисту, боясь за репутацию брата. Она приехала в Лос-Анджелес, чтобы заплатить деньги. Однако следуя моему совету, она положила деньги на хранение в банк в Сан-Франциско и получила чек.

Франклин Гейг с минуту помолчал, подумал и заговорил:

— В этой ситуации лучшее для вас, Диана, заплатить эти деньги за труды мистеру Мейсону.

Наступила тишина, потом Пол Дрейк нажал кнопку вызова официанта и выкрикнул:

— За это надо выпить!

Диана улыбнулась и поставила на стол свою многострадальную сумочку.

— Я выписываю вам чек, — сказала она адвокату.

А Франклин Гейг полез в карман.

— У меня есть ручка, — заметил он.

Перевод Э. КОРДОНСКОЙ.

Книжная полка

“Законы и борьба за власть несовместимы”. Это высказывание одного из ближайших соратников автора книги “Разведка и Кремль”, непосредственного участника многих затронутых в ней событий, можно было бы смело поставить в качестве эпитафии. Мысль эта красной нитью проходит буквально через всю многослойную ткань повествования.

ЗАПИСКИ**«НЕЖЕЛАТЕЛЬНОГО СВИДЕТЕЛЯ»**

Павел Судоплатов предстает перед читателями как автор записок “нежелательного свидетеля”. Именно такой интригующе-скромный подзаголовок оттиснут на титульном листе книги, хотя на такое амплуа он вполне рассчитывает лишь отчасти. Поскольку один из руководителей советской разведки, деятельный организатор ее специальных тайных операций внутри страны и за рубежом, генерал-лейтенант П.А. Судоплатов, по компетентной оценке Леонида Шebarшина, возглавлявшего внешнюю разведку КГБ СССР до самого финала этой службы в Советском Союзе, личность легендарная.

За тридцать два года (с 1921 по 1953), что Судоплатов прослужил в советских органах госбезопасно-

сти, он участвовал во многих акциях исторического значения. Это подготовка и осуществление операции по уничтожению Троцкого в Мексике, ликвидация в 1938 году предводителя украинских националистов (ОУН) Коновальца, а в 50-м — командующего бандеровскими формированиями (УПА) Шухевича. Значителен его личный вклад и в создание отечественного ядерного оружия. Именно Судоплатов направлял усилия наших разведчиков в этой области. В Великую Отечественную он руководил действиями диверсионных групп во вражеском тылу. Руководство страны доверяло ему и довольно-таки деликатные поручения дипломатического свойства. Тут и встреча с болгарским послом в Москве Стамено-

вым для зондажа и дезинформации, и предложение президенту Чехословакии Бенешу уступить место Готвальду... Обо всем этом и о многом другом рассказывается на страницах книги. Авторские воспоминания дополнены некоторыми рассекреченными сугубо конфиденциальными документами той поры.

Любопытно, что в 1992 году прокуратура Украины, где чудовищные злодеяния бандеровских головорезов возводятся ныне в ранг героизма, возбудила против Судоплатова уголовное дело. Однако иск к нему отпал после того, как было доказано, что профашистская террористическая организация националистов Коновальца-Бандеры официально провозгласила состояние войны с Советской Россией и СССР, продолжавшееся с 1919 по 1991 год...

Словом, выдавать себя только за свидетеля, пусть и нежелательного, Судоплатову ни к чему: он не только много видел, много знал, но и ко многому был лично причастен. Да и по ходу повествования он не прячется за чужие спины, не выглядит эдаким кающимся грешником, рвущим на голове волосы. Он верил, что, находясь на государственной службе, делал нужное стране и народу дело. Именно поэтому он и пришел наконец к вполне логичному выводу: "Я был и инструментом, и жертвой этой системы". От себя заметим, что эта констатация гораздо честнее, нежели поза "нежелательного свидетеля".

Директивы по осуществлению упомянутых выше террористических акций сочинялись не в кабинетах Лубянки. Они исходили от высшего государственного и партийного руководства. Автор книги вспоминает атмосферу и содержание встреч и бесед со Сталиным, Молотовым, Маленковым, Берией, другими высокопоставленными

деятелями. Что же касается лубянской кухни, то там уже по кремлевским рецептам готовились соответствующие блюда, зачастую с чрезмерным усердием, нередко выше всякого "порога допустимости". Известно также, что и применение физических методов следствия, а проще говоря, пыток тоже было санкционировано свыше.

Пожалуй, самыми жгучими, поражающими беспощадной откровенностью являются страницы, повествующие о непрекращающейся со времен Ленина борьбе за власть в Кремле, на Старой площади, Лубянке. Соперничество, двурушничество, цинизм, шантаж, интриги — таковы грязные приемы этой борьбы, прикрываемой внешней благопристойностью, лозунгами о единстве и монолитности рядов партии и правительства. Ради поставленной цели в ход пускались любые средства — ложь, фальсификация, устранение соперников, разворачивались массовые кампании по разоблачению "безродных космополитов", "вейсманистов-морганистов" и т.д. и т.п.

А фабрикация многочисленных "дел"?! Только на памяти людей моего поколения таким sensationным "делом" несть числа: дело Тухачевского, ленинградское дело, мингрельское дело, дело врачей-отравителей, дело Еврейского антифашистского комитета, заговор военных, нити которого тянулись к Жукову и который благополучно закончился для него "почетной ссылкой". Наконец, низвержение и опала прославленного маршала (о чем в книге не говорится, поскольку автор в том, 1957 году сам отбывал пятнадцатилетний срок в тюрьме, тогда как обо всем остальном он знал не понаслышке).

Некоторые страницы книги Судоплатова вызывают прямо-таки шок. Вот, скажем, версия убийства Кирова. Этот "кристально чистый боль-

шевик" (как привычно отмечалось со времен Сталина и до Горбачева), ставший якобы жертвой троцкистско-зиновьевского заговора, был, оказывается, самым заурядным бабником. За это он и поплатился: был застрелен мужем очередной своей любовницы из ревности и мести. Для Сталина же это убийство стало удобным поводом и сигналом к началу расправ со своими политическими противниками.

Непривычную, не укладывающуюся в рамки наших стандартных представлений позицию занимает Судоплатов в оценке обвинений, вынесенных Берии, а отчасти и Абакумову. Отнюдь не обеляя их, не оправдывая их преступлений, он доказывает, что обоим по заказу и на потребу уже иным вождям предъявлено немало огульных обвинений.

Впрочем, сегодняшнего нашего читателя вряд ли сразишь каким-либо сенсационным открытием. Здесь, однако, речь идет не о неких частностях, а о самой системе, в которой мы жили и с роковым наследием которой никак не можем распрощаться.

Книга Судоплатова субъективна настолько, насколько субъективны любые мемуары. К точке зрения и оценкам автора можно относиться по-разному — от восторженной поддержки до тотального отрицания. Например, один из моих знакомых, когда речь зашла о Судоплатове, резко отрубил: "Не верю я ему!" А вот В.Белоконь, пусть и не без иронии написавший в "Книжном обозрении" о возможности увидеть книгу Судоплатова в списке претендентов на Нобелевскую премию в области литературы, все же предрекает, что самые интересные споры о ней впереди.

Трагедия чекистских разведывательных и контрразведывательных органов на протяжении нескольких

десятилетий заключалась в том, что непрерывно, безостановочно вращающийся маховик репрессий поглощал и перемалывал все новые и новые жертвы. Сегодня ими становились те, кто творил беззаконие и произвол вчера, завтра в жернова попадали сегодняшние искатели "правды" хотя бы потому, что им многое было известно. Так и шло — Ягода, Ежов, Меркулов, Абакумов, Берия... Причем в расход пускались не только заплочных дел мастера, палачи и истязатели, а и совершенно ни в чем не повинные сотрудники: за то, что работали рядом, на одном этаже, в одном управлении с "врагом народа". Да что там говорить! Вспомним хотя бы Рихарда Зорге. К его информации стали относиться с долей недоверия и подозрительности лишь потому, что к разведывательной работе его привлекли репрессированные Берзин и Борович. Трудно сказать, что ждало впереди этого талантливого разведчика, не попади он в лапы японской контрразведки...

На своем веку люди моего поколения пережили и увидели столько всякого, знавали такие катаклизмы, что наш собственный опыт, пусть и всецело субъективный, становится, пожалуй, наиболее верным критерием при оценке всякого рода социологических и политологических исследований, произведений литературы и искусства, мемуаров и т.д. Положительной или отрицательной будет оценка, зависит от того, что возьмем мы за стартовую точку отсчета: "Мы рождены для вдохновения, для звуков сладких и молитв" или "Мы рождены, чтоб сказку сделать былью".

Пишущему эти строки хорошо памятни и героические, и драматические страницы из биографии страны, о которых рассказывает Судоплатов: и страшный 37-й год, и Великая Отечественная, и депор-

тация целых народов, и борьба с бандитизмом в послевоенные годы, и ввод войск в Чехословакию... Хорошо помню проводимые в органах и войсках госбезопасности периодические чистки в сороковых-пятидесятых годах. В 1950 году, когда проходила чекистско-войсковая операция по задержанию Р. Шухевича (он же генерал Т. Чупринка), закончившаяся его убийством, я, как и автор книги "Разведка и Кремль", находился во Львове. Хотя к команде Судоплатова я прямого отношения не имел, о результатах операции узнал сразу же.

Встретилось мне в книге немало знакомых имен. Знал я, например, Виктора Николаевича Ильина, писал, в том числе и в журнале "На боевом посту", об этом человеке удивительной судьбы, а в 1990 году провожал его в последний путь. За несколько недель до трагического финала жизни Героя Советского Союза генерала армии И.И. Масленникова, заместителя министра внутренних дел СССР, которому непосредственно подчинялись внутренние войска, мне довелось встречаться и разговаривать с ним. В годы комсомольской юности я был знаком с Н.Н. Месяцевым, в то время работавшим в ЦК ВЛКСМ. Известно мне было, что партийным решением его направили в МГБ. Падение Месяцева, о котором сообщается в книге, стало для меня открытием. Разумеется, все это не могло не наложить печать на мое личное восприятие книги Павла Судоплатова.

Без сильной разведки, контрразведки государство сегодня (впрочем, так было всегда) не может быть сильным, жить с гарантией независимости. Это аксиома. Между тем за годы так называемой перестройки и постперестройки система органов безопасности у нас была (не станем искать мягких, обтекаемых выражений) разва-

лена. Особенно стремительно и безоглядно этот пагубный процесс протекал с приходом в КГБ в 1991 году В. Бакатина, который не раз бравировал тем, что был готов "разрушить КГБ до основания".

Смешно выдавать за некое достижение демократии снос под улюлюканье хулиганствующей толпы памятника Ф.Э. Дзержинскому работы выдающегося скульптора современности Е.Вучетича. Что ж, разрушить любой монумент ни ума, ни доблести не надо, это мы уже проходили многожды. Куда сложнее оказалось строить правовое государство с надежной системой национальной безопасности. Не имея и не выработав до сих пор таковой, мы вместо единой мощной спецслужбы, какой являлся Комитет государственной безопасности, получили конгломерат разрозненных специальных государственных организаций (ФСБ, СВР, ФАПСИ, ГУО, СБ Президента РФ), функционирующих практически без действенной координации. Общеизвестно, что эффективность их намного меньше, чем прежде, зато непроизводительные траты, накладные расходы, а также численность руководящего состава во много раз увеличилось.

Может, Чечня послужит полезным уроком на будущее?

Все это для меня вытекает из прочитанной интересной, пусть и не бесспорной, не свободной от ошибок и неточностей книги выдающегося разведчика.

**Генерал-майор в отставке
И. БЕЛИКОВ.**

Наш.

Академический

Жизнь артиста — непрекращающиеся переезды. Не успеет схлынуть жар очередного выступления и едва перестанет учащено биться сердце, а уже пора занимать место в автобусе, чтобы через несколько часов оказаться в другом, как правило, совершенно незнакомом городе. И снова, как в омут, — в горячку концерта, в пучину эмоций. Сто три концерта в ста трех городах — эта статистика не может не впечатлять. А именно в таком неумолимо жестком графике в прошлом году выступал перед германскими зрителями Государственный академический ансамбль песни и пляски внутренних войск МВД России.

Интерес к творчеству российских военных артистов за границей по-прежнему велик, хотя и нет уже того бума, который наблюдался десятком лет раньше, когда только-только начал рушиться “железный занавес” и отечественные коллективы получили возможность гастролировать за рубежом. На Западе в те времена выступления артистов в форме “несокрушимой и легендарной” порождали в добропорядочных сэрах, синьорах и мсье любопытство, которое могло возбудить разве что пришествие марсиан. Страсти вокруг “империи зла” поутихли, нет теперь ощерившейся штыками тоталитарной державы, и как следствие, снизился интерес к военным, ее представляющим. Кроме того, западный рынок развлечений буквально заполнен псевдовоенными ансамблями.

Ведомственному творческому коллективу, чтобы не захлебнуться в бешущем и достаточно мутном океане рыночных отношений, необходимо иметь недюжинную работоспособность и отличное качество концертных программ. При этом стоит учитывать, что и западный, и отечественный зритель неохотно воспринимает голый ура-патриотизм. Люди не

хотят громких, напыщенных фраз, они желают слышать со сцены о мудром, добром и вечном, хотят веселиться и мира. Крови, слез им хватает на экранах телевизоров. Большинство же военных ансамблей не сумели этого понять и не приспособились к новым условиям. Между тем ручей финансовых вливаний со стороны государства мелеет с каждым месяцем, а чтобы самим зарабатывать деньги, надо выдерживать конкуренцию. В результате — развал многих, даже очень заслуженных и в прошлом крепких военных творческих коллективов.

К счастью, чаша сия миновала наш родной ансамбль песни и пляски. На мой взгляд, тому способствовали несколько причин. Милость Божья, как никак во время гастролей в 1988 году ансамбль благословил лично Папа Римский. Моральная и деловая поддержка главка и министерства. И разумеется, упорная работа самих актеров и руководителей. Пик его творческой активности приходится на самые трудные времена. Он как-то быстро пошел в гору, особенно в последние годы, и скоро одолел путь от полусамодельного коллектива до профессионального с довольно известным именем.

Три года назад, в двадцатилетний юбилей, Ансамбль внутренних войск МВД России был удостоен звания Академического. В стране лишь тринадцать творческих коллективов заслужили это отличие.

Основной костяк ансамбля состоит из артистов, которые начинали творческую карьеру на срочной службе, а когда настало время увольняться в запас, не пожелали расставаться с войсками и ансамблем. Пожалуй, самый показательный пример — судьба руководителя коллектива Виктора Петровича Елисеева. В нем он прошел путь от рядового до полковника, от начинающего музыканта до народного артиста России. По круплицам собирался творческий коллектив. Теперь же что ни фамилия, то заслуженный человек: Владимир Романов, Михаил Беленко, Александр Берлин, Сергей Милосердов, Владимир Богданов, Валерий Разживин, Александр Контарь, Николай Соборнов, Михаил Фалков, Сергей Каяцкий, Людмила Носович, Михаил Зверев, Юрий Герасимов, Мария Папае-

ва, Ирина Шишкина. Сравнительно недавно в коллектив пришла новый главный хормейстер Людмила Богомолова, истинный профессионал. Впрочем, людей талантливых, интересных здесь настолько много, что проще зачитать список личного состава ансамбля целиком.

Во многих городах России и более чем в тридцати странах мира артисты радовали людей, а значит, приумножали славу внутренних войск. Я сам был свидетелем тому, как благодарил артистов командир тульского соединения генерал-майор В. Боднарчук. Он рассказал, что в городе ратной славы Туле, в котором дислоцировано много частей Министерства обороны, недавно сформированному соединению внутренних войск приходится сложно. Надо самоутверждаться, завоевывать авторитет среди населения, у властей города. И концерт, который ансамбль дал в день празднования юбилея города, очень тому помог.

Есть в биографии ансамбля и такие выступления, которые не оцениваются ни рублем, ни долларом. Они проходили в горячих точках. Только в Чечню наши артисты ездили четыре раза. Первый — в феврале 1995-го. Разбившись на группы по три-четыре человека, артисты выступали в госпитальных палатках, землянках. Солисты, которым аплодировали во множестве городов мира, под аккомпанемент простеньких баянов пели для солдат правопорядка.

Были и крупные выступления. В том числе для подразделений и частей. Зрителей набиралось в "концертном зале" (как правило, им становилось изрядно разрушенное здание школы либо столовой) — яблоку негде упасть. Солдаты, кому не хватило места, пристраивались в проемах окон. Но и жуткая теснота ни разу не помешала им встать, когда солист ансамбля Владимир Романов запевал знаменитую газмановскую — "Офицеры". Великолепный голос и проникновенные слова песни неизменно рвали душу, слезы текли у боевого люда сами собой, помимо воли...

Концертная деятельность, безусловно, главная забота ансамбля. Но руководство коллектива решило не ограничиваться только ею. По-

ка артисты ютились в полуподвальном рушащемся помещении, о чем было говорить! Теперь же, когда Ансамбль песни и пляски внутренних войск обрел пристанище в культурном центре МВД, перед ним открылись новые горизонты.

Культурный центр МВД должен стать местом встреч и отдыха офицеров, своеобразным офицерским клубом. Судите сами, куда можно сейчас податься сотруднику или военнослужащему министерства в дни отдыха, праздников? Московские шикарные рестораны не по карману. Ночные клубы тоже. При кажущемся обилии мест для досуга у нашего брата выбор небольшой.

Первое, с чего начали новые обитатели культурного центра, — затеяли ремонт. В нынешнем году, если все пойдет по-задуманному, в ДК МВД откроется ресторан, его уже начали оборудовать. Цены, надо полагать, в нем окажутся ниже, чем в среднем по Москве. В новый ресторан доступ получают только свои, эмвэдэшники.

Особенно приятно, что в культурном центре не забыли о детях, чьи папы и мамы стоят на страже правопорядка. В самом ближайшем будущем под крылом Академического ансамбля песни и пляски внутренних войск МВД России появится еще один творческий коллектив. Тоже военный ансамбль песни и пляски. Только, как вы уже поняли, детский. Мальчики и девочки получают редкую по нынешним временам возможность творчески развиваться. Причем под руководством опытных музыкантов, хормейстеров, балетмейстеров.

Те же, кто считает, что в ведомственном ансамбле учиться нечему, вероятно, совсем не знакомы с творчеством Академического ансамбля песни и пляски внутренних войск. Он между тем давно отказался от "казенного" заплешневелого репертуара, которым до сих пор грешат многие бюджетные коллективы. Программы очень тщательно готовятся и регулярно дополняются новыми работками. Например, перед поездкой в Германию были дополнительно подготовлены более двадцати номеров. Так что репертуар Ансамбля песни и пляски внутренних войск очень разнообразен — от фольклора

до современных джазовых постановок.

Рассказывает главный балетмейстер ансамбля заслуженный артист России Юрий Иванович Герасимов:

— Когда меня пригласили на нынешнюю работу, предложение, помню, воспринял достаточно скептически. Я только-только вернулся из Италии, где жил и работал. И не ждал ничего интересного от ведомственного коллектива. Но мне пришлось удивиться... Когда увидел балетную группу, своих будущих подопечных, я сразу подумал: у этих мальчишек и девочек золотые ноги!

Работать согласился без долгих размышлений. О чем сейчас ни капли не жалею. Очень люблю своих ребяташек. Они скромны, но вместе с тем настоящие профессионалы. Мы "гоним" обширную программу. А сколько еще задумано!

Потенциал у Академического ансамбля внутренних войск МВД России действительно велик. В нем создана хорошая, творческая обстановка. Здесь не допекают ненужными советами или бездумными указаниями. Каждый человек занимается своим делом на совесть. Профессионалам вожжи не нужны. Обстановка, в которой поддерживается любая инициатива, приносит добрые плоды. Сотрудничество предлагают многие импресарио.

Только, уважаемые читатели, не ошибитесь, не воспримите жизнь артиста военного ансамбля как одну лишь фиесту: заграничные поездки, свет рампы, овации. Да, это все есть. Но существует другая сторона медали: частые и долгие разлуки с близкими людьми, жизнь на колесах, когда домом становится автобус. И только сами артисты знают, какой ценой дается красивое зрелище на концертных подмостках. За легкостью движений танцоров, слаженностью игры оркестра, проникновенностью песен в исполнении хора неизменно кроется каторжный труд. Поверьте! Потом пропитана сцена... И не жируют артисты, как может показаться завистникам. Пожелаем им того, о чем мечтаем сами: успехов в работе и щедрой оплаты за нее!

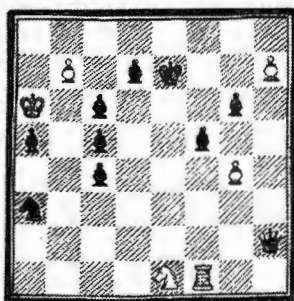
Лейтенант А. ИСТОМИН.

Под редакцией
мастера спорта
А. КАЛИНИНА

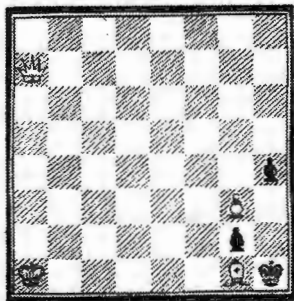
КОМПОЗИЦИЯ — ИСКУССТВО

№ 21. А.П.Кузнецов
1973

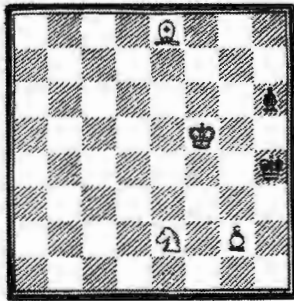
Выигрыш

№ 22. В.Павленко
1965

Мат в 4 хода

№ 23. А. д'Орвиль
1837

Мат в 4 хода

В этюде № 21 белые любопытным маневром лишают черного ферзя контроля над двумя фокальными полями: **1.Лф4! Фб2 2.Лд4! Фh2 3.Лд6! Фб2 4. Лф6! Фh2 5.Лф8! Кр:f8 6.б8Ф+ Ф:b8 7.h8Ф+** с выигрышем.

Решение миниатюры № 22 простое, но не лишено обаяния: **1.g4 h3 2.Фf2 h2 3.Фh4! Кр:g1 4.Фe1 X!** Секрет старинной миниатюры № 23 покоряет простотой и красотой в их единстве, надеемся, его вы откроете не более чем за пять минут.

Любителям гетеродоксов предлагаем решить. № 24. **Крh1.Сf1,Сg3,Кb2,п.f2 /5/ — Крe4, пп.f3, g5 /3/, кооперативный мат в 3 хода. Задача с иллюзорной игрой (есть мат при первом ходе белых): 1...Кd3 2.Крf5 Кb4 3.Крg4 Сh3 X!** А как дать кооперативный мат при первом ходе черных?

№ 25. **Крe1,Фe4,Са4,Кс2,Кf1 /5/ — Крc4,Сd4,пп.с3,с5,е3,г4 /6/, обратный мат в 4 хода.**

ФИЛОСОФИЯ ШАХМАТ

В шахматной печати до сих пор публикуются полемические статьи, авторы которых по-разному оценивают сущность шахмат. Многие считают их и наукой, и спортом, и искусством, а некоторые даже композицию относят к спорту для элиты.

Наука, как известно, есть система достоверных знаний о законах развития природы и общества. Естественно, к этим законам шахматы не имеют ровно никакого отношения. Теория дебютов, середины игры и эндшпиля глубока, сложна, но считать ее наукой ошибочно. Между прочим, некоторые ученые не считают наукой даже математику, видят в ней только метод необходимых расчетов.

Жизнь подсказывает нам: игра в шахматы давно стала массовым интеллектуальным видом спорта, а шахматная композиция — активным

искусством, раскрывающим эстетику шахмат. Соединение спорта с элементами искусства характерно не только для шахмат, но и для многих видов спорта. Например, в футболе покоряет красота игры, а не просто голы. Кто красиво играет, тот, как правило, и побеждает.

ВАШ РЕЙТИНГ?

В прошлом веке из-за малого числа сильных шахматистов не требовалось оценивать силу их игры цифрами. Но с ростом числа талантливых игроков сравнение силы их игры стало невозможным, многие не встречались друг с другом за шахматной доской. Поэтому начались поиски системы коэффициентов, показывающих силу игроков. Система была найдена и принята ФИДЕ в 1970 году (разработана она американским профессором Арпадом Эло).

Слово "рейтинг" происходит от английского rating — "оценка". Расчет рейтингов ведется так: в зависимости от состава турнира определяется ожидаемое число очков, которое должен набрать каждый его участник. При наборе большего числа ожидаемых очков рейтинг повышается, меньшего — понижается. Расчеты ведутся по простым формулам и таблицам.

Проверьте свои решения

(На боевом посту, 1997, № 5)

№ 16. **Крh2, Фg7,Лф6 /3/ — Крg4, Лb4, Кb8,пп.b3,d4,g5,h5 /7/, мат в 2 хода. 1.Фe7! — 2.Фe4 X; 1...Крh4,h4,d3 2.Лf4,Фe2,Ф:b4X.**

№ 17. **Крd1,Лg4,Кd8,пп.b2,d2 /5/ — Крd3,Лb5,пп.a5,b3,g5/5/, мат в 3 хода. 1.Кe6! Лd5 2.Ла4!, цугцванг.**

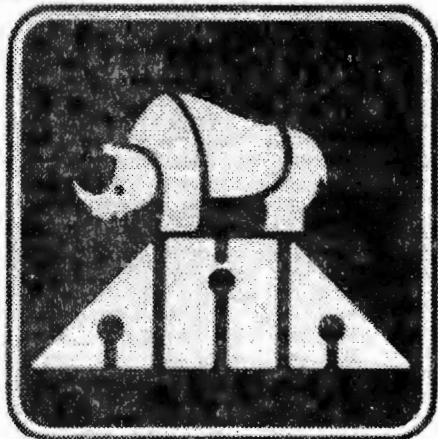
№ 19. **Крg4,Фа5,Се3 /3/ — Крe5, Фb2,Сf6,Кd5,п.b5/5/, кооперативный мат в 2 хода. 1.Фа1!! (темпоход) Фе1! 2.Фd4+ Сf4 X!**

№ 20. **Кра1,Фа4,Са3,С 1 /4/ — Крc3,Ф 6,С 8 /3/, обратный мат в 6 ходов. 1.Фc2+ Крd4 2.Фd3+ Крe5 3.Фe4+ Крf6 4.Фf5+ Крg7 5.Сf8+ Крh8! Крh8 6.Фf6+ Ф:f6 X!**

4 июня Научно-производственное акционерное общество "АНА" празднует свое пятилетие. Предприятие специализируется на изготовлении обмундирования амуниции и снаряжения. Генеральным заказчиком является Главное управление материального, технического и военного снабжения МВД России. Потребители — подразделения МВД, внутренние войска, Федеральная служба охраны Российской Федерации, службы безопасности банков.

В настоящее время выпускается более пяти тысяч летних костюмов, около трех тысяч демисезонных и полторы тысячи зимних костюмов, свыше двух тысяч разгрузочных комплектов в месяц. Постоянно ведутся работы по расширению ассортимента выпускаемой продукции и усовершенствованию существующих видов изделий.

Вся изготовленная продукция сертифицирована отделением гигиены военного снаряжения Военно-медицинской академии им.С.М.Кирова и успешно прошла испытания в условиях боевых действий.

Начиналось все прозаично. Чуть более пяти лет назад на ленинградской ситценабивной фабрике имени Веры Слуцкой, которая занималась заключительной отделкой ткани, открыли небольшой цех ширпотреба. Из отходов и брака наладили производство текстильных изделий, которые, впрочем, во времена повальной постсоветского дефицита долго на прилавках не залеживались. Может, и до сегодняшнего дня шили бы сорочки, халаты, передники и всякие другие пеленки-распашонки, если бы...

В девяносто втором году цех возглавил Александр Борисович Цегельник. Он взял арендный подряд, нашел новое помещение под производство. Как человек инициативный и деятельный, А.Б.Цегельник понимал, что на одном, пусть и дефицит-

ном, ширпотребе далеко не уедешь. Нужно развивать производство, искать новые пути его организации.

Как это часто бывает, помог случай. С Александром Борисовичем встретились представители МВД России.

— Слышали, вы быстро и качественно шьете изделия из хлопка. Помогите изготовить чехлы для бронезилетов скрытого ношения.

Как тут откажешься, когда производство позволяло выполнить заказ качественно и в срок.

Радовала не столько заслуженная благодарность милиционеров, сколько способность предприятия сделать больше, чем пошив товаров ширпотреба.

Теперь уже представители предприятия снаряжаются в Москву, в МВД России. Оформили все необходимые бумаги, дающие право самим изготавливать бронезилеты, и в короткие сроки "раскрутили" их производство.

Эта специфическая продукция и стала первым опытом активного сотрудничества

ВЫРОСЛА

НПАО "АНА" и российского МВД. Сегодня уже трудно представить себе бойцов спецназа или ОМОНа, правоохранительных структур или охранных предприятий без обмундирования, снаряжения и амуниции, изготовленных на питерской фирме.

Кстати, о камуфлированной форме. Впервые ее начали изготавливать на предприятии, когда в бывшем Союзе развернули активную борьбу с наркоманией — МВД проводило операцию "Мак". Представляете себе милиционеров в серой форменной одежде в качестве ловцов сборщиков опиумного мака? Поэтому ГУМТ и ВС и предложило НПАО "АНА" разработать камуфлированный рисунок специально для участников операции "Мак". Питерцы в короткие сроки сшили тысячу легких "песчаных" костюмов из тонкой хлопчатобумажной ткани в коричнево-бежевых тонах. По всей видимости, этот первый опыт у предприятия оказался удачным, коль скоро МВД поручило ему разработать камуфляж для средней полосы России. А чуть позже, когда началась активная борьба с организованной преступностью, адаптировать этот костюм к городским условиям.

О эти "Амеба" и "Камыш"! Не будет большим преувеличением назвать эти рисунки гордостью предприятия "АНА".

Их разработали фабричные художники, и теперь предприятие имеет патент на единичное изготовление двух видов рисунка в четырех видах расцветки камуфлированного обмундирования. Как ни тяжело в сегодняшнее время экономического беспредела, предприятие реализует продукцию только силовым структурам, и в свободную продажу она не поступает.

А желающих приобрести добротную, качественную, красивую продукцию с фирменным знаком "АНА" немало. Основной заказчик — ГУМТ и ВС МВД России, ежегодно продлевающий с пи-

терцами взаимовыгодный договор о сотрудничестве. Частые гости в отделе маркетинга предприятия представители подразделений МВД, внутренних войск, Федеральной службы охраны Российской Федерации, ФАПСИ, МЧС, Таможенный комитет России, службы безопасности и охраны банков и предприятий.

Возможно, кого-то такое положение дел и устроило бы — от заказчиков отбоя нет, тиражируй себе готовые, апробированные образцы обмундирования и амуниции да складывай прибыль в карман. Но только в НПО "АНА" думают иначе. С первых дней существования фирмы здесь взяли за правило неуклонно увеличивать ассортимент выпускаемой продукции, улучшать ее качество и потребительские свойства. Постоянный поиск нового — это перманентное состояние питерцев.

Взять хотя бы зимние камуфлированные костюмы. Вначале их изготавливали из синтетики, но она обладала существенным недостатком — она шуршала при движении. Затем стали использовать хлопчатобумажную ткань, которая и с точки зрения гигиены отвечала заданным требованиям, и защитные свойства повышала. Но на фирме "АНА" считают ее уже вчерашним днем. Поэтому начали использовать новую смесовую ткань. Требования к ней заданы жесткие. Она должна быть водоотталкивающей, бензо- и маслостойкой, ветрозащитной и прочее, прочее. И при этом на нее можно будет наносить фирменный рисунок... Зарекомендовала она себя отлично, и костюмы идут нарасхват.

На предприятии считают, что траты денег на новые разработки, а нервов — на дополнительные согласования и утверждения у заказчика вовсе не лишни. Это тоже один из основополагающих принци-

пов деятельности НПО "АНА" — работать в интересах тех, кто реально участвует в боевых действиях, прислушиваться к их мнению, идти навстречу их пожеланиям.

В качестве иллюстрации можно привести историю с эволюцией разгрузочного жилета, первенство в разработке и производстве которого в структуре МВД принадлежит также питерцам. Долгое время "АНА" изготавливала разгрузку с тремя карманами под магазины. И это вполне устраивало военных пользователей. Но

начались боевые действия в Чечне, и на фирму стали поступать просьбы увеличить количество карманов до восьми. Желание заказчика — закон!

Сегодня "АНА" создает принципиально новый вариант разгрузки. Он представляет собой каркас из четырех ремней, на который навешиваются различные карманы. Боец сможет сам себя укомплектовывать. Нужно ему две фляги вместо одной — пожалуйста. Посчитает нужным взять на задание не восемь магазинов, а пять — нет проблем.

Еще один краеугольный камень производственной философии фирмы — высокое качество и многофункциональность выпускаемой продукции. Не случайно "АНА" заключила договор с Военно-медицинской академией на испытание и апробацию своей продукции по физико-механическим и гигиеническим параметрам. Результаты испытаний порадовали производителей, хотя военные медки и высказали ряд рекомендаций. В частности, по улучшению вентиляционных свойств обмундирования. Эта тема несколько месяцев занимала умы разработчиков одежды, работающих на фирме. В результате в обмундировании появились модульные вентиляционные вставки — решение принципиально новое для отечественной практики пошива военной и специальной формы.

С. ЛУЧАНИН.

О достижениях, новых разработках и планах предприятия можно рассказывать долго. Но никто не сделает это лучше и квалифицированнее, чем сами питерцы. Поэтому не теряйте времени и отправляйтесь в офис НПО "АНА" по адресу: г. Санкт-Петербург, Малый проспект ПС, 5 — или позвоните по телефону: (812)235-5460. Уверюем, вы не разочаруетесь!

ИЗ ПЕЛЕНОК

По горизонтали:

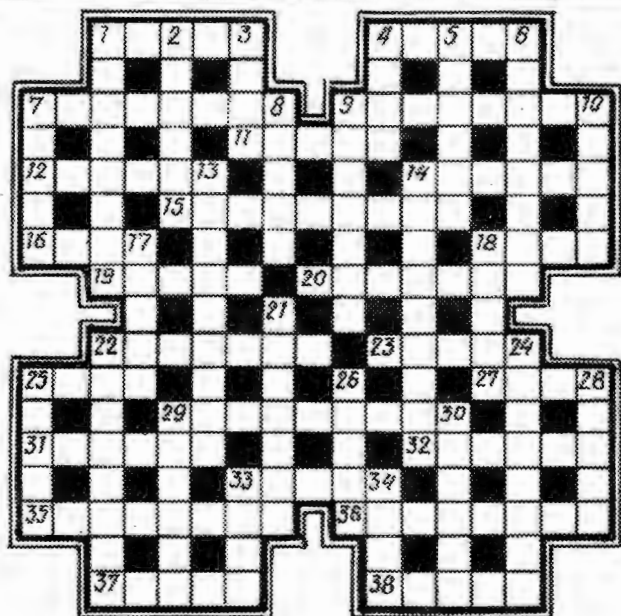
1. Часть ценной бумаги, которая предьявляется для получения процента или дивиденда. 4. Адский камень, нитрат серебра. 7. Орган походного охранения. 9. Рубанок для фигурной обработки лицевых кромок деталей. 11. Романтический герой одного из ранних произведений А. М. Горького. 12. Народный украинский кукольный театр в XVII-XIX вв. 14. Имя героя гоголевской "Шинели". 15. Порт в Крыму. 16. Женское имя. 18. Остров в Средиземном море. 19. Областной центр в Российской Федерации. 20. Европейское государство. 22. Руководящая идея, основное правило деятельности. 23. Водораздельный участок между верховьями двух рек, близко сходящихся в своих истоках. 25. Традиционный русский напиток. 27. Боевой порядок при атаке в конном рассыпном строю. 29. Главный род войск в средние века. 31. Венгерский народный танец. 32. Военнослужащий привилегированной пехоты в султанской Турции (до 1826 г.). 33. Точка небесной сферы над головой наблюдателя. 35. Архитектурное или скульптурное сооружение. 36. Дорожная четырехколесная, обычно крытая повозка. 37. Профессиональный наездник на скачках. 38. Река в Крыму.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №5**По горизонтали:**

1. Засаека. 3. Кубрик. 8. Интендант. 9. Вал. 11. Мга. 12. Ельня. 15. Откат. 16. Брест. 17. Юнкер. 18. Шасси. 23. Дозор. 24. Лот. 25. Ипр. 26. Фальконет. 28. Гексил. 29. Корпус.

По вертикали:

1. Затвор. 2. Ежи. 4. Бот. 5. Караул. 6. Петля. 7. Удино. 10. Лейтенант. 11. Миссисипи. 13. Шанец. 14. "Ермак". 19. Эллинг. 20. Кольт. 21. Чохов. 22. Баркас. 26. Фас. 27. Тир.

КРОССВОРД**По вертикали:**

1. Прибор для измерения углов при вертикальной наводке артиллерийских орудий. 2. Пороховой ... (морск.). 3. Северный ветер. 4. Настольная игра. 5. Плоский и круглый сосуд вроде блюдечка. 6. Хорошо оплачиваемая должность, не требующая особого труда. 7. В православных церквях возвышение перед алтарем. 8. Столица западноафриканского государства. 9. Окисел, образующийся

на поверхности раскаленного металла. 10. Североамериканский луговой волк. 13. Сумка для патронов. 14. Самоуправление, право самостоятельного решения внутренних вопросов какой-либо частью государства. 17. Лицевая сторона монеты, медали. 18. Потомок первых европейских колонизаторов в Латинской Америке. 21. Высокая башня при мечети. 22. Система медицинского обслуживания некоторых категорий больных в домашних условиях. 24. Полуостров на северо-востоке Азии. 25. Хан Сибирского ханства, воевавший с Ермаком. 26. Типографский шрифт. 28. Линейное очертание предмета, контур. 29. "...и друг степей ..." (А. С. Пушкин). 30. Ископаемая смола хвойных деревьев. 33. Сильный жар от раскаленного солнцем воздуха. 34. Упаковка товара.

ТОРГОВЫЙ ДОМ

СЛАВЯНСКИЙ ЩИТ

Приглашает
военнослужащих внутренних войск МВД России и представителей
правоохранительных органов посетить постоянно действующую
ВЫСТАВКУ - ПРОДАЖУ

"СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕХНИКА И СНАРЯЖЕНИЕ МВД РОССИИ"

- специальная форма,
знаки различия и
фурнитура МВД России;
- средства индивидуальной
защиты;
- спецтехника и снаряжение;
- оборудование и
спецтехника ГАИ.

Адрес: Москва,
проспект Мира,
ЭВЦ (бывш. ВДНХ),
павильон № 63
Телефон (095) 181-34-00
Факс: (095) 181-06-19

Орден Жукова

Статут ордена Жукова

1. Орденом Жукова награждаются:
командующие фронтами и армиями, их заместители, начальники штабов, начальники оперативных управлений и оперативных отделов, начальники родов войск фронтов и армий, командиры корпусов, дивизий, бригад, удостоенные звания Героя Советского Союза или награжденные орденами за отличия в руководстве войсками при проведении боевых операций в период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов;

командующие флотами, флотилиями и их заместители, командиры эскадр, военно-морских баз, бригад, удостоенные звания Героя Советского Союза или награжденные орденами за проведение совместно с Красной Армией боевых операций в период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов;

лица высшего офицерского состава, а также старшие офицеры в должности командира дивизии (бригады) и выше Вооруженных Сил Российской Федерации за заслуги в разработке и успешном проведении ими крупных операций в период военных действий по защите Отечества.

2. Награждение орденом Жукова производится указом Президента Российской Федерации.

3. Орден Жукова носится на правой стороне груди.